Автобиография

Жанна Гийон

Оглавление

Предисловие издателя

В мировой истории немногим людям удавалось достичь столь высокого уровня духовности, которого достигла Мадам Гийон. Рожденная в эпоху испорченных нравов, будучи частью нации, известной своей деградацией, она была выращена и воспитана церковью, столь же испорченной, сколь и мир, в котором она возникла. Эта женщина подвергалась гонениям на каждом шагу своего служения, ища истину среди духовного опустошения и невежества. Тем не менее, ей удалось подняться на высочайшую вершину духовного величия и христианской преданности.

Она прожила жизнь и умерла в лоне Католической Церкви. Там она подвергалась мучениям и страданиям, там с ней дурно обращались и оскорбляли. На многие годы она была заключена в тюрьму, и в этом была вина высших служителей церкви. Единственным преступлением, которое она совершила, была ее любовь к Богу. Основанием для обвинения послужило ее преклонение пред Христом и безграничная привязанность к Нему. Когда у нее потребовали деньги и имущество, она охотно от них отказалась, согласившись на нищенскую жизнь. Но и это не облегчило ее участи. Ее преступлению — любви к Богу, в Которого она была погружена всем существом — так и не нашлось в их глазах смягчающих обстоятельств и прощения.

Она любила творить добро всем себе подобным. Будучи исполненной Святым Духом и силой Божьей, она на протяжении всей своей жизни совершала чудеса, так что и до сих пор влияние ее личности остается огромным. Если судить даже с человеческой точки зрения, то перед нами предстает величественное зрелище: одинокая женщина разрушает махинации королей и придворных, высмеивает злые механизмы папской инквизиции, повергает в молчание самых высокообразованных богословов, сокрушая все их эгоистичные притязания. Она не только была способна понимать величайшие истины по–настоящему святого Христианства, но купалась в лучах самого яркого и прекрасного солнечного света, в то время как они на ощупь бродили во тьме. Она с легкостью постигала глубочайшие и самые возвышенные законы Священного Писания, в то время как они блуждали в лабиринтах собственного глубокого невежества.

Один из выдающихся богословов был счастлив сидеть у ее ног. И если сначала он слушал ее с недоверием, то скоро оно сменилось нескрываемым восхищением. В конце концов, он открыл свое сердце истине, согласившись быть ведомым этой женщиной Божьей в Святое Святых, где она пребывала. Речь идет о выдающемся архиепископе Фенелоне, чей кроткий нрав и замечательные труды стали благословением для всех последующих поколений.

Мы нисколько не сожалеем о том, что сохранили в автобиографии мадам Гийон отраженные в ее трудах выражения преданности церкви. Она была истинной католичкой, в то время как протестантизм еще только зарождался. Нет сомнения в том, что Бог посредством особого вмешательства Своего Провидения, побудил ее посвятить всю свою жизнь написанию трудов. Этот долг был ей предписан ее духовным наставником, которому она была послушна согласно установлениям церкви.

Произведение, которое мы предлагаем вашему вниманию, было написано во время ее заточения в одиночной камере. Тот же всеведущий промысел Божий сохранил его от уничтожения. У нас нет и тени сомнения в том, что эти труды окажутся в десять раз полезнее в будущем, нежели они были в прошлом. Действительно, христианский мир только начинает понимать и ценить их. В связи с этим издатель надеется и молится, чтобы посредством этих строк тысячи людей могли быть приведены к такому же близкому единению и общению с Богом, которым наслаждалась Мадам Гийон.

Часть первая

Глава 1

В прежнем повествовании о моей жизни были значительные упущения. Я охотно уступаю Вашему желанию и предоставляю Вам более обстоятельный рассказ, хотя этот труд и причиняет мне боль, так как я не в состоянии долгое время заниматься изучением или размышлением. Наибольшее мое желание — обрисовать в истинном свете всю благость Бога ко мне, а также глубину моей личной благодарности Ему. Но полностью сделать это невозможно, так как многочисленные мелкие события уже исчезли из моей памяти. Вы также не желаете, чтобы я подробно рассказывала о моих грехах. Однако я постараюсь как можно меньше умалчивать о своих ошибках. Я в Вашей власти, если вы решите исключить их, и если Ваша душа откажется от той предопределенной Богом духовной пользы, ради которой я готова пожертвовать всем. Я абсолютно убеждена, что у Него есть план для Вашего освящения, имеющий целью также и освящение других.

Позвольте мне убедить Вас, что все это достигается не иначе как через боль, изнурение и труд. Путь, с помощью которого все совершится, чудесным образом разочарует ваши ожидания. Тем не менее, если Вы полностью убеждены, что Бог созидает свои величайшие дела на том ничтожном, что есть в человеке, — то вы в значительной мере будете ограждены от разочарования и неожиданности.

Он разрушает прежде, чем собирается строить. Когда Он готов возводить внутри нас Свой святой храм, Он сначала до основания разрушает то тщеславное и помпезное строение, которое было сотворено силами и стараниями человека. Затем на этих ужасных руинах Он созидает новую структуру, делая это посредством одной лишь Своей силы. О, если бы вы могли проникнуть в глубину этой тайны, узнать тайны промыслов Божьих, открытых младенцам, но сокрытых от мудрых и великих мира сего, которые почитают себя советниками Господа, способными исследовать Его законы. Если бы они достигли той сокрытой от всех глаз божественной мудрости, живя в своем естестве и будучи окружены своими делами. Но кто из них, посредством своего гения и высоких способностей, в состоянии подняться на Небеса? Кто осмелится думать, что ему понятны высота и глубина, долгота и ширина, равно как и размах разума Божия? Эта божественная мудрость неведома даже тем, которые слывут в мире людьми сверхъестественной просвещенности и знания. Кому же она тогда известна, и кто может поведать нам о ее истинах? Разрушение и смерть убеждают нас, что они лично наслышаны о ее славе и известности. Именно тогда, когда мы умираем для всех материальных вещей, и, будучи для них погибшими, переходим к Богу, существуя единственно в Нем, лишь только тогда мы приобщаемся к познанию истинной мудрости. О, как мало известны нам ее пути и действия в жизни ее избранных слуг. Едва нам случится обнаружить нечто в ней сокрытое, как мы, пораженные разительным несоответствием между истиной, только что нами открытой и нашими прошлыми представлениями о ней, восклицаем вместе со Святым Павлом: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его».

Господь судит не так, как свойственно людям, которые добро называют злом и зло добром, считая праведностью то, что является мерзостью в Его глазах, и что, по словам пророка, Он считает запятнанной одеждой. Однажды Он вызовет этих самоправедных людей на строгий суд, и они, как и фарисеи, скорее испытают Его гнев, нежели удостоятся Его любви и воздаяния. Разве не сам Христос уверяет нас: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». А кто из нас приближается к их праведности или практикует в своей жизни добродетели хотя бы более низкого уровня, и не делает ли он это гораздо более напоказ? Кто не рад видеть себя праведным в собственных глазах и в глазах других людей? Кто усомнится, что такая праведность достаточна для того, чтобы угодить Богу?

Однако мы видим негодование нашего Господа, направленное против таких людей. Будучи примером совершенной благости и кротости, проистекающей из самого сердца, Он в образе голубя скрывал сердце ястреба. Но при этом Он проявлял строгость только к подобным образом оправдывающим себя людям, всенародно их порицая. В каких страшных красках обрисовывает Он их, в то же время, проявляя милость, сострадание и любовь к несчастному грешнику. Он заявляет, что только ради грешников Он должен был прийти, что только больной нуждается во враче, и что Он пришел исключительно для спасения погибших овец дома Израилева. О, Источник Любви! Ты, кажется, действительно с ревностью относишься ко спасению, которое Ты приобрел, ибо предпочитаешь грешника праведнику! Несчастный грешник видит себя мерзким и жалким, питая к самому себе отвращение и находя свое положение крайне ужасным. В отчаянии он повергается в руки своего Спасителя, погружается в целительный источник и выходит «белым как волна». После этого, пораженный, он взглянет на свою прежнюю беспорядочную жизнь, и исполнится любовью к Тому единственному, у кого вся сила, но кто явил сострадание, желая спасти грешника. Теперь в его сердце избыток любви становится таким же, как число совершенных им преступлений, а полнота благодарности равна величине долга, прощенного ему.

Но если человек самоправеден, то, полагаясь на многие совершенные им добрые дела, он думает, что держит спасение в своих руках, считая Небеса лишь воздаянием за свои заслуги. В горечи своей ревности он протестует против всех грешников, заявляя, что врата милости для них закрыты, а Небеса, являются местом, на которое им не должно претендовать. Имеют ли такие самоправедные люди нужду во Спасителе? Они уже отягощены бременем своих собственных заслуг. О, как же долго влачат они это лестное для себя бремя, в то время как грешники, не отягощенные ни чем, так быстро летят на крыльях веры и любви в руки своего Спасителя, который безвозмездно одаривает их тем, что Он так же безвозмездно обещал! Насколько же самоправедные люди исполнены любовью к самим себе и как ничтожно мало в них любви Божией! Они прославляют и восхищаются исключительно собою в своих праведных делах, и в них они видят источник своего счастья. Но прежде чем эти дела будут освещены Солнцем Правды, человек сам обнаружит их, что они наполнены нечистотою и низостью, которые будут разъедать его сердце. В то же время несчастная грешница, Магдалина, была прощена, ибо она много возлюбила, а ее вера и любовь были вменены ей в праведность. Вдохновленный Павел, так хорошо понимавший эти великие истины, и так тщательно их исследовавший, убеждает нас,

«что Аврааму вера вменилась в праведность». Это действительно прекрасно, ибо воистину все поступки этого святого патриарха были исключительно праведными. Однако, не считая их таковыми, он основывал свою веру на пришествии Христа, добровольно отказавшись от всякой любви к собственным делам и ни в коей мере не обладая самолюбием. Он продолжал надеяться на Бога несмотря ни на что, и это было вменено ему в праведность (*Рим. 4:18, 22*). Праведность чистую, простую и настоящую, заработанную Христом, а не самим собой.

Вы можете посчитать это отклонением от темы, но на самом деле это именно то, что неуклонно ведет к ней.

Все это показывает, что Бог совершает Свою работу либо в обращенных грешниках, чьи прошлые беззакония препятствуют желанию возвышаться, либо в людях, чью самоправедность Он разрушает. Он полностью сокрушает то горделивое строение, которое они возвели на основании из песка, вместо того, чтобы созидать его на Камне–Христе. Цели, поставленные Христом во время Его прихода в этот мир, достигаются с помощью необратимого разрушения именно той структуры, которую Он на самом деле намеревается возводить. Он созидает ее с помощью тех самых средств, которые, как может показаться, уничтожают Его Церковь. Каким странным образом Он все заново распределяет и дает этому Свою санкцию на существование! Сам законодатель, приговоренный просвещенными и великими, умирает бесславной смертью злодея. Если бы мы смогли уразуметь, сколь разителен контраст между нашей самоправедностью и предписаниями Бога, это стало бы источником нашего бесконечного смирения, и мы бы абсолютно перестали доверять тому, на чем зиждется в настоящее время все наше упование.

Обладая высшей властью проявления любви и зная о ревности людей, наделяющих друг друга теми дарами, которыми Он Сам их одаривает, Богу угодно выбрать самое ничтожное творение, чтобы явить нам, что Его милости исходят только из Его воли, а не в результате наших заслуг. Его мудрости принадлежит право разрушить то, что так горделиво созидалось, и созидать то, что было разрушено. Он имеет власть употребить немощных, дабы сокрушить сильных и употребить в Своем служении тех, которые кажутся ничтожными и презренными. Все это он совершает абсолютно поразительным образом, являя их объектами презрения и уничижения этого мира. Он превращает их в орудия спасения других не с целью привлечь к ним одобрение общества, но делая их предметами общественного неприятия и оскорбления. В этом Вы сможете убедиться на примере моей жизни, которую велели мне описать.

Глава 2

Я родилась 18 апреля 1648 года. Мои родители, в особенности мой отец, были в высшей степени набожны, но ему это качество передалось по наследству. Многие из его предков слыли жившими святой жизнью. Моей матери, носившей меня на восьмом месяце, случилось испугаться, что привело к выкидышу. Обычно считается, что ребенок, рожденный в такой срок, не может остаться в живых. И в самом деле, после рождения я была настолько слаба, что все вокруг и не надеялись видеть меня живой, опасаясь смерти некрещеного младенца. Однако, заметив некоторые признаки жизнеспособности, они побежали уведомить моего отца, который немедленно привел с собой священника. Но, войдя в комнату, они узнали, что симптомы, которые, казалось, еще оставляли надежду, оказались лишь признаками угасавшей борьбы за существование, так что все шло к концу.

В скором времени я снова подала признаки жизни, после чего, впав в беспамятство, я оставалась в этом шатком состоянии достаточно долго, прежде чем у них явилась подходящая возможность меня окрестить. Будучи очень слабым ребенком, я дожила до возраста двух с половиной лет, когда меня отослали в Обитель урсулинок, где я провела несколько месяцев. Когда же я вернулась, моя мать пренебрежительно отнеслась к моему воспитанию. Она не любила дочерей и отдала меня на полное попечение слуг. Действительно, я должна была бы сильно страдать от их невнимательности ко мне, если бы не всевидящее Провидение. Оно было мне защитой, так как из–за живости моего характера со мной часто случались различные несчастья. Так я часто падала в глубокий подвал, где хранились дрова. К счастью мне всегда удавалось легко отделаться.

Графиня Монтбасон приехала в монастырь Бенедиктинцев, кода мне было около четырех лет. Она была очень дружна с моим отцом, и он разрешил ей поместить меня в этот монастырь. Она восторгалась моим живым характером и некоей утонченностью манер. С тех пор я стала ее постоянной спутницей. Часто в этом доме я оказывалась причиной опасных происшествий, а также совершала серьезные проступки. Перед моими глазами было много прекрасных примеров, и, будучи по природе склонной к добру, я подражала им, если ничто иное не уводило меня в сторону. Я любила слушать разговоры о Боге, находиться в церкви и наряжаться в церковные одеяния. Мне рассказывали об ужасах ада, которые, как я считала, предназначались единственно для моего устрашения, так как я была в крайней степени живой девочкой, исполненной того пытливого любопытства, которое они называли разумом. На следующую после подобных рассказов ночь мне мог присниться ад. Хоть я была еще очень юной, время никогда не сможет стереть с моей памяти те пугающие картины, которые тогда настолько поразили мое воображение. Все там мне показалось покрытым ужасным мраком, в котором души отбывали наказание, и среди них было уготовано место мне. В тот момент я горько рыдала и взывала: «О мой Бог, если бы Ты был милостив ко мне и продлил мою жизнь, то я больше никогда не обижала бы Тебя». И ты, Господи, по милости Твоей внимал моей мольбе, изливая на меня силу и мужество для служения Тебе, что было делом необыкновенным для ребенка моего возраста.

Я хотела тайком посещать исповедь, но, будучи слишком маленькой, ходила туда только в сопровождении хозяйки пансиона, которая оставалась рядом в продолжение всего времени, пока

меня выслушивали. Она была чрезвычайно поражена, услышав, что у меня были сомнения относительно веры. Исповедник засмеялся, спросив меня, в чем же они заключались. Я рассказала ему, что сомневалась в существовании ада, думая, что хозяйка говорила мне о нем всего лишь для воспитания во мне добрых качеств, но теперь мои сомнения развеялись. После исповеди мое сердце пылало жаром, и в какой–то момент я ощутила желание стать мучеником. Я получала большое вдохновение и удовольствие от молитвы, убежденная, что это новое и приятное чувство и является доказательством любви Божьей. Это ободрило меня, исполнив таким мужеством и решительностью, что я горячо молила о том, чтобы эти ощущения оставались во мне, дабы таким образом я могла войти в Его святое присутствие. Но не было ли в этом скрытого лицемерия? Не представляла ли я себе, что, возможно, меня не убьют, и я заслужу славу мученика, не претерпев смерти? Действительно, во всем этом было нечто подобное. Когда я стояла на коленях, представляя за своей спиной занесенный широкий меч, который приготовили с целью определить, насколько хватит моего рвения, я восклицала: «Постойте! это неправильно, что я должна умереть не получив на это разрешения моего отца». Очень скоро я видела, как меня укоряют за то, что я пожелала избежать своей участи, и уже более не смогу считаться мучеником.

После я долго не могла утешиться, не получая никакого успокоения. Что–то во мне постоянно укоряло меня за неумение воспользоваться возможностью попасть на Небеса, когда все зависело только от моего личного выбора.

Вскоре уступив моим просьбам и жалобам на частые недомогания, меня забрали домой. По моему возвращению моя мать, имея служанку, которой она более всего доверяла, снова оставила меня на попечение слуг. Это великий грех многих матерей, которые под предлогом участия в религиозных таинствах или других обязанностях, обделяют вниманием своих дочерей. Я воздержусь от осуждения того несправедливого лицеприятия, которое некоторые родители проявляют к свои детям. Зачастую это производит разделения в семьях, и даже разрушает некоторые из них. Нелицеприятное отношение, напротив, полагает основание продолжительной гармонии и единомыслию, посредством единения детских сердец. Будь это в моей власти, я бы убеждала родителей, и тех, кто печется о молодых людях, насколько детям необходимо внимание, и насколько опасно терять их из виду на длительное время, оставляя без какого бы то ни было занятия. Такое пренебрежение ведет к гибели множества девочек. Как сильно мы должны сожалеть о том факте, что матерям, склонным к набожности, случается иногда даже извращать пути спасения. Они совершают величайшие ошибки, пытаясь внушить дочерям правила прилежного поведения. Получая от молитв некоторое удовлетворение, они весь день готовы находиться в церкви — в то время как их дети оказываются на гибельном пути. Мы прославляем Бога больше всего, когда предотвращаем то, что может нанести Ему оскорбление. Какого же качества должна быть жертва, если она послужила основанием ко греху! Богу нужно служить, так как Он того желает.

Пусть же религиозное поклонение матерей будет устроено таким образом, чтобы предотвратить опасность заблуждения их дочерей. Относитесь к ним лучше как к сестрам, нежели как к рабам. Покажите, что вы рады их маленьким развлечениям. В свою очередь дети будут радоваться присутствию своих матерей, вместо того, чтобы избегать его. Если они будут

находить столько счастья именно в этом, то не будут мечтать о его поисках в другом месте. Зачастую матери отказывают своим детям во многих вольностях. Как птицы постоянно заключенные в клетке, едва обретя способ освободиться, они тут же улетают и никогда больше не возвращаются. Но для того чтобы приручить их, сделав послушными, пока они еще молоды, иногда им нужно позволять взлетать. Так как летают они неумело и недалеко, находясь под пристальным наблюдением, их легко удержать, если они вздумают улететь. Кратковременные полеты приучают их к привычке постоянно возвращаться в свою клетку, которая становится местом приятного заключения. Я полагаю, что с маленькими девочками нужно обращаться именно так. Матери должны позволять им некоторую невинную свободу, не выпуская их из виду при этом. Для того чтобы оберегать нежный разум детей от зла, нужно прилагать много стараний, занимая их приятными и полезными вещами. Также их не нужно перегружать едой, к которой они не испытывают аппетита. Им не следует давать молоко, скорее подходящее младенцам. А жесткое мясо может вызвать у них такое отвращение, что когда они придут в возраст, в котором подобное питание будет правильным, они не будут любить его. Каждый день они обязаны читать понемногу из какой–либо хорошей книги, а также проводить время в молитве, что скорее должно лишь возбудить их любознательность, нежели наводить на размышления. О если бы этот метод воспитания был применен ко мне, как быстро я бы избавилась от многих неправильных вещей! Дочери же, становясь матерями, воспитывают своих детей подобно тому, как их воспитывали в свое время.

Родителям также должно избегать проявления малейшего лицеприятия по отношению к своим детям. Это в них порождает тайную ревность и ненависть, которая со временем возрастает и живет в них до самой смерти. Как часто мы наблюдаем детей, ставших в семье идолами, которые ведут себя подобно настоящим тиранам, ибо они относятся к своим братьям и сестрам как к многочисленным рабам. Причем поступают так они, следуя примеру своих отца и матери. И часто случается, что любимчик становится крестом для родителей, в то время как тот, кто был несчастным, презираемым и ненавидимым всеми, становится их утешением и поддержкой. Моя мать причинила много вреда, воспитывая своих детей. Она на целые дни лишала меня своего присутствия, оставляя на попечение слуг, чья беседа и пример оказывались особенно вредными для человека с моим характером. Сердце матери казалось, было полностью озабочено только моим братом. И лишь изредка я была почтена коротким мгновением ее нежности или привязанности. Поэтому я намеренно избегала ее присутствия. Действительно, мой брат был более добродушным чем я, но то, как мать обожала его, ослепляло ее настолько, что не позволяло ей замечать мои явные положительные качества. Все это вело лишь к тому, что проявлялись мои недостатки, которые казались бы нестоящими внимания пустяками, будь я в хороших руках.

Глава 3

Мой отец, который нежно меня любил, видя мое недостаточное воспитание, позаботился отослать меня в Обитель урсулинок. Мне тогда было почти семь лет. В доме вместе с нами также жили две мои сводные сестры, из которых одна была дочерью отца, а другая дочерью матери. Отец оставлял меня на попечение своей дочери, которая была человеком превосходных способностей и замечательного благочестия, что как нельзя лучше способствовало воспитанию такой юной особы как я. Это было единственным каналом проявления ко мне Божьей милости и любви, оказавшись первым средством моего спасения. Она нежно любила меня, и ее привязанность позволила ей раскрыть во мне многие достойные похвалы качества, которыми меня наделил Господь. Она упорно трудилась, дабы развить эти хорошие качества. Я верю, что если бы я продолжала находиться в столь заботливых руках, то приобрела бы многие добродетельные привычки с тем же успехом, с каким я впоследствии избавлялась от плохих.

Эта добрая сестра употребляла все свое время для воспитания меня в набожности и научения в таких областях знаний, которые более всего подходили моему возрасту и способностям. Она обладала многими талантами и с успехом их совершенствовала. Ей нравилось часто молиться, и ее вера не особенно отличалась от веры большинства людей. Также она отказывала себе во всяком удовольствии для того, чтобы быть со мной и обучать меня. Ее привязанность ко мне была настолько сильной, что она находила больше удовольствия в моем обществе, нежели в чьем–то другом. Если я давала ей удовлетворительные ответы, хотя большинство из них были даны скорее наугад, нежели от знания, она считала это достойным вознаграждением за свой труд. Находясь под ее опекой, я вскоре овладела большей частью наук, подходящих для моего возраста. Многие взрослые люди высокого положения не смогли бы давать более вразумительных ответов.

Мой отец часто посылал за мной, желая видеть меня дома, и однажды я увидела там королеву Англии. Мне тогда было около восьми лет. Отец сказал духовнику королевы, что если он желает немного позабавиться, то ему следует пообщаться со мной. Он проверял меня тем, что несколько раз задавал мне сложные вопросы, на которые я давала настолько уместные ответы, что он привел меня к королеве и сказал: «Вашему величеству следует получить удовольствие от общения с этим ребенком». Она также задавала мне вопросы и была так восхищена моими милыми ответами и манерами, что настаивала, правда без малейшей назойливости, на том, чтобы мой отец отдал меня ей. Она уверяла его в том, что будет особенно заботиться обо мне, готовя к роли фрейлины принцессы. Но мой отец был против этого. Нет сомнения в том, что именно Бог был причиной этого отказа, и таким образом воспрепятствовал повороту судьбы, который, вероятно мог бы помешать моему спасению. Будучи столь слабой, как смогла бы я противостать искушениям и развлечениям двора? Я вернулась в Обитель урсулинок, где моя добрая сестра продолжила заниматься со мной привычными для меня вещами. Но так как она не была наставницей пансионерок, то мне иногда приходилось самой искать с ними общий язык. Я приобрела плохие привычки. Стала лгать, проявляла раздражительность и черты безбожного человека. Целыми днями я не думала о Боге, хотя Он постоянно наблюдал за мной, как это

показали будущие события. К счастью, мне недолго пришлось находиться под властью этих привычек, потому что забота сестры излечила меня.

Я очень любила слушать рассказы о Боге, меня не утомляла церковь, где я любила молиться. Мне было присуще чувство сострадания к беднякам и природная неприязнь к людям, чьи учения расценивались как лишенные здравого смысла. Бог постоянно изливал на меня Свою благодать, а я в это время проявляла неверность по отношению к Нему. В конце сада, который примыкал к монастырю, была маленькая церквушка посвященная младенцу Иисусу. Я приходила сюда, чтобы побыть одной, и каждое утро приносила с собой небольшой завтрак, который прятала за образом. Я была еще таким ребенком, и думала, что лишая себя завтрака, я добровольно приношу себя в жертву. Еду я выбирала вкусную, ибо мне хотелось умерщвлять свою плоть. Но оказалось, что любовь к самой себе еще преобладала над моим умерщвлением. Когда в церкви проводили уборку, находя за образом оставленную мной еду, то немедленно догадывались, что это моих рук дело. Они видели, что я каждый день ходила туда. Я верю, что Бог, который не позволяет, чтобы что–то осталось без вознаграждения, вскоре вознаградил меня за это небольшое детское посвящение, вселив в меня интерес к Своей Личности.

На протяжении еще некоторого времени я оставалась вместе со своей сестрой, сохраняя любовь и страх к Богу. Жизнь моя была легкой, ибо я охотно училась у сестры. Когда здоровье мое улучшалось, то улучшались и мои успехи, но очень часто я заболевала.

Это происходило столь же внезапно, сколь необычными оказывались мои болезни. Вечером я чувствовала себя хорошо, а утром я уже просыпалась опухшей, с синевой по всему телу, что было симптомами быстро начинавшейся лихорадки. В девятилетнем возрасте у меня было такое сильное кровотечение, что все ожидали моей скорой кончины. Я была полностью обессилена. Незадолго до этого другая моя сестра пожелала взять меня на воспитание. Хоть она и вела достойный образ жизни, но у нее не было таланта воспитывать детей. Когда она впервые меня приласкала, это никак не коснулось моего сердца. Первая сестра добивалась большего одним только взглядом, нежели ласками или угрозами. Когда вторая сестра видела, что я ее недостаточно люблю, она начинала строго со мной обращаться. Она не позволяла мне общаться с другой сестрой. Узнав о том, что мы разговаривали, она приказывала меня выпороть или даже била меня сама.

Я не смогла долго терпеть столь строгого обращения и явной неблагодарностью отомстила за все добрые намерения моей сестры, перестав с ней видеться. Но это не воспрепятствовало ей проявлять ко мне знаки обычной доброты, когда мне приходилось серьезно заболевать. Она сделала вывод, что мое неуважение вызвано лишь страхом перед наказанием, но не исходит из моего сердца. На самом деле, страх наказания действовал во мне могучим образом только в этом случае.

С того времени я больше страдала, причиняя боль Тому единственному, Кого я любила, нежели принимая страдания лично из рук людей. О мой Возлюбленный, Тебе известно, что не страх перед Твоим наказанием так глубоко проник в мое понимание и мое сердце. Скорбь о Твоей жертве была причиной моего великого горя. Мне кажется, что если бы даже не существовало Небес и Ада, у меня бы всегда оставался страх оказаться Тебе неугодной. Ты

знаешь, что когда после моих ошибок Ты по своей великой милости снизошел посетить мою душу, Твоя ласка оказалась в тысячу раз более нестерпимой, нежели Твой жезл.

Моему отцу обо всем сообщили, и он забрал меня домой. Мне было тогда около десяти лет. Дома я пробыла совсем недолго. Монашка из ордена Св. Доминика, которая была из большой семьи и знала одного из близких друзей моего отца, уговорила его отправить меня в свой монастырь. Она была настоятельницей монастыря и обещала позаботиться обо мне, выделив мне угол в своей комнате. Эта дама испытывала ко мне большую любовь. Но она была так занята своим приходом и его проблемами, что не в состоянии была заботиться обо мне. У меня случилась ветряная оспа, которая свалила меня в постель на три недели. В течение этого времени обо мне плохо заботились, хотя мои родители думали, что я в надежных руках. Женщины, которые вели хозяйство в обители, так сильно боялись оспы, что и близко ко мне не подходили. Все это время я почти никого не видела. Сестра монашка, которая в определенное время приносила положенную мне еду, сразу же уходила. К счастью, я нашла Библию, и так как любила читать и обладала хорошей памятью, то проводила целые дни за чтением. Я в совершенстве изучила историческую ее часть.

И все–таки в этой обители я была по–настоящему счастлива. Другие пансионерки, будучи уже взрослыми девушками, огорчали меня своими нападками. Меня настолько обделяли едой, что спустя некоторое время я стала весьма истощенной.

Глава 4

Спустя восемь месяцев отец забрал меня домой. Теперь я больше времени проводила с мамой, и она уделяла мне больше внимания, чем прежде. При этом она все еще предпочитала мне моего брата, ибо все об этом говорили. Даже когда я заболевала, он сразу же начинал требовать что–нибудь, что мне нравилось. Тогда у меня это забирали и отдавали ему. Он же обладал прекрасным здоровьем. Однажды брат заставил меня вскарабкаться на карету, а потом сбросил меня оттуда. После этого падения у меня было много синяков. В другой раз он меня побил. Но что бы он ни делал, и насколько плохими не были бы его поступки, на это всегда закрывали глаза или находили какое–нибудь безобидное объяснение. Это меня озлобляло. Я не обладала большой склонность к добру и говорила: «У меня не получилось бы поступить лучше». В то время я делала добро не только ради Тебя, о мой Бог. Когда я видела, что люди не восприняли мои действия, так как я хотела, я прекращала их совершать. Если бы я знала, как правильно употребить Твое наказующее отношение, я бы добилась больших успехов. Вместо того чтобы увести меня с пути истинного, это бы абсолютно обратило меня к Тебе. Я с завистью взирала на своего брата, видя разницу между ним и собой. Все сделанное им считалось хорошим, и даже если в чем–то оказывалась доля его вины, ее тут же обрушивали на меня. Мои сводные сестры по матери добивались ее расположения тем, что ласкали его и упрекали меня.

Конечно, я была непослушной. Я снова вернулась к своей прежней лжи и капризам. Но вместе со всеми этими проступками я проявляла нежность и милосердие к беднякам. Я старательно молилась Богу и любила слушать, когда кто–то говорил о Нем или читал хорошие книги. Я не сомневаюсь, что вас удивляет такая непоследовательность, но то, что будет описано далее, удивит вас еще больше, когда вы увидите, что такая манера поведения с возрастом лишь укоренилась во мне. По мере созревания моего разума было уже поздно исправлять это безрассудное отношение. Грех усилил свою власть во мне. О мой Бог, Твоя благодать, казалось, удвоилась в сравнении с моей неблагодарностью! Я была похожа на осажденный город, ибо Ты окружил мое сердце, а я лишь обдумывала, как защититься от Твоих атак. Я возводила укрепления вокруг всякого нечестия, каждый день увеличивая число своих беззаконий и, пытаясь тем самым предотвратить Твою победу. Когда была хотя бы видимость Твоей победы над этим неблагодарным сердцем, я поднималась в контратаку, укрепляя свои крепостные валы против твоей благости и пытаясь помешать твоей благодати.

Но только Тебе было под силу одержать надо мной победу.

Я не люблю слышать, когда говорят: «Мы не властны противостоять благодати». Слишком долгое время я испытывала на себе действие своей свободы. Я закрывала ставни своего сердца, дабы не слышать тайного голоса Божьего, который звал меня к Себе. Действительно, с ранней юности из–за болезней или гонений мне пришлось пережить многие разочарования. Девушка, чьим заботам моя мать поручила меня, укладывая мне волосы, била меня и осыпала бранью.

Все, казалось, лишь наказывали меня. Но вместо того чтобы обратить меня к Тебе, о мой Бог, это лишь послужило моему огорчению и разочарованиям. Мой отец ничего об этом не знал,

ибо его любовь ко мне была так сильна, что он бы не потерпел такого обращения со мной. Я также его очень любила, но в то же время боялась, ничего ему не рассказывая. Моя мать, часто на меня жалуясь, подтрунивала над ним, на что он неизменно отвечал: «В дне двенадцать часов, и значит, со временем она поумнеет».

Этот суровый процесс воспитания не был самым худшим из зол, причиненных моей душе, хоть он и испортил мой характер, бывший в прежние времена мягким и легким. Но наибольший вред мне причинило желание быть среди тех, кто, лаская меня, на самом деле способствовал моей испорченности и избалованности. Моя мать, видя, что я подросла, отправила меня на время Великого Поста к Урсулинкам, чтобы свое первое причастие я приняла на Пасху, ибо в то время мне исполнялось одиннадцать лет. Там же находилась моя милая сестра, под чей присмотр отец поместил меня. Она удвоила свое попечение обо мне, дабы заставить меня наилучшим образом подготовиться к этому акту поклонения Богу. Теперь я начала думать о том, чтобы искренне посвятить себя Богу. Часто я ощущала битву, которая шла между моими добрыми наклонностями и плохими привычками. Я даже принимала на себя некоторые епитимьи. Поскольку я почти всегда была рядом с сестрой, то, как и все пансионерки ее первого класса, я вскоре также стала весьма рассудительной и учтивой. Было бы жестоко подвергать меня плохому воспитанию, ибо по самой своей природе я была весьма склонна к добру. Я с удовольствием делала то, что желала моя сестра, отвечая на ее мягкое обращение.

Через время пришла Пасха, когда я с великой радостью и посвящённостью приняла свое первое причастие. В этой обители я оставалась до дня Святой Троицы. Поскольку моя вторая сестра была учительницей во втором классе, она требовала, чтобы всю неделю ее занятий я проводила в этом классе. Ее манеры, столь противоположные манерам первой сестры, побудили меня оставить свою прежнюю набожность. Я более не ощущала того свежего и радостного пыла, который охватил мое сердце во время первого причастия. Увы! Он продлился так недолго. Мои проступки и падения вскоре возобновились и удалили меня от забот и обязанностей религии.

Поскольку я была очень высокой для своего возраста и по этой причине пользовалась большим вниманием матери, она стала заботиться о моей прическе и нарядах, стараясь показать меня обществу и беря с собой за границу. Она чрезвычайно гордилась той красотой, которою Бог наделил меня для Своей славы. Тем не менее, эта красота была превращена мной в источник гордыни и тщеславия. Несколько женихов приходили ко мне свататься, но поскольку мне еще не исполнилось и двенадцати лет, отец и слышать не хотел о браке. Я любила читать и закрывалась надолго в одиночестве, чтобы беспрерывно предаваться чтению. Когда племянник моего отца посетил наш дом, отправляясь с миссией в Китай, это произвело решающее действие на мою абсолютную посвящённость Богу. В то время я прогуливалась со своими компаньонками. Когда я вернулась, он был у нас дома. Мне рассказали о его святости и о том, что он говорил. Я была столь тронута, что вдруг внезапная печаль охватила мое сердце. Я проплакала весь остаток дня и ночь. Рано утром в великом отчаянии я пошла встретиться со своим исповедником. Я сказала ему: «Как это возможно? Отец мой, неужели я окажусь единственной погибшей в своей семье? О, помогите же мне в моем спасении». Он был весьма удивлен, видя меня в таком горестном состоянии, и утешал меня, как только мог, не считая меня такой уж плохой особой.

Когда мне случалось поддаваться искушениям, то я вела себя послушно, четко повинуясь правилам и старательно во всем исповедуясь. Со времени этого визита к исповеднику, моя жизнь приобрела более размеренный характер. О Бог любви, как часто Ты стучался в дверь моего сердца! Как часто Ты устрашал меня видимостью внезапной смерти! Но все это производило на меня лишь временное впечатление. Вскоре я возвращалась к своей неверности. На этот раз Ты совершенно захватил мое сердце. В какую печаль я теперь окуналась, когда была Тебе неугодна! Какие это были сожаления, восклицания и рыдания! Кто бы мог подумать, видя меня тогда, что это обращение продлится всю мою жизнь? Почему же Ты, о мой Боже, совершенно не забрал мое сердце, когда я абсолютно жертвовала его Тебе. Если Ты не забрал его тогда, то почему Ты позволил ему вновь противостать? Ты достаточно могуществен, чтобы удержать его, но Ты, оставив меня на самое себя, проявил свою милость, чтобы глубина моего беззакония послужила победе твоей благости.

Я немедленно стала практиковать все, что обязана была делать. Общее исповедание я совершала с великим раскаянием сердца, искренне исповедуя все известные мне прегрешения со многими слезами. Я так изменилась, что меня едва узнавали. Я больше старалась не совершать ни одного намеренного греха. Когда я исповедывалась, то во мне с трудом находили грех, подлежащий отпущению. Я обнаруживала в себе мельчайшие проступки, и Бог благословил меня в том, чтобы одержать победу над многими недостатками моего характера. Осталась лишь некоторая вспыльчивость, которую мне трудно было победить. Но коль скоро мне случалось проявить какое–либо неудовольствие, даже по отношению к слугам, я просила у них прощения, дабы покорить свой гнев и гордыню, ибо гнев есть дитя гордыни. Истинно смиренный человек никому не позволит вывести себя из состояния равновесия. Равно как гордость умирает последней в душе, так и вспыльчивость разрушается последней во внешнем поведении человека. Окончательно умерщвленная душа не находит в себе гнева.

Существуют люди, столь исполненные благодати и мира, что, ступив на путь света и любви, они думают, что продвинулись весьма далеко. Но они очень ошибаются, рассматривая так свое состояние. Это вскоре станет им ясно, если они искренне захотят проверить две вещи. Первая состоит в том, что если их природа еще жива, горяча и сильна (здесь я не имею в виду людей необузданного нрава), то они обнаружат, что время от времени допускают грехи, в которых основную роль играет волнение и чувство. Даже в эти моменты они стараются усмирять и подавлять их. (Но когда чувства подавлены совершенно и вся вспыльчивость ушла — это еще несравнимо с состоянием, о котором я говорю.) Они обнаружат, что иногда в них просыпаются некоторые проявления гнева, которые сладость благодати все же удерживает. Они бы легко согрешили, если бы каким–то образом уступили этим движениям.

Существуют люди, которые считают себя весьма мягкими, потому что их ничто не расстраивает. Но я говорю не о таких людях. Мягкость, которая никогда не подвергалась испытаниям, часто не является настоящей. Люди, которых всегда оставляли в покое, из–за чего они казались святыми, начинают совершать целый ряд странных грехов, подвергаясь воздействию досадных происшествий. Они считали свою природу мертвой, но на самом деле она была спящей, так как ничто ее не будило.

Я продолжала свою религиозную практику. Закрываясь на целый день, я предавалась молитве и чтению. Все свои сбережения я отдавала бедным, даже нося полотно в их дома. Я учила их катехизису, и когда мои родители обедали вне дома, я приглашала бедняков на обед, служа им с великим уважением. Также мне удалось прочесть труды Св. Франциска де Саля и жизнеописание Мадам де Шанталь. Оттуда я впервые узнала, что такое умственная молитва и тогда я стала умолять своего духовника научить меня этому виду молитвы. Поскольку он меня не учил, я предпринимала, хоть и безуспешно, собственные попытки научиться ей. Не умея задействовать свое воображение, я тогда думала, что молитва не может происходить без формирования определенных идей и интенсивного мышления. Я была весьма старательной и усердно молилась, чтобы Бог даровал мне этот дар молитвы. Все, что я видела в жизни Мадам де Шанталь, меня очаровывало. Каким ребенком я была, думая, что мне следует подражать всему, о чем я читала! Я давала все обеты, которые она давала Богу. Однажды я прочла, что она положила имя Иисуса на свое сердце, следуя совету: «Положи меня как печать на сердце свое». Для этой цели она взяла раскаленное железо, на котором было выгравировано это святое имя. Я была весьма опечалена, что не могу сделать того же. Тогда я решила написать это священное и обожаемое имя большими буквами на бумаге, а затем с помощью лент и иголки прикрепила его к своему телу в четырех местах. В таком положении оно было у меня долгое время.

После этого я обратила все свои помыслы на то, чтобы стать монашкой. Поскольку моя любовь к Св. Франциску де Салю не позволяла мне думать о какой–либо другой обители, нежели основанной им, я часто ходила просить монашек принять меня в их монастырь. Я часто тайком убегала из отцовского дома и упрашивала монашек принять меня туда. Несмотря на то, что они охотно соглашались, даже с временным для себя преимуществом, они никогда не осмеливались впустить меня, так как весьма боялись моего отца, о чьей любви ко мне они были хорошо наслышаны. В этой обители находилась племянница моего отца, которой я многим обязана. Судьба была не слишком благосклонна к ее отцу. Это в некоторой степени заставляло ее зависеть от моего отца, которому она рассказала о моем желании. Хоть он ни за что на свете не воспрепятствовал бы такому доброму призванию, однако, он не мог без слез слышать о моем желании. Поскольку в то время ему случилось находиться за границей, моя кузина пошла к моему исповеднику, дабы просить его запретить мне посещать обитель. Он не осмелился этого сделать, из страха навлечь на себя возмущение обители. Я все еще желала быть монашкой и крайне докучала своей матери, прося ее отдать меня в этот монастырь. Она не хотела этого делать, не желая опечаливать моего отца, который в то время отсутствовал.

Глава 5

Сразу же по возращении домой мой отец очень серьезно заболел. В то же самое время моей матери также нездоровилось, и она находилась в другой половине дома. Я одна оставалась с ним, будучи готовой оказать любую помощь, на которую только была способна, проявляя всевозможные знаки внимания из побуждений самой искренней любви. Я и не сомневаюсь в том, что мое усердие было ему очень приятно. Я исполняла самую черную работу, занимаясь ею тайком, когда слуг не было на месте. Этим я желала, как умертвить самое себя, так и должным образом показать почтение к словам Иисуса Христа, о том, что Он не пришел для того, чтобы ему служили, но дабы послужить другим. Когда отец просил меня читать ему, я читала с таким глубоким посвящением, что он был удивлен. Я помнила те наставления, которые мне давала моя сестра, а также все те восторженные молитвы и восхваления Бога, которые я выучила.

Она научила меня прославлять Тебя, о мой Бог, во всех Твоих деяниях. Все, что открывалось моему взору, побуждало меня поклоняться Тебе. Если шел дождь, я мечтала, чтобы каждая его капля превратилась в любовь и хвалу Тебе. Мое сердце неосознанно питалось Твоей любовью, и мой дух беспрестанно был поглощен мыслями о Тебе. Казалось, мое существо разделяло все то доброе, что совершалось в мире, стремясь лишь к тому, чтобы сердца всех людей соединились в любви к Тебе. Такое отношение настолько укоренилось во мне, что я смогла пронести его даже через самые большие мои испытания.

Моя сестра немало помогла мне, укрепив во мне эти добрые побуждения. Я часто проводила с ней время, и любила ее, так как она проявляла по отношению ко мне огромное внимание, обращаясь со мной с исключительной нежностью. Несмотря на то, что судьба не вознаградила ее соответственно ее происхождению или добродетели, она всегда проявляла милосердие и любовь, как ее к тому обязывало ее положение. Моя мать исполнялась завистью, боясь, что я так сильно любила сестру и так мало ее саму. Оставив меня в мои юные годы на попечение своих служанок, а позже и вообще саму, теперь она требовала, чтоб я находилась только лишь в доме. Нисколько не беспокоясь об этом раньше, теперь она желала, чтобы я всегда находилась при ней, и с большой неохотой терпела мое общение с кузиной.

Однажды моя кузина заболела. Мать воспользовалась этим случаем, чтобы отослать ее домой, что нанесло сильный удар моему сердцу, равно как и той благодати, которая начала во мне пробуждаться. Моя мать была очень добродетельной женщиной, ибо слыла одной из самых известных благотворительниц своего времени. Она не только жертвовала чем–то лишним, но иногда даже тем, что было необходимо в доме. Никогда нуждающиеся не были обделены. Никогда не было такого, чтобы какой–нибудь несчастный не получил от нее помощи. Она снабжала бедных ремесленников, чтобы им было чем продолжать работу, и пополняла лавки нуждающихся торговцев. Я думаю, что именно от нее я унаследовала свою тягу к благотворительности и любовь к бедным. Бог благословил меня стать ее последовательницей в этом святом деле. Ни в самом городе, ни в его окрестностях не было человека, который бы не хвалил ее за эту добродетель. Иногда она жертвовала, отдавая последнее пенни в доме, несмотря на то, что на ее содержании была большая семья. Ее вера никогда не ослабевала.

Моя мать заботилась только о том, чтобы я всегда находилась в доме, что является существенным моментом в воспитании девочки. Эта привычка постоянно находиться в помещении сослужила мне очень хорошую службу после того, как я вышла замуж. Было бы конечно лучше, если бы она держала меня на своей половине, разрешая мне некоторую свободу и, внушая важность того, в какой части дома я нахожусь.

После того как моя кузина оставила меня, Бог даровал мне благодать к прощению любых оскорблений с такой готовностью, что мой духовник был удивлен. Он узнал, что одни молодые леди оклеветали меня из зависти, и что я хорошо о них отзывалась всякий раз, как только представлялся случай говорить о них. Затем на четыре месяца я слегла с лихорадкой, от которой очень страдала. В течение этого времени я испытала, каково это переносить страдание с покорностью и терпением. В том же духе и образе мышления я всегда проявляла стойкость, практикуя внутреннюю молитву.

По прошествии некоторого времени мы отправились провести несколько дней в провинции. Мой отец пригласил одного очень образованного молодого человека из своих родственников составить нам компанию. Этот молодой человек очень желал на мне жениться, но мой отец, решив не отдавать меня ни за кого из близких родственников по причине сложности таких отношений, отказал ему, не приведя ни ложных, ни даже поверхностных доводов для этого отказа. Так как этот молодой человек был очень преданным Богу, и каждый день читал молитву Деве Марии, я читала ее вместе с ним. Для того чтобы иметь время на это занятие, я оставила внутреннюю молитву, что было моей первой уступкой злу. Однако я продолжала довольно длительное время пребывать в духе набожности, так как взялась отыскивать маленьких пастушек, которых я наставляла в их религиозных обязанностях. Но этот дух постепенно угасал, не будучи питаемым от молитвы. Я охладела в своем отношении к Богу. Тут снова вернулись к жизни все мои прежние недостатки, к которым прибавилось еще и чрезмерное тщеславие. Любовь к самой себе угасила во мне все то, что еще оставалось во мне от любви Божьей. Не сразу, но я оставила внутреннюю молитву, не спросив на то разрешения моего исповедника. Я сказала ему, что считаю более полезным каждый день совершать моление Деве Марии, нежели практиковать молитву, хоть на самом деле у меня не было времени ни на первое, ни на второе. Я не заметила, что в этом–то и заключалась стратегия врага с целью отдалить меня от Бога, поймать меня в силки, специально для меня расставленные. У меня было достаточно времени для обеих молитв, так как все свои занятия я назначала себе сама. Исповедник же мой легко сдался в этом вопросе. Он сам, не являясь истинным мужем молитвы, дал свое согласие на то, что причинило мне такой огромный вред. О мой Бог, если бы люди осознавали всю ценность молитвы и то великое благо, которое приобретает душа от общения с Тобой, а также то, какие последствия она влечет за собой в деле спасения, они бы проявляли усердие именно в ней. Это именно та крепость, которую враг не в состоянии одолеть. Он может атаковать, осаждать ее, устраивать шум у ее стен, но пока мы остаемся верны и удерживаем свою позицию, он не может причинить нам вреда.

В равной степени абсолютно необходимо научать детей важности молитвы, так как в этом заключается их спасение. Увы! К несчастью считается достаточным рассказать им о том, что есть Небеса и Ад, так что им следует стараться избежать последнего и достичь первого. Однако

же, они не научены тому кратчайшему и простейшему пути, с помощью которого они смогут достичь его. Единственный путь на Небеса — это молитва, молитва сердца, на которую способен каждый, а вовсе не те рассуждения, которые появляются в результате научения. Это не работа воображения, которое, наполняя разум бессвязными вещами, очень редко приводит их в порядок, и вместо того, чтобы согревать сердце любовью к Богу, оставляет его холодным и томящимся. Пусть придет бедный, пусть придет непосвященный и плотской, пусть приходят дети без знания и рассуждения, пусть придут даже люди недалекие или с жестким сердцем, неспособным сохранить что–либо! Они научатся молитве и станут мудрыми.

О вы, великие, мудрые и богатые! Неужели в вас нет сердца, способного полюбить то, что для вас благо и возненавидеть то, что разрушает? Возлюбите высшее добро, возненавидьте всякое зло, и вы воистину станете мудрыми. Если вы любите какого–либо человека, неужели только потому, что знаете причины для этой любви и осознаете, в чем она заключается? Конечно же, нет. Вы любите потому, что ваше сердце устроено любить то, что оно находит достойным любви. Конечно же, вы не можете не знать, что во всей вселенной нет никого более достойного любви, нежели Бог. Разве вам не ведомо, что Он создал вас, и что Он умер за вас? Но даже если этих причин недостаточно, кто из вас не испытывает какую–либо нужду, проблему или несчастье? Кто из вас не знает, как молиться о своей болезни или выпрашивать облегчение? Придите же к этому Источнику всяческих благ, не жалуясь слабым и немощным творениям, которые не в состоянии вам помочь. Придите в молитве, поведайте Богу о своих несчастьях, молите Его о милости и более всего о том, чтобы любить Его. Никто не может освободить себя от способности любить, ибо никто не может жить без сердца, как и сердце не существует без любви. Зачем кому–то понадобилось находить удовольствие в поисках причин, чтобы любить саму Любовь? Давайте любить, не рассуждая об этом, и мы обнаружим себя исполненными любовью, прежде, нежели другие смогут обнаружить причины, приведшие к такой любви. Испытайте такую любовь, и в ней вы станете мудрее самых искусных философов. В любви, как и во всем другом, опыт научает лучше, чем рассуждение. Придите же, пейте от этого Источника живой воды, а не из разбитых сосудов творения, совершенно неспособных утолить вашу жажду, но склонных только постоянно ее увеличивать. Случись вам однажды испить из этого Источника живой воды, и вы не будете больше искать в другом месте утоления своей жажды. Ибо пока вы продолжаете из него черпать, жажда по миру больше не будет мучить вас. Но стоит вам остановиться, и, увы! Преимущество будет уже на стороне врага. Он даст вам несколько ядовитых глотков, которые сначала могут показаться сладкими, но позже наверняка лишат вас жизни.

Я оставила источник живой воды, отказавшись от молитвы. Я стала подобной винограднику, брошенному на разграбление, со сломанной изгородью, так чтобы всякий проходящий мимо мог свободно опустошать его. Я принялась искать в творении все го, что ранее находила в Боге. Он оставил меня на самое себя, так как я первой оставила Его. Его воля была в том, чтобы позволить мне погрузиться в ужасный ров, дабы там я ощутила потребность приблизиться к Нему в молитве. Ты сказал, что погубишь те неверные души, которые удалятся от Тебя. Увы! Именно их удаление и приводит к гибели, ибо, уходя от Тебя, о Солнце Праведности, они попадают в царство тьмы и холода смерти, из которой они никогда не

воскреснут, если Ты не посетишь их вновь. Если бы Ты не осветил их мрак своим божественным светом, и не растопил их ледяные сердца своим живительным теплом, если бы Ты не возвратил их к жизни, они бы никогда не воскресли.

Так я попала в величайшее из всех несчастий. Я брела все дальше и дальше от Тебя, о мой Бог, и Ты постепенно удалялся из сердца, которое угашало Тебя. Однако Твоя благость была такова, что Ты, казалось, оставлял меня с сожалением. Так что, когда это сердце вновь возжелало возвратиться к Тебе, Ты столь же быстро поспешил ему навстречу. В этом есть доказательство Твоей любви и милости, да будут они для меня вечным напоминанием о твоей благости и моей собственной неблагодарности. Я стала более эмоциональной, нежели когда–либо, так как с возрастом мои природные качества становились более явными. Очень часто я оказывалась виновной во лжи. Я чувствовала, что мое сердце становится испорченным и пустым. Искра божественной благодати почти угасла во мне, и я впала в состояние безразличия и ложного благочестия, хоть все еще старательно следила за внешней стороной своих поступков. Благодаря привычке правильно вести себя в церкви, которую я приобрела ранее, я казалась лучше, нежели была на самом деле. Тщеславие, которое прежде было удалено из моего сердца, теперь вновь заняло в нем свое место. Я стала проводить большую часть времени, смотрясь в зеркало. Я находила столько удовольствия в том, чтобы созерцать саму себя, что одобряла других, если и они занимались тем же. Вместо того чтобы употребить то внешнее, что даровано мне Богом, для того, чтобы любить Его еще больше, я сделала это средством питания моего пустого самодовольства. Все в моей личности казалось мне прекрасным, но я не замечала, что эта внешняя красота скрывала оскверненную душу. Красота повергала меня в такое внутреннее тщеславие, что я сомневаюсь, чтобы кто–то мог превзойти меня в нем. В моем внешнем поведении была некая притворная скромность, которая как раз и производила на окружающих обманчивое впечатление. Мое высокое самомнение толкало меня на поиски недостатков во всех остальных людях моего пола. Я способна была видеть лишь собственные достоинства и находить изъяны в других.

Свои же собственные недостатки я скрывала от себя, а даже если и замечала некоторые, то они мне казались незначительными в сравнении с недостатками других людей. Я находила им извинение, и даже воображала, что они являются моими достоинствами. Всякое мое понятие о себе самой и о других было ложным. Я полюбила чтение, в частности рыцарские романы, до такой степени, что дни и ночи напролет перечитывала все, что попадалось мне под руку. Иногда уже светало, в то время как я все еще продолжала читать. Наконец это привело меня к тому, что на длительный период времени я практически утратила свой режим сна.

Мне не терпелось дойти до конца повествования, в надежде найти нечто способное удовлетворить то страстное желание, которое во мне покоилось. Чем больше я читала, тем большей становилась моя жажда чтения. Книги — это страшное изобретение, которое способно разрушать молодых людей. Даже если единственный вред, который они наносят, заключается в потере драгоценного времени, не является ли это серьезным ущербом? Меня не только не ограничивали, но еще и поощряли читать книги под тем ложным предлогом, что они якобы учат человека правильно выражать свои мысли.

В то же время, по твоей безграничной милости, о Мой Бог, Ты время от времени приходил, чтобы навестить меня, Ты действительно стучал в дверь моего сердца. Очень часто меня пронизывала сильная печаль и тогда я проливала много слез. Я страдала от осознания того, что мое нынешнее состояние разительно отличалось от того, когда я наслаждалась Твоим святым присутствием, но слезы мои были бесплодны, и печаль моя была напрасной. Я была не в состоянии вывести себя из этого жалкого положения. Я мечтала, чтобы чья–нибудь рука, столь милосердная сколь и могущественная, высвободила меня, ибо у меня самой не было на это сил. Если бы тогда у меня был какой–нибудь друг, который смог бы выявить причину этого зла, заставив меня вернуться к молитве, которая была единственным средством освобождения, все сложилось бы хорошо. Я была, как тот пророк, в глубокой трясине, из которой мне не под силу было выбраться. Я слышала упреки в том, что я нахожусь там, но не нашлось никого достаточно милосердного, кто бы протянул руку и освободил меня. А когда я предпринимала тщетные попытки выбраться, то погружалась еще глубже. Каждая моя бесплодная попытка лишь усугубляла мое понимание собственной беспомощности, причиняя мне еще больше страданий. О, как много сострадания к грешникам дал мне этот печальный опыт. Это научило меня пониманию того, почему лишь немногим из них удается подняться из того жалкого положения, в котором они оказались. О люди, осуждающие их бесчинства и устрашающие их угрозой будущего наказания! Эти восклицания и угрозы только вначале производят некоторое впечатление. Грешники прилагают слабые усилия, желая обрести свободу, но, осознав собственную несостоятельность, постепенно ослабевают в своем стремлении, теряя всякое мужество к совершению дальнейших попыток.

Все что им говорят после, напрасный труд, даже если бы кто–то проповедовал им без умолку. Когда кто–либо из них для получения облегчения обращается к исповеди, то единственно верным средством для него будет молитва. Необходимо предстать перед Богом, осознав себя преступником, и умолять Его о силе, необходимой, чтобы подняться из этого состояния. Только тогда человек будет изменен и освобожден из болота и грязи. Но дьявол ложным образом убедил всех докторов и мудрых мужей, что для молитвы нужно обратиться совершенным образом. А поскольку людей часто от этого отговаривают, следовательно, мы редко встречаем такое подлинное обращение. Дьявол возмущается только против молитвы, и всех тех, кто ее практикует. Он знает, что это вернейшее средство забрать у него его добычу. Он позволяет нам соблюдать все религиозные строгости, которые мы только пожелаем. Он не преследует ни тех, кто находит в них удовольствие, ни тех, кто их исполняет. Но стоит лишь только человеку начать вести духовную жизнь, жизнь в молитве, как он должен быть готов ко всякого рода крестным мукам. Гонения всех видов и презрение этого мира предназначены для тех, кто ведет такой образ жизни.

Несмотря на ничтожность моего положения, к которому меня привела моя неверность, и, несмотря на то, что мой духовник оказывал мне так мало помощи, я не переставала произносить каждый день красноречивые молитвы, довольно часто исповедоваться и почти каждые две недели принимать участие в хлебопреломлении. Иногда я ходила в церковь поплакать и помолиться Блаженной Деве, чтобы получить обращение. Я любила слушать, когда кто–либо обращался к Богу, и мне не скучно было слушать такую беседу. Когда мой отец говорил с Ним, я

была вне себя от радости. А когда они вместе с моей матерью собирались совершить паломничество, и должны были отправиться в путь ранним утром, я либо вовсе не ложилась спать накануне вечером, либо просила девушек разбудить меня рано утром. Мой отец в такое время обычно говорил о божественных вещах, что доставляло мне величайшее удовольствие, ибо я предпочитала этот предмет разговора какому–либо другому. Кроме того, я любила бедняков и старалась им благотворить, несмотря даже на то, что сама находилась в состоянии крайнего заблуждения. Каким странным это может показаться некоторым людям, ибо зачастую трудно совместить вещи столь противоположные.

Глава 6

Позже мы приехали в Париж, где мое тщеславие возросло. Ни одно событие, где я могла проявить свое преимущество, не было мною упущено. Я была достаточно настойчива в том, чтобы показывать себя, выставляя свою гордыню и щеголяя своей пустой красотой. Я желала быть всеми любимой и никого не любить. Мне были сделаны несколько явно выгодных предложений руки и сердца, но Бог, не желая оставить меня неспасенной, не даровал успеха во всех этих предприятиях. Мой отец все время сталкивался с проблемами, которые мой всезнающий Творец воздвигал с целью моего спасения.

Выйди я тогда замуж за одного из этих мужчин, мое разоблачение было бы еще большим, и мое тщеславие расширило бы свои пределы. Был один молодой человек, который просил моей руки в течение нескольких лет. Мой отец, по семейным причинам, всегда ему отказывал. Однако его поведение было противоположностью моему тщеславию. Скорее всего, мой возможный отъезд из страны и богатство этого джентльмена воздействовали на моего отца. Ибо даже, несмотря на его колебания и колебания моей матери, он пообещал меня ему. Все это делалось без моего участия. Мне давали подписывать брачные контракты, не уведомляя, о чем именно шла речь. Я же была тогда в восхищении от одних лишь мыслей о браке, льстила себя надеждой, что таким образом я смогу получить полную свободу и буду избавлена от плохого обращения своей матери, которое я на себя навлекала. Но Бог предопределил иное.

То положение, в котором я оказалась позже, разочаровало все мои надежды. Каким бы приятным не казался мне брак, однако, все время после обещания отца, и даже долгое время после бракосочетания, я пребывала в смятении, которое возникло по двум причинам. Первой была моя естественная скромность, которую я не утратила. Я была очень замкнутой по отношению к мужчинам. Второй причиной было мое тщеславие. Хотя мой муж был партией даже более выгодной, нежели я заслуживала, однако я не слишком его ценила. Когда я смотрела на достаток других мужчин, которые ранее предлагали мне руку и сердце, он казался мне значительно менее привлекательным. Их ранг в обществе поместил бы меня в более выгодное положение. А все то, что не льстило моему тщеславию, было мне невыносимо. Однако то же самое тщеславие, я полагаю, приносило определенную пользу, ибо оно удерживало меня от иных падений, которые обычно разрушают семьи. Я не могла совершить что–то такое, что сделало бы меня преступницей в глазах этого мира.

Поскольку я скромно вела себя в церкви, выезжала заграницу не иначе, как в сопровождении своей матери, а также, поскольку наша семья имела великолепную репутацию, меня считали добродетельной особой. Своего суженого я увидела в Париже только за два–три дня до нашего бракосочетания. Мое поведение после подписания контрактов побуждало людей говорить, что мне якобы известна воля Божия. Жаль, что мне не удалось узнать ее хотя бы в этом деле.

О мой Бог, как велика была Твоя благость, когда Ты оставался рядом со мной на протяжении всего этого времени, позволяя мне молиться Тебе с таким дерзновением, как если бы я была одним из Твоих друзей. При том, что я восстала против Тебя и была, на самом деле, твоим величайшим врагом. Радость в результате нашей свадьбы распространилась по всей

деревне. Посреди этого всеобщего ликования, единственным печальным человеком была только я сама. Я не могла ни смеяться, как другие, ни даже есть, настолько я чувствовала себя подавленной. Я не знала, в чем была причина. Видимо это было данное мне Богом предчувствие о том, что должно было вскоре меня постигнуть. Воспоминание о желании стать монахиней, бывшее у меня ранее, заполнило все мое существо. Все кто приходил поздравить меня днем позже, не в состоянии были хоть как–то меня воодушевить. Я горько рыдала. Моим ответом было: «Увы! Я так желала стать монахиней, почему же сейчас я замужем?» Но насколько фатальными оказались те революционные перемены, которые постигли меня? Как только я оказалась в доме моего супруга, я осознала, что он станет для меня домом скорби.

Я была вынуждена изменить свое поведение. Их образ жизни очень отличался от образа жизни в доме моего отца. Моя свекровь, долгое время пробывшая вдовой, следила исключительно за экономией. В доме же моего отца было заведены дворянские порядки и изящество. У нас в доме приветствовалось то, что мой муж и свекровь называли гордыней, тогда как я считала это вежливостью. Я была очень удивлена такому изменению, чем дальше, тем больше, так как мое тщеславие более возрастало, нежели уменьшалось. На время моего бракосочетания мне было немногим более пятнадцати лет отроду. Мое удивление было еще большим, когда я увидела, что мне придется оставить все то, чему я с таким старанием училась.

В доме моего отца нам полагалось вести себя благочинно и говорить, соблюдая все правила приличия. Все, что я говорила, воспринималось с восхищением. Здесь же моим словам не внимали, но всегда противоречили им, находя во всем недостатки. Если я говорила хорошо, они считали, что я желаю преподать им урок. В доме моего отца, если у меня возникали вопросы, то он ободрял меня говорить без стеснения. Здесь же, если мне случалось выражать свои чувства, они говорили, что я желаю вызвать ссору. Меня принуждали молчать самым грубым и постыдным образом, браня меня с утра до ночи. Мне было бы очень сложно рассказывать об этом, не противореча чувству любви к ближнему, если бы не Ваше настойчивое требование не пропускать ни одной детали. Все же я прошу Вас не смотреть на это с точки зрения земного творения, ибо такой взгляд может представить вам этих людей хуже, нежели они были на самом деле.

Моя свекровь имела добродетельный нрав, а мой муж был набожным и не имел пороков. Нужно смотреть на все глазами Бога. Он допустил все эти обстоятельства единственно для моего спасения, а также потому, что не хотел моей гибели. Кроме всего во мне было столько гордыни, что встреть я другое обращение, я, наверное, продолжала бы в ней оставаться, и возможно не обратилась бы к Богу, что я была вынуждена сделать под давлением стольких тягот. Моя свекровь испытывала такое желание противоречить мне во всем, что, желая досадить мне, заставляла меня исполнять самые унизительные обязанности. Ее нрав был столь необычным, что, не сумев преодолеть его в своей юности, она теперь с трудом уживалась с кем–либо. Молясь только красноречивыми молитвами, она не видела в этом ущербности. А, не черпая силу в молитве, она не могла извлечь из нее никакого блага. Печально было это осознавать, так как она обладала как умением чувствовать, так и многими другими достоинствами. Я сделалась жертвой ее настроения. Ее излюбленным занятием было мешать мне, и к подобному отношению она побуждала своего сына.

Часто они старались поставить людей низкого звания выше меня. Моя мать, имея высокое чувство собственного достоинства, не могла этого переносить. Когда она узнавала об этом от других (ибо я ничего ей не рассказывала), она бранила меня, думая, что я допускаю это, не умея держаться на уровне и не обладая сильным характером. Я все же не осмеливалась рассказывать ей об истинном положении вещей, но почти готова была умереть, мучаясь в агонии печали и постоянного огорчения.

Воспоминание о других людях, которые ранее предлагали мне руку и сердце, усугубляло тяжесть моего положения. Я видела, насколько отличались их характер и манеры, и помнила ту любовь, которую они ко мне питали в сочетании с приятностью и вежливостью их обхождения. Все это делало невыносимым мое бремя. Моя свекровь порицала меня и в отношении моей семьи, постоянно говоря мне о недостатках моих отца и матери. Я редко их навещала, но слышала их горькие слова в мой адрес. Моя мать жаловалась, что я редко приезжаю повидать ее. Она говорила также, что я не люблю ее, что я отдалилась от своей семьи, слишком привязавшись к своему мужу. Что еще больше увеличивало мои муки, так это то, что моя мать рассказывала свекрови обо всех проблемах, которые я вызвала у нее с детства. Тогда они обе упрекали меня, говоря, что я подмененное дитя и воплощение злого духа. Муж принуждал меня весь день находиться в комнате моей свекрови, так что я не имела возможности беспрепятственно уходить в свои апартаменты. Свекровь же плохо обо мне отзывалась, дабы уменьшить то уважение и любовь, которое питали ко мне некоторые люди. Она изливала на меня самые грубые оскорбления в присутствии людей из общества. Это, однако, не производило желаемого ею эффекта, ибо, чем больше терпения я проявляла, перенося все это, тем больше меня уважали. Она все же нашла способ истощить мою живость и показать меня в глупом виде. Некоторые из моих бывших знакомых мало меня знали. Те, кто не видели меня ранее, говорили: «Та ли это особа, что известна своим большим остроумием? Но она не в состоянии связать и двух слов. Да, она являет собой забавную картину». Мне тогда не было и шестнадцати лет.

Я была настолько запугана, что не осмеливалась выходить без своей свекрови, а в ее присутствии не могла проронить и слова. Я не знала что говорить, столь велик был мой страх перед ней. В довершение моего несчастья, они приставили ко мне горничную, которая ради них была готова на все. Она держала меня под присмотром как гувернантка.

Большей частью я терпеливо переносила все эти напасти, избежать которых я была не в состоянии. Но иногда какой–нибудь поспешный ответ срывался с моих уст, становясь источником моего очередного тяжкого терзания. Когда я выходила куда–либо, лакеям было велено рассказывать обо всех моих действиях. Именно тогда я начала вкушать хлеб в печали и смешивать свое питье со слезами. За трапезой они всегда делали что–либо, что приводило меня в состояние крайнего смущения. Я не могла сдержать слез. Не было человека, которому я могла бы довериться, кто бы смог разделить со мной эти несчастья и помог бы мне их выдерживать. Когда я старалась донести хоть что–то своей матери, я этим навлекала на себя новые беды. Мне пришлось смириться с тем, что довериться было некому. Мой муж обращался со мной так вовсе не от какой–то присущей ему жестокости, ибо он страстно любил меня. Но он был горячий и вспыльчивый человек, а моя свекровь постоянно настраивала его против меня. Вот в таком

отчаянном состоянии, о мой Бог, я начала осознавать потребность в Твоей помощи. Ибо это положение было для меня гибельным.

За границей я встречалась только лишь со своими поклонниками, чья похвала приносила мне боль. Можно было бы опасаться, что я могла сбежать, при виде всех этих переносимых мной домашних мучений и будучи в весьма нежном возрасте.

Но Ты, по своей благости и любви, повернул все в другую сторону. При помощи этих двойных ударов Ты привлек меня к Себе. Эти Твои испытания привели к тому, к чему не смогли бы привести Твои ласки. Ты воспользовался присущей мне гордостью, чтобы удерживать меня в рамках моего долга. Я знала, что честная женщина не должна вызывать подозрений у своего мужа. Я была настолько осмотрительна, что иногда даже доводила это качество до крайности, отказываясь протянуть руку тому, кто из вежливости предлагал мне свою. Так однажды со мной случился инцидент, который, если бы зашел слишком далеко, мог бы меня уничтожить, ибо все было воспринято превратно. Мой муж очень чувствительно относился как к вопросу моей невиновности, так и к лживым нашёптываниям моей свекрови.

Такие тяжкие испытания заставили меня вновь обратиться к Богу. Я начала сожалеть о грехах своей юности. Со времени своего замужества я более не совершала намеренных грехов. Однако некоторые оттенки тщеславия во мне еще оставались, о чем я весьма сожалела. Но теперь мои беды их превысили.

Более того, многие мои испытания казались мне справедливой усладой при том малом маленьком луче света, который был мне доступен. Я не была достаточно просвещенной, чтобы проникнуть в суть своего тщеславия, ибо я могла думать только о его внешних проявлениях. Я предпринимала попытки улучшить свою жизнь с помощью покаяния и общего исповедания, которое было самым тщательным, которое мне удавалось совершать. Я отложила в сторону чтение романов, к которым я в недавнее время питала такую большую слабость. Хоть некоторое время перед моим замужеством я и заглушила в себе стремление к чтению Евангелий, все же теперь я была под их абсолютным влиянием, находя в них столько истины, что это лишало меня терпения при чтении всех других книг.

Романы казались мне исполненными лжи и обмана. Теперь я уже откладывала в сторону даже невинные книги, чтобы иметь дело только с теми, которые могут быть мне полезны. Я снова вернулась к практике молитвы и старалась больше не огорчать Бога. Я чувствовала, как Его любовь постепенно возрождает мое сердце, изгоняя из него все остальное. Однако, я все еще имела невыносимое тщеславие и самолюбие, которые было мучительным и трудноизлечимым грехом. Мои страдания удвоились. Они были теперь более мучительными. Моя свекровь, не удовлетворяясь своими желчными высказываниями против меня как лично, так и в присутствии других людей, разражалась гневом по поводу малейшего пустяка, едва успокаиваясь за две недели. Часть своего времени, находясь в одиночестве, я оплакивала свою участь, и моя печаль с каждым днем становилась все горше. Иногда я не в состоянии была сдерживаться, когда девушки из домашней прислуги, которые должны были мне подчиняться, дурно со мной обращались. Я делала все, что было в моих силах, чтобы смирить свой гнев, и это стоило мне многих усилий.

Эти сокрушительные удары настолько повредили живости моего характера, что я стала похожа на привязанного ягненка. Я молилась нашему Господу, прося Его о помощи, и Он был мне убежищем. Так как мой возраст был далек от возраста моего мужа и свекрови (ибо муж мой был старше меня на двадцать два года), я хорошо понимала невозможность изменения их отношения ко мне, которое со временем все больше усугублялось. Я поняла, что все сказанное мной, казалось им оскорблением, хотя другие люди на их месте были бы очень довольны.

Однажды находясь одна, обремененная печалью и отчаянием, где–то через шесть месяцев после нашего бракосочетания, я даже испытала искушение отрезать себе язык, чтобы больше не раздражать тех, которые на всякое произнесенное мною слово отвечали яростью и возмущением.

Но Ты, о Боже, все–таки остановил меня и показал мне мое безумие. Я постоянно молилась, и даже желала стать немой, настолько я была тогда глупа и невежественна. И хоть я безропотно несла свой крест, я никак не могла найти объяснение одному постоянному противоречию, когда ты без устали угождаешь человеку, но безуспешно, ибо этим ты еще более его оскорбляешь. Тяжелее всего быть привязанной к таким людям, находясь с утра до ночи в атмосфере строгого ограничения и не имея возможности от них освободиться. Я поняла, что великие испытания подавляют и пресекают всякое проявление гнева. А такое продолжительное противоречие раздражает и возбуждает горечь сердца. Оно производит весьма странное действие, требуя крайних усилий для самоограничения, чтобы не выказывать досады и гнева.

Мое положение в браке было скорее положением рабыни, нежели положением свободного человека. Через четыре месяца после нашего бракосочетания я узнала, что мой муж страдал подагрой. Эта болезнь приводила ко многим испытаниям в наших отношениях. У него случались приступы подагры дважды в течение первого года, каждый раз в продолжение шесть недель. Он так был измучен этим, что уже не выходил из своей комнаты и даже не вставал с постели. Он оставался в постели обычно несколько месяцев. Я заботливо ухаживала за ним, хоть и была еще так молода. Неустанно я старалась совершать свои обязанности наилучшим образом. Увы! Все это не привело к возникновению дружеских отношений между нами. Я никогда не имела утешения в том, чтобы знать, насколько мои поступки ему приятны. Я отказывала себе даже в невинных развлечениях, чтобы продолжать оставаться со своим мужем. Я делала все, что, как мне казалось, могло ему угодить.

Иногда он тихо терпел мое присутствие, и тогда я считала себя очень счастливой. В других случаях мое присутствие казалось ему невыносимым. Мои близкие друзья говорили мне: «Ты действительно еще в очень нежном возрасте, чтобы быть нянькой для инвалида, и это совершенно невозможно, что бы ты так низко ценила все свои таланты». Я же отвечала: «Так как у меня есть муж, я должна делить с ним как его страдания, так и его радости». Кроме того, моя мать, вместо того, чтобы жалеть меня, жестоко укоряла меня за мое усердие по отношению к мужу. Но, мой Бог, как Твои мысли были далеки от их мыслей, как отличалось все то, что было снаружи от того, что происходило внутри! Мой муж имел слабость — сразу же приходил в ярость, когда кто–либо говорил ему что–либо против меня. Это была работа Провидения надо мной, ибо муж был умным человеком и очень меня любил. Когда я была больна, он был

безутешен. Я верю, не будь там моей свекрови и девушки, о которой я говорила, я была бы очень счастлива с ним.

Большинство мужчин обладают своим особенным нравом и особым образом проявляют эмоции, но обязанность мудрой женщины терпеливо сносить все это, не раздражая их еще более свои ответом на возможные несправедливые слова. Ты, о мой Бог, по своей доброте даровал все эти обстоятельства, ибо с этого времени я поняла, насколько было необходимо заставить меня умереть для моего тщеславия и высокомерного нрава.

У меня не хватило бы силы самой их разрушить, если бы Ты не совершил это посредством терпеливого действия своего провидения. Я молилась о терпении с огромным усердием, тем не менее, некоторые проявления моего живого характера от меня ускользали, сводя на нет все мои решения хранить молчание. Без сомнения так было допущено, чтобы мое самолюбие не могло питаться от моей способности проявлять терпение. Даже минутный промах приводил к целым месяцам унижения, упреков и печали, показывая приближение новых испытаний.

Глава 7

В течении первого года своего замужества я все еще была тщеславной. Иногда, чтобы найти извинение своему поведению, я лгала своему мужу и свекрови. Я испытывала благоговейный страх перед ними. Иногда я выходила из себя, ибо их поведение казалось мне столь несправедливым, в особенности го, что они поощряли вызывающее обращение со мной девушки–служанки. Что же касается моей свекрови, то ее возраст и положение делали ее поведение более или менее терпимым. Но Ты, о мой Бог, открыл мне глаза, чтобы я могла видеть все окружающее в ином свете. В Тебе я нашла объяснение моим страданиям, чего я никогда не находила в Твоем творении. После этого я с ясностью и радостью увидела, что такое поведение, каким бы неразумным и унизительным оно мне не казалось, было мне совершенно необходимо. Если бы мне рукоплескали и здесь, как это делали в доме моего отца, я бы стала невыносимо гордой. Также мне был присущ недостаток, характерный для большинства представительниц моего пола. Я не переносила, когда кто–либо выражал восхищение красивой женщиной, не находя в ней изъяна и не приуменьшая все то доброе, что о ней говорили. Этот недостаток проявлялся во мне долгое время, являясь плодом вульгарной и дурной гордыни. Нелепое превозношение человека происходит из того же источника.

Как раз перед рождением моего первого ребенка, домашние были вынуждены много обо мне заботиться. Таким образом, мои испытания были несколько смягчены. В самом деле, я была так слаба, что этого было достаточно, чтобы вызвать хоть каплю сострадания даже у самого равнодушного человека. Их желание иметь детей было настолько велико, что они постоянно боялись, чтобы я каким–нибудь образом не причинила себе вреда. Однако по мере приближения родов эта забота и нежность сходили на нет.

Однажды, когда моя свекровь обращалась со мной очень резко, я назло ей притворилась, что испытываю резкую боль, чтобы заставить ее беспокоиться. Но когда я увидела, что эта маленькая хитрость причиняет им слишком много страданий, я им сказала, что мне уже лучше. Ни одно существо не было столь подавлено слабостью, как я в то время. Кроме постоянного чувства тяжести, у меня было такое странное отвращение ко всякой еде, за исключением некоторых фруктов, что я не могла переносить даже вида пищи. У меня были частые обмороки и сильные боли. После родов я еще долгое время была очень слабой.

Всего этого было достаточно, чтобы научиться терпению, и я, наконец, обрела силы принести все мои страдания к Господу. Со мной случилась лихорадка, которая так меня истощила, что по прошествии нескольких недель, я едва могла делать какие–либо движения или даже убрать свою постель. Когда я стала поправляться, на груди у меня образовался нарыв, который решено было вскрыть в двух местах, что причинило мне ужасную боль.

И все же, эти болезни казались мне только тенью несчастий по сравнению с моими страданиями в семье, которые ежедневно возрастали. Действительно, жизнь для меня была так утомительна, что даже смертельные болезни меня не пугали.

Вопреки всему рождение ребенка улучшило мою внешность. И соответственно, послужило возрастанию моего тщеславия. Я была рада, что вызываю у людей такое внимание. Мне случалось выходить на прогулки в общественные места (хоть это было редко), и, находясь

на улице, я надевала маску тщеславия. Я снимала перчатки, чтобы показать свои руки. Возможно ли большее безумие? Всякий раз после того, как со мной случались подобные слабости, я горько плакала дома. Однако, как только представлялся новый случай, я снова их совершала. Мой муж терпел значительные убытки. Это меня странным образом терзало. Не то чтобы я жалела о потерях, но мне казалось, что я являюсь причиной всех злоключений в семье. С каким удовольствием я жертвовала временными благословениями! Как часто у меня появлялось желание даже вымолить свой хлеб, если бы Бог повелел мне это сделать. Но моя свекровь была неумолимой, когда именно она приказывала мне молиться обо всем этом. А для меня это казалось совершенно невыносимым.

О мой драгоценный Господь, я никогда не могла молиться об этом мире, или о мирских вещах. Никогда мое трепетное к Тебе обращение не было испачкано земной грязью. Нет, мне легче было бы отречься абсолютно от всего ради Твоей любви и наслаждения Твоим присутствием в царстве не от мира сего. Я полностью пожертвовала собой для Тебя, ревностно моля о том, чтобы наша семья лучше молила о подаянии, нежели допускала по отношению к Тебе какое–нибудь оскорбление. В своем разуме я извиняла свекровь, говоря себе: «Если бы мне самой пришлось копить и экономить, я бы не была так безразлична к убыткам. Я пользуюсь тем, что мне ничего не стоило, и пожинаю то, что не сеяла». Однако подобные мысли не вызывали у меня сожаления о потерях. Я даже рисовала себе приятные картины нашего переезда в благотворительный приют. Ни одно положение не казалось мне столь ужасным, как мои постоянные домашние гонения.

Мой отец, который нежно меня любил, и которому я оказывала безграничное почтение, ничего об этом не знал. Бог так допустил, чтобы на некоторое время и он был недоволен мною. Моя мать постоянно говорила ему о том, что я неблагодарна, не оказываю им почтения, что всецело отдаю себя только семье мужа.

Родители были против меня. Я не виделась с ними так часто, как следовало бы. Они же не знали о той ситуации, в которой я оказалась, и что мне приходилось терпеть, защищая их. Эти жалобы моей матери и неудачная семейная жизнь несколько уменьшили любовь моего отца ко мне, но это длилось недолго. Моя свекровь упрекала меня, говоря: «Пока ты не пришла в наш дом, несчастья не обрушивались на нас». С другой стороны моя мать желала, чтобы я протестовала против своего мужа, чего я никогда не позволяла себе делать. Финансовые потери одна за другой продолжали происходить в семье, так как король урезывал значительную часть наших доходов, и это кроме тех огромных денежных сумм, которые мы потеряли из–за Отеля де Лонгвиль. Я не находила себе покоя посреди этих несчастий. Ни одному смертному не под силу было утешить меня, или дать мне совет. Моя сестра, которая дала мне образование, ушла из этой жизни. Она умерла за два месяца до моего бракосочетания. И у меня не было больше никого, кому я могла бы довериться.

Я должна признаться, что нахожу отвратительной необходимость говорить так много о своей свекрови. Я считаю, что моя собственная нескромность, капризная природа, и частые проявления недостатков несдержанного характера явились причиной стольких моих испытаний. Хоть мне и было присуще то качество, которое в мире именуют терпением, однако у меня не было ни склонности, ни любви к несению креста. Их отношение ко мне, хоть оно и выглядело

столь безрассудным, не нужно истолковывать с мирской точки зрения. Нам следует смотреть ввысь, и тогда мы увидим, что все это направляется рукой Провидения для пользы нашего вечного блага. Теперь я укладывала свои волосы самым скромным образом, никогда не подкрашивалась и, желая подчинить все еще владевшее мной тщеславие, редко смотрелась в зеркало. В чтении я ограничивалась книгами религиозного характера, такими как сочинения Фомы Кемпийского или труды Франциска де Саля. Я читала их вслух для назидания слуг, в то время как служанка укладывала мои волосы. Я подчинялась тому, чтобы быть одетой по ее вкусу, что освобождало меня от больших неприятностей. Это также исключало возможности проявления моей тщеславной природы. Я не знала, как я выглядела со стороны, но им всегда нравился мой внешний вид, и поэтому по поводу платья они не имели ко мне претензий. Если в какой–нибудь день я хотела выглядеть лучше, оказывалось, что на самом деле это было хуже. Чем более безразличной я была в отношении своего наряда, тем лучше я им казалась. Однако сколь часто я не посещала бы церковь, все это было не столько ради поклонения Богу, сколько ради желания показаться людям. Другие женщины, завидуя мне, были убеждены, что я подкрашиваю лицо. Они говорили об этом моему исповеднику, который упрекал меня, хоть я и уверяла его, что невиновна. Часто мне случалось говорить что–либо для собственной похвалы, и я искала случая возвысить саму себя посредством умаления других. Эти ошибки постепенно исчезли, но позже я очень сожалела, что их совершала. Я часто строго проверяла себя, записывая свои плохие поступки, неделя за неделей и месяц за месяцем, чтобы увидеть, насколько мне удалось стать лучше и измениться. Увы! Этот труд, каким бы утомительным он не был, приносил мало пользы, потому что я полагалась на свои собственные усилия. Я действительно очень желала измениться, но мои благие пожелания были слабыми и апатичными.

Однажды мой муж так долго отсутствовал, а мои испытания и неприятности дома были так велики, что я решилась отправиться к нему. Моя свекровь решительно не отпускала меня. Только когда мой отец вмешался в эту ситуацию, настаивая на том, чтобы я ехала, она позволила мне поехать. Приехав, я нашла мужа практически при смерти. Из–за неприятностей и волнений он очень изменился. Он не в состоянии был закончить свои дела, не имея сил наносить необходимые визиты. Он скрывался в Отеле де Лонгвиль, а Мадам де Лонгвиль проявила ко мне большое расположение.

Я выходила в свет, и он страшно боялся, чтобы я не обнаружила этим его присутствия. В гневе он приказывал мне вернуться домой. Но любовь и перенесенная мною долгая разлука с ним, возобладали надо всем этим, и он вскоре успокоился, согласившись терпеть мое присутствие. Он держал меня подле себя восемь дней, не позволяя мне удаляться с его поля зрения. Боясь, как бы подобное заключение не сказалось негативно на моем здоровье, он пожелал, чтобы я пошла на прогулку в сад. Там я встретила Мадам Лонгвиль, которая, увидев меня, очень обрадовалась.

Я не могу выразить всей той доброты, которую я встретила в этом доме. Все домашние слуги оказывали мне почтение, стараясь опередить друг друга в предупредительности, и, восхищаясь при моем появлении моему умению себя держать. Я не вступала в разговор ни с одним мужчиной, с которым мне случалось оставаться наедине. Я никого не пускала к себе в карету, даже если это был кто–либо из родственников, если только рядом со мной не было моего

мужа. Не было ни одного правила приличия, которое бы я не соблюдала должным образом, дабы избежать какого–либо подозрения со стороны мужа, и не стать предметом несчастья для других людей. Потому что все вокруг только и думали, как бы развлечь или склонить меня к чему–либо мне чуждому.

Внешне все вроде бы выглядело благоприятно. Печаль настолько превозмогала и нарушала спокойствие моего мужа, что мне постоянно приходилось терпеть проявление его капризов. Иногда он угрожал выбросить ужин через окно. Я сказала, что этим он причинит мне неприятность, так как у меня был прекрасный аппетит. Я рассмешила его и смеялась вместе с ним. До сих пор, печаль сопровождала все мои старания, омрачая его любовь ко мне. Но Бог наделил меня как терпением, так и любезностью в том, чтобы не грубить в ответ на его реплики. Дьявол, который пытался возбудить во мне обиду, был вынужден отступить в посрамлении из–за благодати, которая была дана мне в помощь. Я любила моего Бога и не желала Его разочаровывать. Поэтому в глубине души я и печалилась по поводу того тщеславия, которое я все еще в себе находила и которое была еще не в силах искоренить из своего сердца.

Внутреннее разочарование и подавлявшие меня испытания, с которыми я ежедневно сталкивалась, со временем привели меня к болезни. Поскольку я не хотела причинять неудобства в Отеле де Лонгвиль, я попросила перевезти меня в другой дом. Болезнь оказалась настолько серьезной и изматывающей, что врачи уже опасались за мою жизнь. Священник, казалось, был вполне доволен состоянием моего разума. Он сказал: «Она умрет как святая». Но мои грехи были слишком явными и слишком мучительными для моего сердца, чтобы можно было сделать такой вывод. В полночь они совершили надо мной таинство причастия, так как каждый час ожидали моей возможной кончины. Это была картина всеобщего горя, как в семье, так и среди всех знавших меня.

Кроме меня самой не было никого, кто бы оставался равнодушным к моей смерти. Я же принимала ее без страха, и была бесчувственна к ее приближению. Но все было по–другому с моим мужем. Когда он увидел, что надежды нет, го был абсолютно безутешен. Но как скоро я начала поправляться, его обычная раздражительность вновь возвратилась, несмотря на его любовь ко мне. Я выздоровела совершенно чудесным образом, и для меня все это происшествие оказалось великим благословением. Кроме того огромного терпения, которое я проявляла, терпя сильные боли, оно научило меня видеть пустоту всех мирских вещей. Это невольно отвлекло меня от самой себя и дало мне новое мужество переносить страдания лучше, чем я их переносила до сих пор. Любовь Божья собрала все силы моего сердца, соединив их с желанием быть угодной и верной Ему во всех обстоятельствах. Также я получила некоторые другие, не зависящие от меня преимущества, так как мне пришлось еще шесть месяцев пребывать в вялотекущей горячке. Все думали, что дело идет к смерти. Но Твое время, чтобы забрать меня к Себе, о мой Бог, еще не пришло. Твои пути для меня совершенно отличались от ожиданий других людей. Ты предопределил сделать меня как объектом Твоей милости, так и жертвой Твоей справедливости.

Глава 8

После продолжительного недомогания, ко мне вернулись мои прежние силы. Примерно в это же время в великом умиротворении разума ушла из этой жизни моя дорогая матушка. Кроме других ее добродетелей она была исключительно милосердна к беднякам. Эта добродетель была настолько угодна Богу, что Ему было благоугодно начать воздавать ей даже в этой жизни. Несмотря на то, что она страдала от болезни все двадцать четыре часа в сутки, она была совершенно спокойна по поводу всего близкого и дорогого ей в этом мире. Я же теперь занималась своими обязанностями, никогда не забывая помолиться два раза в день. Я следила за собой, постоянно держа в руках свой характер. Посещая бедняков в их домах, я старалась поддержать их в отчаянных обстоятельствах. Я делала (в моем понимании) все то добро, которое мне было известно.

Ты, о мой Бог, соответственно моим страданиям, взрастил как мою любовь, так и мое терпение. Я не сожалела о тех временных благах, которыми моя мать окружала более моего брата, нежели меня. И все же они и в этом упрекали меня, как и во всем другом. Также некоторое время я жестоко болела малярией.

Все же я не служила Тебе с той ревностью, которую Ты ниспослал мне вскоре после этого. Ибо я все еще лелеяла в себе умение сочетать Твою любовь с любовью к самой себе и любовью к творению. К несчастью, я всегда встречала кого–то, кто меня любил, и я не могла запретить себе угождать им. Не то, чтобы я любила их, на самом деле все это было только из–за любви к самой себе. Однажды в дом моего отца пришла одна женщина изгнанница. Он предложил ей апартаменты, которые она приняла. Она жила у нас долгое время. Это была одна из набожных женщин глубокого духовного посвящения. Она проявляла ко мне большое уважение потому, что моим желанием было любить Бога. Она заметила, что я обладала добродетелями активной и деятельной жизни, но что я еще не достигла той простоты молитвы, которую ей удавалось практиковать. Иногда ей случалось сказать мне что–то по этому поводу. Поскольку мое время еще не пришло, я не понимала ее. Ее пример научил меня более чем ее слова. На ее лице я заметила нечто, что являло собой великое наслаждение от присутствия Божия.

Прилагая усилия, созерцая и размышляя, я также пыталась достичь этого, но все было тщетно. Я хотела обладать, посредством своих собственных усилий тем, что я могла приобрести, только перестав прилагать всякие усилия.

Племянник моего отца, о котором я упоминала ранее, вернулся из Китая, чтобы набрать священников из Европы. Я была невыразимо счастлива повидаться с ним, ибо помнила, сколько добра он для меня сделал. Упомянутая дама была не менее рада. Они сразу же поняли друг друга и разговаривали, пользуясь духовным языком. Добродетель таких превосходных отношений очаровала меня. Я восхищалась его долгой молитвой, не имея способности понять ее. Я пыталась размышлять и думать о Боге беспрерывно, чтобы произносить молитвы и восклицания. Но даже посредством всего моего упорного труда я не могла приобрести того, что Бог со временем дал мне Сам, и что человек может переживать только в простоте сердца. Мой

брат делал все, что было в его силах, чтобы больше привлечь меня к Богу. Он питал ко мне большую привязанность.

Незапятнанность испорченными нравами этого века, которую он наблюдал во мне, а также отвращение ко греху в возрасте, когда другие только начинают им наслаждаться, (мне еще не было и восемнадцати) вызвала у него большую нежность ко мне. Я бесхитростно поведала ему обо всех своих недостатках, касаясь тех, которые я видела ясно. Он ободрил меня и наставил в том, чтобы я контролировала себя и продолжала практиковать свои добродетельные усилия. Он с радостью научил бы меня этому более простому способу молитвы, но я еще не была готова к ней. Я думаю, что его молитвы были более действенны, чем его слова.

Как только он уехал из дома моего отца, Ты, о Божественная Любовь, проявила свое благоволение. Желание угодить Тебе, пролитые слезы, перенесенные муки, совершенные труды и те ничтожные плоды, которые я смогла собрать из всего этого, пробудили Твое сострадание. Таким было состояние моей души, когда Твоя благость, превосходя всю мою ничтожность и неверность Тебе, и, изобилуя наравне с моим жалким состоянием, наделила меня в одно мгновение тем, что мои собственные усилия никогда не смогли бы мне добыть. Видя меня суетящейся посреди тяжких трудов, ветер Твоих божественных деяний обратился в мою сторону, и понес меня на всех парусах над этим морем несчастий. Я часто рассказывала своему духовнику о том великом беспокойстве, которое мне причиняло неумение размышлять, неспособность напрягать свое воображение для молитвы. Молитвенные обращения, хоть и столь обширные, не приносили мне никакой пользы. Только краткие и сжатые молитвы подходили мне.

Со временем, Бог позволил, чтобы один очень религиозный человек, из ордена Святого Франциска, проходил мимо жилища моего отца. Он намеревался пойти другой дорогой, той, что была короче, но тайная сила изменила его планы. Он понял, что здесь было для него какое–то дело, и в воображении увидел, как Бог призывает его для обращения одного особенного человека в этой стране. Его труд здесь оказался очень плодотворным. Ибо именно завоевание моей души было запланировано свыше. Придя к нам в дом, он встретился с моим отцом, который очень обрадовался его приходу. К тому времени мне уже приближалось время разрешиться моим вторым сыном, а мой отец был сильно болен, так что ожидал своей смерти. Некоторое время они скрывали его болезнь от меня. Но один нескромный человек как–то раз резко сказал мне о ней. Я внезапно встала, хоть и была очень слаба, и пошла повидать его. Эта опасная болезнь перешла и на меня. Мой отец выздоравливал, но не полностью. Однако этого было достаточно, чтобы проявлять ко мне новые знаки своей привязанности. Я рассказала ему о моем сильном желании любить Бога, и о моей великой печали из–за неспособности делать это по–настоящему. Он же подумал, что самым лучшим проявлением его любви ко мне будет возможность познакомить меня с тем достойным человеком, который к нему приходил. Он рассказал мне, что знал о нем и посоветовал мне с ним встретиться. Поначалу это мне показалось сложным, так как моим желанием было соблюдать все правила со строжайшей осторожностью.

Однако постоянные просьбы моего отца оказывали на меня очень положительное действие. Я подумала, что поступок совершенный мною по велению отца, не будет считаться

дурным поступком. Я взяла с собой родственницу. По началу монах казался несколько смущенным, так как он был замкнут в отношениях с женщинами. Будучи человеком, только что вернувшимся в мир после пяти лет затворничества, он был удивлен, что я первой обратилась к нему. Какое–то время он не произносил ни слова. А я не знала чему приписать его молчание. Я без колебания говорила с ним, и чтобы сократить свою речь, рассказала ему о своих трудностях с молитвой. Вскоре он ответил: «Это оттого, мадам, что вы ищете снаружи то, что имеете внутри. Приучите себя искать Бога в своем сердце, и там вы найдете Его». Сказав эти слова, он оставил меня. Они были для меня как стрела, которая пронзила мое сердце. Я чувствовала глубокую рану, но рана была столь приятной, что я не желала исцеления. Эти слова принесли моему сердцу то, что я искала так много лет. Скорее они открыли мне то, что было там, но чем я не могла наслаждаться из–за желания его исследовать. О мой Господь, Ты был в моем сердце, и просил только о простом обращении моего разума внутрь, чтобы заставить меня ощутить Твое присутствие. О, бесконечное Божество! Как же я металась туда и сюда в поисках Тебя. Моя жизнь была для меня бременем, хоть на самом деле счастье мое было внутри меня самой. Я была нищей в богатстве, и готовой погибнуть от голода, хотя передо мной был накрыт изобилующий стол и вечный пир. О Красота, такая древняя и вечно новая, почему же я познала Тебя так поздно? Увы! Я искала Тебя там, где Тебя не было, и не искала Тебя там, где Ты был. Это было из–за недостатка понимания слов Твоего Евангелия: «Не придет Царствие Божие приметным образом… Царствие Божие внутрь вас есть». Теперь я испытала это. Ты стал моим Царем, а мое сердце Твоим царством, где Ты царствовал безраздельно, совершая Свою священную волю. Я сказала этому человеку, что я не знала, что он сделал со мной, но что мое сердце было совершенно измененным, так что там пребывал Бог. Он дал мне переживать Свое присутствие в моей душе не посредством мысли или какого–нибудь иного действия разума, но посредством реального обладания предметом сладчайших грез. Я испытала силу слов из книги Песни Песней:«Имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя». В своей душе я чувствовала помазание, которое подобно целительному бальзаму во мгновение ока исцелило все мои раны. Я не могла спать всю ту ночь, потому что Твоя любовь, О мой Бог, текла во мне как драгоценный елей, и горела как огонь, который был готов пожрать все, что оставалось от меня самой.

Я внезапно была настолько изменена, что меня с трудом узнавали другие люди и даже я сама. Я не находила более в себе самой тех мучивших меня недостатков или противящихся мыслей. Они исчезли, будучи поглощены как солома в большом пламени. Теперь моим желанием было, чтобы тот, кто привел меня к изменениям, стал моим наставником, которого бы я предпочитала всем остальным. Этот добрый отец не мог сразу же взять на себя ответственность за мое водительство, хоть он и видел ту изумительную перемену, которую произвела во мне рука Божья. Несколько причин удерживали его от этого. Во–первых, мой характер, затем моя молодость, так как мне было всего лишь девятнадцать лет. Наконец, обещание, которое он дал Богу, не доверяя самому себе, что никогда не возьмет на себя обязанность направлять кого–либо из представительниц женского пола, если только Бог, каким–то особенным действием провидения, не поручит ему этого. Однако, внимая моим настойчивым и постоянным просьбам стать моим наставником, он сказал, что будет молиться Богу и желал,

чтобы я делала то же самое. Когда он был в молитве, ему было сказано: «Не бойся этого поручения, ибо она Моя супруга». Когда я услышала эти слова, то они произвели на меня величайшее впечатление. «Какое же, — говорила я себе, — ужасное чудовище зла, сделавшее так много чтобы оскорбить своего Бога, злоупотребляя Его расположением, и, отплачивая за него неблагодарностью, теперь объявлено Его супругой!» После этого он согласился исполнить мою просьбу.

Для меня не было ничего более простого чем молитва. Часы уходили как мгновения, когда я не занималась ничем иным кроме молитвы. Пылкость моей любви не позволяла мне делать перерывов. Это была молитва радости и обладания, освобожденная от каких–либо суетных образов и размышлений, это была молитва воли, а не головы. Возможность вкушения Бога была такой великой, такой чистой, ни с чем несмешанной и беспрерывной, что она притягивала и поглощала силу моей души в глубочайшее воспоминание безо всякого действия или речи. Перед моим взором не было никого кроме одного Иисуса Христа.

Все остальное было исключено ради любви величайшей силы, не требующей каких–либо эгоистичных мотивов или причин. Эта воля поглощала в себя две другие части, память и понимание, концентрируя их на ЛЮБВИ. Нельзя сказать, что их уже не существовало, но их деятельность протекала совершенно незаметным и пассивным образом. Их уже нельзя было остановить или задержать множеством различных вещей, они уже были собраны и объединены в единое целое. Так же и восход солнца не гасит звезды, но одолевает и поглощает их в сиянии своей несравненной славы.

Глава 9

Такой была эта молитва, данная мне в одночасье, будучи превосходнее всякого экстаза, восторгов и видений. Все эти дары являются менее чистыми, ибо более подвержены иллюзии или обману врага. Видения принадлежат низшим силам души и не могут произвести истинного единения. Душа не должна пребывать или полагаться на них, задерживаясь ими, так как они являются всего лишь благорасположением и дарами Бога. Сам Даятель должен быть нашей целью и задачей. Именно об этом говорит Павел, когда пишет, что «*сам сатана принимает вид Ангела света*» (*2 Кор. 11:14*), что обычно происходит с теми людьми, которые любят видения, и концентрируют на них основное внимание, а ведь они способны сообщить душе только пустоту, или же увести ее от кроткого ожидания Самого Бога. Экстазы возникают от наслаждения чувственностью. Их можно именовать одним из видов духовного ощущения, где душа по причине сладости, которую она в них обретает, позволяет себе заходить так далеко, что незаметно может оказаться в состоянии разрушения. Искусный враг представляет такой вид внутренних подъемов и восторгов в качестве приманки для того, чтобы заманить душу в ловушку, исполнить ее тщеславием и любовью к себе, чтобы привлечь ее внимание к почитанию даров Бога, и удержать ее от следования за Иисусом Христом путем отречения и смерти для всего.

А что касается отчетливо слышимых внутри слов, то они также подвержены иллюзии, ибо враг может их создать и подделать. Или даже если они исходят от доброго ангела (ибо Сам Бог никогда не говорит таким образом) мы можем ошибиться и превратно их истолковать. Они произносятся божественным образом, мы же истолковываем их человеческим или плотским образом. Но настоящее слово Божие не имеет ни тона, ни артикуляции. Оно немое, тихое и недоступное слуху. Это Сам Иисус Христос — реальное и главное Слово, которое пребывает в центре души, готовой Его принять. Ни одно мгновение не ускользает от Его живого, плодотворного и божественного действия.

О Слово, пришедшее во плоти, чья тишина есть невыразимое красноречие. Тебя невозможно неправильно истолковать или ошибиться. Ты становишься жизнью нашей жизни и душой нашей души. Сколь бесконечен Твой язык, превознесенный выше всех человеческих высказываний и ограниченной артикуляции. Твоя восхитительная сила, могущая сделать все в той душе, которая ее приняла, сообщает о себе, говоря через одних другим. Она приносит плод в жизнь вечную подобно божественному семени.

Откровения о грядущих событиях также очень опасны. Дьявол может подделать их, как он и поступал раньше в языческих храмах, где их произносили оракулы. Зачастую они влекут за собою ложные идеи, тщетные надежды и пустые ожидания. Они захватывают разум знанием о будущих событиях, удерживают его от умирания для самого себя, не позволяя ему следовать за Иисусом Христом в Его нищете, самоотречении и смерти.

Откровение об Иисусе Христе невероятно обширно, когда оно раскрывается душе посредством сообщения вечным Словом (*Гал. 1:16*). Оно делает нас новыми творениями, обновленными в Нем. Именно это откровение и является тем единственным, которое Дьявол не может подделать. Отсюда проистекает единственный безопасный восторг экстаза, который

приводится в действие одной только верой, и где происходит то, что мы можем умереть даже для даров Божиих. До тех пор пока душа продолжает полагаться на дары, она не может окончательно отречься себя. При переходе к Богу душа никогда не потеряет наслаждения Даятелем, но потеряет привязанность к дарам. Это действительно невыразимая потеря.

Не допусти моему разуму следовать за этими дарами, и обкрадывать себя, лишаясь Твоей любви, о мой Бог. Тебе угодно было привлечь меня к постоянной привязанности лишь к Тебе одному. Таким образом, направляемые души обретают кратчайший путь. Им нужно быть готовыми к великим страданиям, особенно если они сильны в вере, подавить себя и быть мертвыми для всего кроме Бога. Должна быть только чистая и бескорыстная любовь, движение разума для воплощения только Твоей воли. Именно такие понятия Ты поместил внутрь меня, а также пылкое желание страдать за Тебя. Крест, который прежде я несла только с покорностью, стал моим наслаждением и особенным предметом моей радости.

Глава 10

Я рассказала о своем чудесном изменении этому доброму отцу, ставшему Божьим инструментом, изобразив все в счастливых красках. Это наполнило его радостью и изумлением.

О мой Бог, к каким же епитимьям побудила меня любовь к страданию! Я принудила себя лишиться даже самых невинных удовольствий. Все, что могло как–нибудь польстить моему вкусу, я отвергала, и заменяла тем, что уязвляло его и внушало мне отвращение. Мой аппетит, до сих пор крайне избирательный, теперь был побежден, так что я с трудом могла отдать предпочтение одной еде перед другой. Я перевязывала несчастным отвратительные язвы и раны, подавала лекарства больным. Когда я впервые занялась этим, это давалось мне с огромным трудом. Но по мере того, как мое отвращение уменьшилось, и я в состоянии была переносить вид самых ужасающих картин, мне открывались и другие места применения моей деятельности. Ибо я ничего не делала от себя, но полностью отдавала управление собой моему Повелителю. Когда тот добрый отец спросил меня, насколько я люблю Бога, я ответила: «Намного больше, чем самый страстный любовник может любить свою возлюбленную, и даже подобное сравнение не могло бы стоять в одном ряду, ибо любовь творения никогда не в состоянии достичь этого уровня ни по силе, ни по глубине». Эта любовь Божья заполонила мое сердце с таким постоянством и силой, что ни о чем другом я и думать не могла. Действительно, ничто другое я не считала достойным своих мыслей. Добрый отец, упомянутый мною, был превосходным проповедником. Прихожане той церкви, к которой я принадлежала, всегда жаждали услышать его проповедь. Когда я пришла, я настолько сильно была поглощена Богом, что не в состоянии была открыть глаза и даже слышать все то, о чем он говорил.

Я обнаружила, что Твое Слово, о мой Боже, производило особенное действие в моем сердце, получая в нем должный результат без какого–либо посредничества иных слов или внимания к ним. И с тех пор я всегда видела это, но иными путями, в соответствии с разными уровнями и состояниями, через которые я проходила. Я так глубоко погружалась во внутренний дух молитвы, что могла лишь изредка произносить молитву вслух.

Погружение в Бога поглощало во мне все. Несмотря на то, что я питала нежную привязанность к некоторым святым, таким как Св. Петр, Св. Павел, Св. Мария Магдалина, Св. Тереза, однако я не могла себе представить их образы, или же взывать к кому–то из них независимо от Бога. Через несколько недель после того, как мое сердце было пронзено таким образом, что и знаменовало мое изменение, в монастыре, где находился мой добрый отец–наставник, наступил праздник Блаженной Девы. Я пошла утром, чтобы получить индульгенции, и была очень удивлена тем, что мне не под силу было совершить это действие, хоть я более пяти часов пробыла в церкви. Все мое существо была пронизана такой остротой чистой любви, что я не могла решиться сократить боль, вызванную моими грехами с помощью индульгенций. «О моя Любовь, — восклицала я, — я желаю страдать за Тебя. Я не вижу удовольствия ни в чем кроме страдания за Тебя. Индульгенции могут быть хороши для тех людей, которые не знают ценности страданий, которые не желают, чтобы Твоя божественная справедливость была удовлетворена,

которые, имея корыстные души, не столько боятся быть Тебе неугодными, сколько боятся боли, вызванной грехом».

Однако, из страха, что я могу ошибаться и совершить проступок не получив индульгенции, ведь я никогда не слышала, чтобы кто–нибудь раньше оказывался в подобной ситуации, я вернулась назад, пытаясь снова взять их, но напрасно. Не зная как мне поступить, я отдала себя в руки Господа. Возвратившись домой, я написала доброму отцу, что по его просьбе я записала часть его проповеди, повторяя ее слово в слово по мере того как записывала.

Теперь я оставила все компании, распрощалась навсегда со всеми пьесами и развлечениями, танцами, бесцельными прогулками и увеселительными вечеринками. В течение двух лет я не делала роскошных причесок. Я стала самою собой, и мой муж это одобрил.

Моим единственным наслаждением теперь было красть те мгновения, когда я могла побыть наедине с Тобой, моя единственная Любовь! Всякое другое наслаждение причиняло мне боль. Я не теряла Твоего присутствия, которое было мне дано путем постоянного наполнения. Не то чтобы я сама представляла себе его усилиями разума или силой мысли в созерцании Бога. Это посредством воли, когда я вкушала невыразимую сладость упоения объектом своей любви. В этом счастливом переживании я знала, что душа и была сотворена для наслаждения своим Богом. Единство воли подчиняет душу Богу, сообразуя ее всему тому, что Ему угодно, побуждая собственную волю человека умереть. Наконец, он притягивает к ней и другие способности посредством того милосердия, которым она исполнена. Все это содействует их объединению в Центре, в котором они окончательно растворяются как в своей сущности, так и в действиях. Эта потеря называется уничтожением способностей. Хотя сами в себе они все еще существуют, однако нам они кажутся уничтоженными. По мере того, как милосердие наполняет и побуждает человека, оно становится таким сильным, что способно преодолеть все человеческие желания и устремления, подчинив человека только воле Божией.

Когда душа послушна, и позволяет себя очистить, избавить от всего того, что принадлежит ей и является противовесом воле Божьей, она постепенно обнаруживает себя отделенной от всяческих собственных эмоций и помещенной в состояние святого безразличия, когда не желаешь ничего, кроме того, что делает или желает Бог.

Этого невозможно достичь путем действия нашей собственной воли, даже если бы мы упражняли ее в постоянных актах послушания. Эти действия, насколько бы добродетельны они ни были, всего лишь являются собственными действиями человека и побуждают волю существовать в некоем многообразии, в своего рода расхождении с Богом.

Когда воля творения полностью покоряет себя воле Творца, страдая свободно и добровольно, вручая божественной воле только само течение обстоятельств (что и является абсолютным подчинением), тогда само страдание полностью преодолевается и нивелируется под действием любви, поглощающей волю в себя, вкладывая ее в волю Божию и очищая ее от всякой узости, несогласия или эгоизма.

Так же обстоит дело и с другими двумя способностями. Посредством милосердия начинают проявляться две теологические добродетели: вера и надежда. Вера так сильно захватывает понимание, что способна опустить на более низкий уровень все рассуждения, все частные разъяснения и иллюстрации, какими бы возвышенными они не были. Эти факты в

достаточной мере показывают насколько видения, откровения и состояния экстаза отличаются от описанного, и как они удерживают душу от возможности раствориться в Боге. Хотя посредством этих состояний душе и кажется, что она растворяется в Нем на несколько скоротечных мгновений, все же это не истинная растворённость. Полностью растворенная в Боге душа не может уже обрести себя вновь. Вера заставляет душу потерять всякий различимый ею свет для того, чтобы поместить ее в свой собственный чистый свет.

Все мелкие действия также оказываются постепенно преодоленными в памяти и поглощаются надеждой. В конце концов, эти все способности оказываются сконцентрированными и растворенными в чистой любви. Она поглощает их в самой себя посредством владыки — ВОЛИ. Воля является царем всех способностей, а милосердие — царицей всех добродетелей, объединяя их все в самой себе. Само же такое единение можно назвать союзом или единством. Все это объединяется посредством воли и любви в центре души — в Боге, Который является нашей конечной целью. Согласно словам Св. Иоанна, «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге».

Этот союз моей воли с Твоей, о мой Бог, и это нескончаемое присутствие было таким сладостным и могущественным, что я была вынуждена уступить его чудесной силе, силе, которая была строгой и суровой к моим мельчайшим недостаткам.

Глава 11

Как я уже писала, мне приходилось постоянно умерщвлять и непрестанно сдерживать свои чувства. Чтобы победить их окончательно, необходимо отказывать им в малейшем послаблении до тех пор, пока победа не будет окончательно достигнута. Мы видим людей, которые удовлетворяют себя тем, что практикуют очень суровый внешний аскетизм. Однако они позволяют своим чувствам расслабляться в том, что принято называть невинным и необходимым, и их чувства навсегда остаются неподчиненными.

Практика аскетизма, какой бы строгой она не была, никогда не победит чувства. Самое эффективное средство для того, чтобы разрушить их власть, — решительно отказать чувствам в том, что способно угождать им. Затем нужно стойко продолжать отказывать им до тех пор, пока они не уменьшатся настолько, что не будут ни желать, ни противоречить. Если мы попытаемся в ходе этой войны дать им какое–нибудь послабление, то мы будем подобны людям, которые под предлогом укрепления сил человека, приговоренного к голодной смерти, дают ему время от времени немного еды.

Действительно, на некоторые время это продлит его муки и отдалит время смерти.

То же самое происходит со смертью наших чувств, способностей, понимания и нашей воли. Если мы не искореним всякий остаток своего я, существующий в этом, мы будем поддерживать его в таком предсмертном состоянии до конца. Это состояние и его конец ярко описаны Павлом. Он говорит о ношении в теле мертвости Иисуса Христа (2 Кор. 4:10). Но чтобы мы не успокаивались на этом, он показывает четкое различие между состоянием смерти и состоянием, когда наша жизнь сокрыта со Христом в Боге. Только посредством абсолютной смерти для самих себя мы можем раствориться в Боге. Таким образом, гот, кто мертв, не нуждается более в дальнейшем умерщвлении. Окончательное умерщвление уже совершено в нем, и все должно обновиться. В тех добрых душах, которые, наконец, посредством упорного и постоянного их умерщвления пришли к победе над своими плотскими чувствами, происходит печальное заблуждение, когда они все еще вынуждены упражняться в этом. Но им как можно скорее нужно перестать обращать внимание на эту область и пребывать в равнодушии, принимая в равной степени как хорошее, так и плохое, как горькое, так и сладкое, концентрируя все свое внимание на труде гораздо более важном, а именно, на умерщвлении разума и собственной воли. Они должны начать это с прекращения всяческой инициированной самими собой деятельности, но это никогда не должно происходить без самой глубокой молитвы. Чувства никогда не удастся умертвить без глубокого осознания себя в связи с умерщвлением. Действительно, осознание себя — это главное средство, с помощью которого может быть достигнута победа над чувствами. Оно отрывает нас и разделяет с ними, мягко сводя на нет именно то, из чего чувства черпают возможность на нас влиять. Чем более Ты увеличивал мою любовь и терпение, о мой Господь, тем меньше страдания я испытывала в наибольшим образом подавлявших меня испытаниях, ибо любовь помогала с легкостью их проходить.

О несчастные души, истощающие себя в бесполезной борьбе. Если бы вы искали только Бога в своих сердцах, то очень скоро пришел бы конец всем вашим проблемам. Увеличение

испытаний пропорционально увеличивало бы ваше наслаждение. В начале любовь, жаждущая умерщвления, побудила меня искать его разными способами. Это удивительно, но по мере того, как горечь всякого нового способа умерщвления была исчерпана, мне открывался новый способ, и я была изнутри ведома испытать его. Божественная любовь настолько просветила мое сердце, и настолько проникла в его тайные источники, что мне сразу же открывалось всякое малейшее зло, и я замолкала в смирении. Когда же я молчала, то недостатки тут же раскрывались для меня. Каждое мое действие всегда было в чем–то несовершенным: в моем умерщвлении, в моих епитимьях, в моем пожертвовании, в моем уединении — везде я ошибалась. Когда я шла, я видела, что что–то неправильно. Если я говорила хоть что–то в свою пользу, я осознавала свою гордыню. Если я говорила что–то лишь в своем разуме, увы, я не буду более так говорить, это снова было мое я. Если я была радостной и открытой, я чувствовала осуждение. Чистая любовь всегда находила то, в чем меня можно было упрекнуть, и ревностно следила, чтобы ничто не ускользнуло от моего внимания. И ведь я не была как–то особенно внимательна к самой себе. Наоборот, я принуждала себя обращать на себя внимание.

Мое внимание к Богу посредством привязанности моей воли к Его воле было безостановочным. Я постоянно ожидала Его, и Он беспрерывно наблюдал за мной. Он так вел меня своим провидением, что я забывала обо всем остальном. Я не знала, как мне передать то чувство, которое я ощущала по отношению ко всем вокруг. Я была настолько потеряна для самой себя, что я едва могла оценить саму себя. Когда я пыталась это сделать, все понятия о мне самой вдруг немедленно исчезали. Я обнаруживала себя озабоченной только одним предметом, не различая ничего другого. я была погружена в состояние невыразимого мира, и глазами веры видела, что именно Бог овладел мною таким образом. Но я совершенно не рассуждала об этом.

Однако не нужно полагать, что божественная любовь позволяла моим недостаткам оставаться без наказания. О, Господь! С какой строгостью наказываешь Ты самого верного, самого любящего и возлюбленного из Твоих детей. Я не имею в виду внешнюю сторону, ибо это было бы невозможно в виду мельчайших ошибок в той близкой к абсолютному очищению душе. Наказания, которые она может навлечь на себя, являются скорее вознаграждениями и подкреплениями, чем наоборот. Действительно тот способ, посредством которого Он воспитывает Своих избранных, должен быть прочувствован, иначе будет невозможно осознать насколько этого наказания следует бояться. В своей попытке объяснить его я, возможно, буду выражаться невразумительно для многих, за исключением тех опытных душ, которые способны меня понять. Это нечто вроде внутреннего горения, тайный огонь, посланный Богом, чтобы удалить всякий недостаток. Он причиняет сильнейшую боль до тех пор, пока очищение не завершено.

Это похоже на вывихнутый сустав, который причиняет непрестанное мучение до тех пор, пока кость не вправлена на свое место. Эта боль настолько жестокая, что душа готова сделать все что угодно, дабы удовлетворить Бога за свой проступок, и скорее была бы рада быть разорванной на части, нежели переносить это мучение. Иногда душа стремится к другим и открывает себя, чтобы получить утешение. Но этим она разрушает Божье предназначение для нее. Крайне важно знать, какова польза от страдания. Все наше духовное продвижение зависит от него. В часы внутренних мучений, мрака и стенания мы должны сотрудничать с Богом,

перенося это поглощающее нас терзание до его крайнего предела (пока оно продолжается), не пытаясь хоть как–то уменьшить или увеличить его. Переносите его пассивно, не ищите возможности удовлетворить Бога чем бы то ни было, исходящим от себя самого. Продолжать быть пассивным в такое время чрезвычайно сложно и требует великой твердости и мужества. Я знала некоторых людей, которые никогда не продвигались дальше в духовном росте из–за того, что теряли терпение и искали средства утешения.

Глава 12

Обращение со мной моего мужа и свекрови, каким бы жестоким и оскорбительным оно не было, я переносила молчаливо. Я не отвечала им, и это не стоило мне больших усилий, потому что величие моего внутреннего занятия и все, происходившее внутри меня, делало меня нечувствительной ко всему внешнему. Бывали минуты, когда я оставалась одна. И вот тогда я не могла сдержать слез. Для них я исполняла самую черную работу, чтобы смирить себя. Но все это не давало мне возможности завоевать их расположения.

Когда они приходили в ярость, хоть я и не находила ничего, что давало им к этому какой бы то ни было повод, я всегда просила у них прощения. Даже у девушки служанки, о которой я уже упоминала. Преодоление самой себя доставалось мне со многими терзаниями, особенно, что касается этой девушки. Она стала еще более дерзкой в этом отношении, укоряя меня в таких вещах, которые, казалось, должны были бы заставить ее краснеть и сгорать от стыда.

Так как она видела, что я больше ей не противоречила и ни в чем не противилась, она продолжала обращаться со мной еще хуже. И когда я просила у нее прощения, она говорила триумфально: «Я очень хорошо знала, что я была права». Ее надменность достигла такого уровня, на котором я не позволила бы себе обращаться даже с самым последним рабом.

Однажды, одевая меня, она грубо меня дернула и оскорбительно со мной заговорила. Я сказала: «Я не хочу отвечать Вам от себя лично, ибо Вы не причиняете мне боли, но советую Вам не вести себя так в присутствии людей, которых бы это оскорбляло. Более того, так как я являюсь вашей хозяйкой, то в этом Бог действительно оскорблен Вами». Она оставила меня в этот момент, и, как безумная, побежала к моему мужу сказать, что не останется больше в этом доме, так как я дурно с ней обращаюсь. Она говорила, что я ненавижу ее в ответ на ту заботу, которую она проявляет к нему в его постоянных недомоганиях. А я якобы не желаю, чтобы она оказывала ему какие–либо услуги. Мой муж, будучи очень вспыльчивым, разгорячился, услышав эти слова. Я закончила одеваться сама. Поскольку она оставила меня, я не осмеливалась позвать другую девушку, ибо она бы не потерпела, чтобы кто–то другой приближался ко мне. Я увидела, что мой муж шел ко мне разъяренный, как лев, а он никогда ранее не был в таком гневе. Я подумала, что он может меня ударить, но ожидала удара спокойно, хотя он и угрожал мне поднятым костылем. Я думала, что он бросит меня на пол. Находясь в тесном единении с Богом, я перенесла бы это без страдания. У него было достаточно разума, чтобы не ударить меня, он понимал, насколько недостойно это бы выглядело. Но в своей ярости он бросил в меня костылем. Костыль упал рядом со мной, но меня не коснулся. Затем он высказался такими словами, как если бы говорил с уличной попрошайкой или самым ничтожным из творений. Я хранила глубокое молчание, будучи соединенной с Господом. В то же время вошла и девушка. При виде ее, его гнев удвоился. Я же держалась за Бога, как жертва, готовая вынести все, что Он допустит.

Мой муж приказал мне попросить у нее прощения, что я и сделала, тем самым успокоив его гнев.

После я пошла в свою комнату. Как только я в нее вошла, мой божественный Наставник побудил меня сделать девушке какой–нибудь подарок, чтобы вознаградить ее за то испытание, которое она мне причинила. Она была немного удивлена, но ее сердце было еще слишком ожесточенным, чтобы его можно было завоевать. Я часто так поступала, так как она нередко предоставляла мне подобные возможности. Она обладала большой ловкостью в уходе за больными. А мой муж, часто испытывая недомогания, не допустил бы никого другого ухаживать за ним. Он питал к ней большое расположение. Ей был присущ артистизм, и в его присутствии она проявляла ко мне сверхъестественное уважение. Но если в его отсутствие мне случалось ей сказать хотя бы слово, употребив большую мягкость, и она слышала шаги его приближения, она кричала изо всех сил, насколько она несчастна. Она вела себя как человек, оказавшийся в отчаянии, не говоря ему правду, ибо она, как и моя свекровь, была настроена против меня. То насилие, которое я совершала над своим гордым и живым характером, было настолько велико, что я не могла уже больше сдерживаться. Я была этим абсолютно истощена. Мне иногда казалось, что внутри меня что–то раскалывалось, и я часто заболевала от этой борьбы. Девушка не стыдилась высказывать, насколько она возмущена мною даже перед людьми из общества, которые приходили ко мне в гости. Если я молчала, она принималась оскорблять меня еще больше, говоря, что я ее презираю. Она кричала на меня и жаловалась всем.

Но все это способствовало увеличению моего уважения и ее собственного бесчестия. Моя репутация в том, что касалось моей внешней скромности, поклонения Богу и благотворительной деятельности, которой я занималась, была теперь настолько высока, что ничто не могло ее поколебать. Иногда она выбегала на улицу, выкрикивая против меня оскорбления. Однажды она восклицала: «Разве я не несчастнейшая из несчастных, что имею такую хозяйку?» Люди собрались вокруг нее, чтобы узнать, что я ей сделала, и, не зная что сказать, она отвечала, что я не говорила с ней целый день. Они возвратились к себе, смеясь, и говорили: «Тогда она не причинила тебе слишком много страдания».

Я поражаюсь слепоте многих духовников, и тому, как много правды они позволяют скрывать от себя кающимся грешникам. Духовник этой девушки принимал ее за святую. Он говорил это при мне. Я ничего не ответила, так как любовь не позволяла мне рассказывать о своих бедах. Мне следовало отдавать их все Богу, храня глубокое молчание.

Мой муж был недоволен состоянием моего поклонения Богу. «Вот как, — сказал он однажды, — ты настолько любишь Бога, что меня ты уже не любишь». Ему было так мало известно о том, что супружеская любовь, это та любовь, которую Сам Господь создает в любящем Его сердце. О единственный Святой и Чистый, Ты с самого начала вложил в меня такую целомудренную любовь, что в мире не было ничего, что я бы побоялась претерпеть ради обладания и сохранения этой любви. Я старалась соглашаться с мужем и угождать ему абсолютно во всем, что он мог от меня потребовать. Бог в то время наделил меня такой чистотой души, что у меня было не так уж много плохих мыслей. Иногда, бывало, мой муж говорил мне: «Все видят, что ты никогда не выходишь из присутствия Божия».

Мир, видя, что я покинула его, преследовал меня и обращал меня в посмешище. Я была его развлечением и предметом его басней. Ему было невыносимо видеть, что женщина, которой едва исполнилось двадцать лет, способна объявить ему войну и превозмочь в этой войне. Моя

свекровь была на стороне этого мира и обвиняла меня в том, что я не делала многих вещей, в отношении которых она в своем сердце сама была бы оскорблена, делай я их. Я была как будто растворившейся и одинокой, так мало я общалась с творениями мне подобными. Даже меньше чем того требовала необходимость.

Я, казалось, буквально переживала эти слова Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Его действия во мне были настолько могущественными и сладостными, равно как и тайными, что я не могла их выразить. Однажды мы по делу поехали в провинцию. О! Какое невыразимо прекрасное общение пережила я там в уединении! Я была ненасытна в молитве. Вставала я в четыре часа утра, чтобы помолиться. Я ходила очень далеко в церковь, которая была расположена так, что экипаж не мог к ней подъехать. По одному крутому склону можно было подняться наверх, а по другому спуститься. Все это ничего мне не стоило, ибо у меня было такое горячее желание встретиться с моим Богом, моим единственным утешением, Который со Своей стороны милостиво открывал Себя Своему слабому творению, и для него был готов совершать даже видимые чудеса. Люди видевшие насколько моя жизнь отличалась от жизни женщин из мира, говорили, что я сумасшедшая. Они приписывали такое поведение недалекому уму. Иногда они говорили: «Что все это может значить? Некоторые люди думают, что эта мадам имеет немалые способности, но пока что ни одной из них не было заметно». Оказываясь в обществе, я часто не могла говорить. Будучи настолько занятой своей внутренней жизнью и находясь в единении с Господом, я не могла уделять внимание чему–либо иному. Когда рядом со мной кто–то говорил, я ничего не слышала. Обычно я что–то брала с собой, чтобы этого не было заметно. Я брала какое–нибудь шитье, чтобы под видом этой работы скрыть истинное занятие моего сердца. Когда я оставалась одна, работа выпадала из моих рук. Как–то я хотела убедить родственницу моего мужа в важности молитвы. Она посчитала меня сумасшедшей в том, что я лишаю себя всех развлечений того времени. Но Господь открыл ей глаза, чтобы она смогла научиться презирать их.

Я бы желала научить весь мир любви к Богу, и думала, что только от них зависит возможность чувствовать то, что чувствовала я. Но Господь все–таки использовал мой образ мыслей для завоевания многих душ. Добрый отец, о котором я упоминала, и который стал инструментом моего обращения, познакомил меня с Женевьев Гранже, настоятельницей обители Бенедиктинцев и одной из великих служительниц Божьих своего времени. Она оказала мне большую помощь. Мой исповедник, который раньше рассказывал всем о моей святости, хоть на самом деле тогда я была исполнена терзаний и далека от состояния, в которое Господь по Своей милости поместил меня теперь, видя, что я полностью доверилась упомянутому мною отцу, ступив на путь ему неведомый, открыто выступил против меня.

Монахи его ордена очень меня преследовали. Они даже публично выступали против меня, как человека заблуждающегося. Мой муж и свекровь, которые до сих пор не обращали внимание на моего исповедника, теперь встали на его сторону и приказывали мне оставить молитву и набожность, чего я сделать не могла. Внутри меня происходило общение, которое абсолютно отличалось от общения во внешнем мире. Я делала все, чтобы подавить его проявления, но не могла. Присутствие такого Великого Господина проявлялось даже на моем лице. Это мучило моего мужа, о чем он говорил мне неоднократно. Я делала все, чтобы это

оставалось незамеченным, но я не могла полностью скрыть этого. Я настолько была занята внутри своего существа, что иногда даже не замечала, что я ела. Мне казалось, что я ем какое–то мясо, хоть я не взяла на самом деле ни кусочка. Такое глубокое внутреннее внимание едва позволяло мне видеть и слышать все то, что меня окружало. Я все еще продолжала использовать очень строгие способы умерщвления и аскетизма. Но они ни на грамм не удалили свежести моего лица.

Очень часто со мной случались приступы болезни, и тогда ничто в жизни не утешало меня за исключением молитвы и встреч с Матушкой Гранже. Как же дорого это мне доставалось, особенно последнее! Можно ли мне было считать это крестом? Не следовало бы лучше сказать, что молитва была мне вознаграждением за мой крест, а крест был наградой за молитву. Неразделимые дары соединились в моем сердце и в моей жизни! Когда Твой вечный свет возник в моей душе, каким совершенным образом он примирил меня с Тобой и сделал Тебя предметом моей любви! С того времени, как я приняла Тебя, я больше никогда не была свободна от креста, и как мне кажется, от молитвы — хоть на протяжении одного долгого временного периода мне думалось, что я ее лишилась, и это чрезвычайно увеличивало мои муки. Мой исповедник поначалу прилагал все усилия, чтобы препятствовать мне в молитве и встречах с Матушкой Гранже.

Он намеренно подстрекал моего мужа и свекровь, чтобы они удерживали меня от молитвы. Тот способ, который они использовали, заключался в наблюдении за мной с утра до ночи. Я не осмеливалась выйти из комнаты своей свекрови или же отойти от постели моего мужа. Иногда я шла со своим шитьем к окну, под предлогом, что там мне лучше видно, но на самом деле, чтобы дать себе минутный отдых. Они подходили, чтобы очень пристально на меня посмотреть, проверяя, не молюсь ли я вместо работы.

Когда мой муж и свекровь играли в карты, а я поворачивалась к камину, они следили, продолжаю ли я работу и не закрыла ли глаза. Если они замечали, что я закрыла глаза, они сразу же приходили в ярость, и так длилось несколько часов. Самым странным было то, что мой муж, чувствуя себя лучше и уходя куда–нибудь, не позволял мне молиться даже в его отсутствие. Он замечал, сколько шитья мне оставалось, и, выйдя, вдруг немедленно возвращался. Если он находил меня молящейся, то тут же впадал в ярость. Напрасно я говорила: «На самом деле, господин, какая Вам разница, чем я занята во время Вашего отсутствия, если я всегда прилежна во время Вашего присутствия?» Это не удовлетворяло его, ибо он настаивал, чтобы я не молилась ни в его отсутствии, нив его присутствии. Я думаю, что нет страдания равного этому. Ибо когда ты так жадно стремишься к уединению, не в твоей власти его получить. О мой Бог, война, которую они вели, чтобы удержать меня от любви к Тебе, лишь увеличила мою любовь. В то время как они старались предотвратить мое общение с Тобой, Ты поместил меня в невыразимый покой. Чем больше они трудились, чтобы разлучить меня с Тобой, тем ближе Ты привлекал меня к Себе. Пламя Твоей любви разжигалось и его горение поддерживалось именно тем, что они делали, чтобы погасить его. Часто из желания угодить я играла с моим мужем в пикет. В такие часы я бывала еще более привлечена внутренней жизнью, нежели когда мне случалось бывать в церкви. Я едва могла сдерживать тот огонь, который горел в моей душе, обладая всеми чертами страсти, называемой у людей любовью, но которая была лишена всякой

плотской пылкости. Чем жарче он был, тем больше в нем было мира. Этот огонь черпал силу во всем, что пыталось его подавить. Дух молитвы питался и возрастал от их ухищрений и попыток лишить меня возможности предаться ей.

Я любила, не задумываясь ни над мотивом, ни над поводом для любви. Ничего не происходило в моем разуме, но все было сосредоточенно в тайниках моей души. Я не думала ни о воздаянии, ни о дарах или милости, которую Он мог излить на меня, а я могла бы принять. Мой Возлюбленный был единственным предметом, который занимал мое сердце. Я не могла рассуждать о Его качествах. Я не знала ничего кроме любви и страдания. Невежество приобрело для меня больше истины, чем любая наука докторов, ибо оно в совершенстве преподало мне Иисуса Христа распятого и научило меня любить Его крестные муки. Тогда я готова была умереть, чтобы неразлучно находиться с Тем, Кто так сильно привлек мое сердце. Так как все это происходило в моей воле, которая поглотила все мое воображение и понимание, я не знала как к этому относиться, никогда не читав и не слышав о том состоянии, которое я переживала. Я очень боялась заблуждения и опасалась, что все это могло быть ненормально, ибо до сих пор я ничего не знала о том, как Бог действует в душах. Я читала только Духовную Битву Св. Франциска де Саля, Фому Кемпийского и Священное Писание. Я была совершенно незнакома с теми книгами, в которых описывались подобные состояния. Также все те развлечения и удовольствия, которые ценились и высоко почитались в мире, казались мне скучными и безвкусными. Я удивлялась, тому, что когда–то я могла ими наслаждаться. И действительно, с того времени я не могла уже обрести удовлетворения или радости вне Бога. Чтобы обрести его, мне пришлось бы лгать себе самой. Меня не удивляло, что мученики отдавали свою жизнь за Иисуса Христа. Я почитала их счастливыми, и вздыхала, завидуя их привилегии пострадать за Него. Я так мечтала о кресте, что моей наибольшей проблемой было желание страдания с такой силой, с какой жаждало его мое сердце. Это желание и уважение креста постоянно возрастало. После того что я утратила вкус к чувственным наслаждениям и удовольствиям, любовь и почитание Бога не оставляли меня, так же, как и мысли о кресте. На самом деле, с этих пор крест стал моим верным спутником, изменяясь и возрастая, в соответствии с изменениями и наклонностями моего внутреннего состояния. О благословенный крест, ты никогда не покидал меня, с того момента как я сдалась на милость моего божественного, распятого Учителя. Я надеюсь, что ты никогда не покинешь меня. Я так жаждала креста, что пыталась испытать наибольшую силу всякого умерщвления плоти. Это послужило возбуждению моего желания пострадать, показывая мне, что только Сам Бог волен приготовить и ниспослать испытания подходящие для души, жаждущей последовать Ему в страданиях, и уподобиться Ему в смерти. Чем более глубоким было мое молитвенное состояние, тем большим было мое желание пострадать, по мере того как на меня со всех сторон надвигалась тяжесть испытаний.

Особенная ценность молитвы сердца в том, что она наделяет его сильной верой. Моя вера была безгранична, равно как и мое смирение перед Богом, мое доверие к Нему, моя любовь к Его воле, и к действию Его провидения в моей жизни. Ранее я была чрезвычайно робкой, теперь же ничего не боялась. Именно в этом случае можно осознать силу слов: «Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф. 11:30).

Глава 13

С этого времени мне было дано тайное желание — быть полностью в распоряжении моего Бога, какой бы ни была Его воля. Я говорила: «Есть ли что–либо такое, чего Ты от меня потребуешь, и чего я бы не смогла охотно предложить Тебе? О, не щади же меня». Крест и унижения представлялись моему разуму в самых ярких красках, но это не страшило меня. Я предавала себя Богу с таким горячим желанием, что наш Господь, казалось, принимал мою жертву, ибо Его божественное провидение постоянно давало мне возможности и случаи испытать себя. Мне было трудно молиться вслух теми молитвами, которые я раньше всегда повторяла. Как только я открывала свои уста, чтобы произносить их, любовь Божья захлестывала меня с огромной силой. Я была поглощена состоянием глубокого молчания и невыразимого мира. Я снова пыталась, но все было напрасно. Я начинала вновь и вновь, но не могла продолжать. Я раньше никогда не слышала о таком состоянии, я не знала, что мне делать. Моя неспособность делать это еще более усугубилась, так как моя любовь к Господу стала еще сильней, интенсивней и непреодолимей. Внутрь меня была помещена постоянная молитва, которая совершалась без звука слов.

Она казалась мне молитвой Самого нашего Господа Иисуса Христа, молитва Слова, совершавшаяся Духом. Согласно словам Св. Павла, Он «ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим. 8:26–27).

Мои страдания дома продолжались. Мне запрещали не только видеться, но даже писать Госпоже Гранже. Даже само мое посещение богослужения или таинства было источником горестных оскорблений. Единственное развлечение, которое у меня оставалось, это посещение больных бедняков и совершение для них самых низших услуг. Мое молитвенное время стало приводить меня в крайнюю степень отчаяния. Я заставляла себя продолжать молиться, хоть лишена была всякого покоя и утешения. Когда я не была этим занята, то чувствовала страстное желание и стремление к молитве. Я переживала в своем разуме невыразимую горечь, пытаясь с помощью строжайших наказаний или телесной аскезы смягчить и превозмочь ее, но все было напрасным. Я более не находила в себе той оживляющей силы, которая до сих пор несла меня вперед с великой скоростью. Я казалась самой себе одной из тех молодых невест, которым тяжело отложить в сторону любовь к себе и последовать за своим мужем на войну. Я снова окунулась в самодовольство и любовь к самой себе. Моя склонность к гордости и тщеславию, которая мне казалось полностью умерщвленной, в то время, как я настолько была исполнена Божьей любовью, теперь снова проявлялась, причиняя мне большие испытания. Это побудило меня оплакивать свою внешнюю красоту и непрестанно молиться Богу, чтобы Он удалил от меня это препятствие и сделал меня уродливой. Я бы даже желала стать глухой, слепой и немой, дабы ничто не отвращало меня от любви к Богу. Я отправилась в путешествие, которое мы тогда должны были совершить, и я, казалось, более чем когда–либо была похожа на те лампы, которые излучают тусклый свет, когда они на грани угасания. Увы! Как много ловушек было на моем пути! Я встречала их на каждом шагу.

Из–за невнимательности я даже совершала поступки неверности. О мой Господь, с какой силой Ты наказывал их! Праздный взгляд защитывался мне как грех. Скольких слез мне стоили

эти беспечные промахи, из–за моей слабости и уступчивости даже против моей воли! Ты знал, что не Твоя суровость, которая вступала в силу после моих падений, была причиной пролитых мною слез. С каким удовольствием я бы перенесла самую суровую строгость, если бы она смогла исцелить меня от моей неверности. К какому бы жестокому наказанию я бы не приговорила себя! Иногда Ты поступал со мной как отец, который жалеет дитя, лаская его после неумышленно совершенных им проступков. *Часто Ты давал мне почувствовать Твою любовь ко мне, которая была несравнима с моей испорченностью! Именно сладость этой любви после моих падений причиняла мне наибольшие муки, ибо, чем более дружелюбие Твоей любви проявлялось ко мне, тем менее безутешной я была из–за того, что хотя бы на самую малость удалилась от Тебя.* Когда я допускала какую–нибудь небрежность, я видела, что Ты был готов принять меня. Тогда я часто взывала: «О мой Господь! Разве это возможно, чтобы Ты был столь милостивым к такому обидчику, и так снисходителен к моим проступкам, так благосклонен к той, которая отошла от Тебя из–за пустого желания угодить другим, исполненная привязанности к легкомысленным предметам? Но как только я возвращаюсь, я нахожу Тебя ожидающим, готовым принять меня с распростертыми объятиями».

О грешник, грешник! Разве у тебя есть хоть малейший повод жаловаться на Бога? И если в тебе остается хотя бы капля справедливого рассуждения, исповедуй истину и признай, что если ты поступаешь зло, то это исходит только от тебя. Удаляясь от Него, ты не повинуешься Его призыву. Когда же ты возвращаешься, Он готов принять тебя; и если ты не возвращаешься, Он употребляет самые привлекательные мотивы, чтобы завоевать тебя. Однако если ты предпочитаешь не слышать Его голоса, ты и не услышишь Его. Ты говоришь, что Он не обращается к тебе, хоть Он говорит во весь голос. Но все это только потому, что ты ежедневно бунтуешь, и каждый день становишься все более и более глухим к Его голосу.

Когда я была в Париже, священники казались пораженными, видя, что я так молода. Те из них, которым я открыла свое состояние, сказали мне, что я никогда не смогу отблагодарить Бога за все те милости, которые были мне дарованы. Если бы я до конца осознавала их суть, я была бы поражена. Если же я окажусь неверной, то буду самым неблагодарным из творений. Некоторые заявляли, что им никогда не было известно о женщине, которую бы Бог приблизил к Себе так близко, и которая бы обладала такой чистотой совести. Я думаю, что причиной была именно Твоя постоянная забота обо мне, о мой Бог, которая всегда давала мне ощущать Твое присутствие, так как Ты и обещал в Твоем Евангелии: «кто любит Меня, тот соблюдет Слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем у нему и обитель у него сотворим» (Иоанна 14:23). Именно постоянное переживание Твоего присутствия, вот что сохраняло меня. Я глубоко убедилась в том, что сказал пророк: «Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126:1). Ты, моя Любовь, был моим верным хранителем, который действительно защищал меня от всех возможных врагов, предотвращая малейшие мои проступки, или же исправляя их, когда мой живой характер допускал их.

Но, увы! Когда ты переставал наблюдать за мной, или оставлял меня наедине с собой, какой же слабой я была, и как легко мои враги одолевали меня! *Пусть другие приписывают свою победу своей собственной верности. Я же никогда не буду приписывать ее ничему кроме*

Твоей отцовской заботы обо мне. Я слишком часто испытывала, кем я могу быть без Тебя, чтобы осмелиться хотя бы в малом полагаться на свои силы.

Именно Тебе Одному я обязана всем, о мой Избавитель. Возможность быть Твоим должником наполняет меня бесконечной радостью. В Париже я отдыхала и делала многое из того, что мне не следовало делать. Я знала, какую великую привязанность многие питают ко мне, и принимала от них выражение этой привязанности, не препятствуя этому, как мне бы следовало. Я также допускала другие промахи, слишком нескромно открывая затылок, хоть и не так как это делали другие. Я ясно видела, насколько легкомысленно себя веду, и это было источником моего терзания. Я все пыталась найти Того, Кто тайно сжигал мое сердце. Но, увы! Мало кто знал о Нем хотя бы что–нибудь. Я взывала: «О, возлюбленный моей души, если бы Ты был рядом, меня бы не постигли все эти несчастья».

Когда я говорю, что так к Нему обращалась, это лишь для того, чтобы объяснить свое состояние. На самом деле, все это происходило почти в безмолвии, так как я не могла говорить. Мое сердце обладало способностью говорить, не произнося ни звука. Но эта речь понятна Ему, так как Он понимает язык Слова, которое говорит беспрестанно в тайниках души. О, священный язык! Только испытав, человек может понять его! Пусть никто не думает, что это пустой язык, который является лишь плодом воображения. Напротив — это бессловесное выражение Слова в душе. Поскольку Он никогда не перестает говорить, то Он никогда не прекращает и действовать. Если бы люди однажды смогли познать, как Господь действует в душах полностью покоренных Его водительству, это бы исполнило их благоговейным восхищением и трепетом. Я чувствовала, что чистота моей души была как бы запачкана слишком активным общением с творением, поэтому я спешила покончить с тем, что удерживало меня в Париже для того, чтобы возвратиться в провинцию.

«Это правда, о мой Господь, я чувствовала, что Ты наделил меня достаточной силой, чтобы избегать злых приключений. Когда до сих пор я уступала им, то находила, что не могу противостоять пустой услужливости и некоторым другим слабостям, в которые меня улавливали». Страдание, испытываемое мною после моих проступков, было невыразимым. Это не была мука, возникавшая из–за определенной идеи или понятия, из какого–либо повода или чувства. Это был своего рода пожирающий огонь, который не прекращался до тех пор, пока проступок не был поглощен, и пока душа не была полностью очищена. Это было омытие моей души посредством присутствия в ней ее Возлюбленного. Я же не имела доступа к Нему, равно как и не могла укрыться от Него. Я не знала что делать. Я была, как тот голубь из ковчега, который не мог найти покоя ни для своей души, ни для своих ног, будучи принужден постоянно возвращаться к ковчегу. Найдя окно закрытым, он мог только летать поблизости. В это же время по причине моей неверности, из–за которой я всегда заслуживала порицания, я пыталась найти удовлетворение во внешнем мире, но не могла. Это послужило тому, чтобы до меня дошла суть моего безумия, и вся суетность тех развлечений, которые принято было называть невинными. Когда меня уговаривали попробовать их, я чувствовала сильное отвращение, которое в сочетании с моими угрызениями совести, превращало данное развлечение в муку. «О мой Отец, — говорила я, — здесь нет Тебя; а ничто иное, кроме Тебя, не может принести настоящего наслаждения». Однажды по причине той же неверности, из желания сделать одолжение я пошла

на прогулку в общественный парк, скорее из тщеславного желания показать себя, нежели насладиться красивыми местами. О мой Господь! Как же сильно Ты дал мне почувствовать мой проступок! Но наказание не заключалось в том, что я была лишена возможности участвовать в развлечении, Ты совершил его, держа меня так близко к Себе, что я не могла уделять внимание ничему кроме мыслей о моем проступке и Твоем недовольстве мной.

После этого меня пригласили с некоторыми дамами на представление в Сен Клод. Из–за суетности и желания угодить им, я уступила и пошла. Представление было великолепным, и те, кто считались мудрыми в глазах этого мира, действительно могли вкусить его прелесть. Я же была исполнена горечью. Я ничего не могла есть, и была не в состоянии чем–либо насладиться. О, какие слезы! Ибо вот уже более трех месяцев, как мой Возлюбленный удалил от меня Свое благодатное присутствие, и я не могла видеть ничего кроме гневающегося Бога. По этой же причине и во время другого путешествия, которое я совершила вместе с моим мужем в Турин, я была подобна животным, предназначенным на заклание. В определенные дни люди восхищаются ими, принося им зелень и цветы, а затем устраивают торжество в городе, прежде чем заколоть их. Эта жалкая красота, накануне заката жизни, вдруг начинала сиять с новой силой, лишь только для того чтобы вскоре погаснуть. Вскоре после этого я заболела оспой.

Однажды, когда я шла в церковь, и за мной следовал наш лакей, я встретила нищего. Я хотела подать ему милостыню. Он в ответ на это поблагодарил меня, но отказался взять ее и затем заговорил в чудесной манере о Боге и о божественных вещах. Он показал мне все, что было в моем сердце: мою любовь к Богу, мое милосердие, а также мое слишком большое восхищение собственной красотой и все мои проступки. Он сказал мне, что всего этого недостаточно, чтобы избежать ада, но что Господь требует от меня максимальной чистоты и высочайшего совершенства. В моем сердце я согласилась с его наставлениями. Я слушала его в молчании и благоговении, и его слова проникли в самую глубину моей души. Когда я пришла в церковь, то потеряла сознание. Больше я никогда не встречала этого человека.

Глава 14

Мой муж, наслаждаясь некоторым перерывом в своем постоянном недуге, намеревался поехать в Орлеан, а затем в Турин. В этом путешествии мое тщеславие вспыхнуло в последний раз. Я была в изобилии окружена людьми и похвалой. Но как ясно я видела безумие мужчин, которые восхищались пустой красотой! Мне не нравилось их расположение, но нравилось то, что было его причиной, хоть я иногда страстно желала лишиться своей красоты. Постоянный бой между плотью и благодатью приносил мне немалые страдания. Плоти нравилось принимать похвалу общества, благодать же побуждала меня бояться ее. Их восхищение моей добродетелью, которая сочеталась с молодостью и красотой, увеличивало мои искушения. Они не знали, что вся добродетель заключена только в Боге, в Его благоволении, а вся слабость во мне самой. Я находилась в поисках исповедников, которым бы я могла поведать о моих падениях и оплакать мое отпадение от Бога. Но они были крайне нечувствительны к моей боли. Они ценили то, что осуждалось Богом. Они почитали за добродетель то, что казалось мне омерзительным в Его глазах. Будучи слишком далекими от того, чтобы сравнивать мои проступки с Его благодатью, они только смотрели на то, какой я была в сравнении с тем, какой бы я могла быть. Итак, вместо того, чтобы винить меня, они только льстили моей гордыне. Они оправдывали то, что подлежало Его осуждению, или же считали мелким недостатком во мне, то, что крайне не удовлетворяло Того, от которого я всегда раньше получала эти предупреждающие милости. Об отвратительности грехов не следует судить только по их сущности, но также по положению человека, который их совершает. Малейшая неверность в поведении супруги приносит более вреда ее мужу, нежели кому–либо из других членов его семьи. Я рассказывала им обо всех страданиях, постигших меня из–за того, что я не прикрывала затылок. Но он был скрыт более чем у других женщин моего возраста. Они убеждали меня, что я была одета очень скромно. Если моему мужу нравился мой наряд, тогда в нем не было ничего плохого. Но мой внутренний Руководитель учил меня совершенно противоположным вещам. У меня не доставало мужества следовать за Ним, одеваясь так, чтобы полностью отличаться от других людей моего возраста. Мое тщеславие обеспечивало меня отговорками в том, чтобы следовать за модой. Если бы пастора знали, какой вред они причиняют, потакая женскому тщеславию, они бы были более строги к нему! Если бы тогда мне удалось встретить хотя бы одного человека, достаточно честного, чтобы открыто меня обличить, я бы перестала вести себя подобным образом. Но мое тщеславие, соединяясь с заявлениями других людей, побуждало меня думать, что они правы, и что мои собственные угрызения совести — всего лишь фантазия.

В этом путешествии случились события, которые могли ужаснуть каждого. Несмотря на то, что моя испорченная природа, как я уже упоминала, одолевала меня до сих пор, мое упорство по отношению к Богу было таким сильным, что я не испытывала страха даже там, где избежать его было невозможно. Однажды мы проезжали по узкой тропинке. Мы не заметили, пока не заехали слишком далеко, чтобы можно было повернуть назад, что дорога была подмыта рекой Луарой, протекающей под землей. Ее берега провалились внутрь, так что в некоторых местах лакеи были вынуждены поддерживать карету с одной стороны. Все вокруг меня были страшно

напуганы, но Бог сохранял меня в абсолютном покое. Я втайне радовалась при мысли о возможной легкой смерти в результате единственного удара Его провидения.

По возвращении я пошла повидаться с Мадам Гранже, с которой поддерживала связь, чтобы рассказать, как прошло время за границей. Она ободрила и укрепила меня в том, чтобы я следовала по первоначальному пути. Она посоветовала мне покрывать затылок, что я и делала с тех пор, несмотря на необычность такого вида. Господь, который так долго откладывал мои наказания, заслуженные целым рядом моих неверных поступков, теперь стал наказывать меня за злоупотребление Его благодатью. Иногда я желала закончить свою жизнь в монастыре, считая это законным концом. Но все же я находила себя слишком слабой, и видела, что мои проступки всегда были одного рода. Я жаждала скорее укрыться в какой–нибудь келий или же быть заключенной в мрачную тюрьму, нежели наслаждаться свободой, от которой я так много страдала. Божественная любовь привлекала меня внутрь, а тщеславие тянуло меня наружу. Так мое сердце разрывалось пополам в этой постоянной борьбе, ибо я до конца не предавалась ни одному, ни другому. Я умоляла моего Бога лишить меня силы ослушиваться Его, и взывала: «Разве ты не достаточно могуществен, чтобы искоренить это несправедливое двуличие из моего сердца?» Ибо мое тщеславие проявляло себя всякий раз, когда представлялся случай.

Однако я быстро возвращалась к Богу. Он же, вместо того, чтобы отвергать или бранить меня, часто принимал меня с распростертыми объятиями, давая мне новые свидетельства Своей любви. Они наполняли меня мучительными размышлениями о моем оскорбительном поведении. Несмотря на преобладание этого злого тщеславия, моя любовь к Богу приобрела такое качество, что после моих блужданий, я бы скорее предпочла наказание Его жезла, нежели Его ласки и нежность. Его интересы были более дороги мне, чем мои собственные, и я желала, чтобы Он поступал со мной по справедливости. Мое сердце было исполнено любви и печали. Мне причиняло страдание то, что я так быстро способна была оскорбить Того, Кто так щедро изливал на меня свою благодать. Те, кто не знают Бога и при это оскорбляют Его, не вызывают удивления. Но сердце, любящее Его более чем самое себя, сердце, испытавшее Его любовь во всей полноте, способное еще подвергаться искушениям того, что ему ненавистно, представляет собой вид жестокого мученичества. Когда я сильнее всего ощущала Твое присутствие и Твою любовь, о Господь, я говорила о том, как чудесно Ты одаряешь Своими милостями такое нечестивое творение, способное воздавать Тебе только неблагодарностью. Ибо если человек изучит эту жизнь внимательно, то он увидит со стороны Бога только благость, милость и любовь, с моей же стороны ничего кроме слабости, греха и неверности. Мне нечем хвалиться в самой себе, как только немощами и моей недостойностью, поскольку в это вечное супружество: в этот союз, который Ты заключил со мной, я не привнесла ничего кроме слабости, греха и нищеты. Как я радуюсь, что я всем обязана Тебе, ибо Ты благоволишь к моему сердцу, осыпая сокровищами и неисчерпаемыми богатствами Твоей любви и благодати! Ты поступил со мной так, как если бы величественный король решил жениться на бедной рабыне, забыв о ее рабском происхождении. Он дал ей все украшения, способные сделать ее приятной для его глаз, и безвозмездно простил ей все проступки и дурные качества, которыми наградили ее невежество и плохое образование. Так Ты поступил и со мной. Моя нищета стала моим богатством, и в своей крайней слабости я обрела свою силу.

Если бы кто–нибудь знал, какое смущение испытывает душа, переживая снисходительную благосклонность Бога после совершенных ею проступков!

Такая душа желала бы всем своим существом удовлетворить божественную справедливость. Я слагала стихи и небольшие песни, чтобы оплакать свою участь. Я практиковала строгости, но они не удовлетворяли желания моего сердца. Они были как те капли воды, которые только делают огонь жарче. Когда я представляла Бога и себя рядом, я была вынуждена восклицать: «О, как восхитительно отношение Любви к такой неблагодарной несчастной как я! О, ужасная неблагодарность к такой несравнимой ни с чем благости». Большая часть моей жизни — это смешение всего достаточного, чтобы отправить меня в могилу, помещенную между любовью и горем.

Глава 15

По моему возвращению домой я нашла своего мужа страдающим от подагры, и меня ожидали все его капризы. Мою маленькую дочь я нашла больной, почти присмерти от оспы. Мой старший сын также заразился ею в весьма острой форме. Это обезобразило его лицо настолько же, насколько прежде он был красив. Как только я осознала, что оспа свирепствует в доме, у меня уже не было сомнения в том, что я также могу заразиться ею. Госпожа Гранже посоветовала мне уехать, если это возможно. Мой отец предложил мне побыть у них дома, с моим вторым сыном, которого я нежно любила. Но свекровь не перенесла бы этого. Она убедила моего мужа, что этого не нужно делать, и послала за врачом, который сказал, вторя ей, что «Вы с той же вероятностью можете заболеть оспой как здесь, так и в другом месте, если будете иметь предрасположенность заразиться ею». Можно сказать, что тогда свекровь оказалась второй Жефтой, принеся нас обеих в жертву, хоть это и было сделано неумышленно. Если бы знать, что будет дальше, я нисколько не сомневаюсь, она бы поступила по–другому. Весь город был взволнован этим делом. Все умоляли ее переселить меня из этого дома, и все восклицали, что с ее стороны было совершенно жестоко подвергать меня такой опасности. Они также убеждали и меня, думая, что я сама не желаю покинуть дом. Я никому не рассказывала о том, насколько она была против этого. В то время единственным моим желанием было принести себя в жертву божественному Провидению.

Хоть мне и нужно было переехать, несмотря на сопротивление моей свекрови, однако я не желала этого делать без ее на то согласия; потому что мне казалось, что ее сопротивление вызвано повелением Небес. Я продолжала вести себя в том же духе жертвенности Богу, ожидая с минуты на минуту в состоянии абсолютного смирения, всего, что Ему будет угодно мне предназначить. Я не в состоянии выразить, как страдала моя плоть. Я была, как тот человек, который видит с одной стороны свою верную смерть, а с другой стороны легкое средство излечения, не имея возможности ни избежать первого, ни попробовать второе. За своего младшего сына я опасалась не меньше, чем за себя. Но моя свекровь так сильно тряслась над старшим, что ей не было дела до всех остальных.

И все же я убеждена, что если бы она знала, что младший умрет от оспы, она бы вела себя иначе. Бог использует творения и их естественные наклонности, чтобы привести в исполнение Свои планы. Когда я наблюдаю в жизни творений то поведение, которое выглядит нелогичным и унижающим, я подымаюсь выше, стараюсь посмотреть на них как на орудия милости и справедливости Бога. Его справедливость исполнена милости. Я рассказала своему мужу, что у меня болит желудок, и что, скорее всего я заболеваю оспой. Он сказал, что это всего лишь мне кажется. Тогда я сообщила Мадам Гранже о своей ситуации. Так как у нее было очень чуткое сердце, она посочувствовала тому обращению, которое я терпела и ободрила меня в том, чтобы я полностью предала себя Господу.

Со временем плоть, не найдя средств поддержки, согласилась с той жертвой, которую уже принес мой дух. Хаос вскоре уступил место порядку. Я была охвачена лихорадкой и страдала от головной боли и приступов боли в желудке. Но они все еще не верили, что я заболела. Через несколько часов положение так изменилось, что они начали опасаться за мою жизнь. Также у

меня началось воспаление в легких, и лекарства от одного недуга совершенно не подходили для лечения другого. Любимого врача моей свекрови в то время не было в городе, но также не было и местного хирурга. Другой хирург сказал, что мне нужно пустить кровь, но моя свекровь и слышать об этом не хотела. Так что я находилась на грани смерти из–за невозможности получить необходимую помощь. Мой муж, не имея возможности видеть меня, оставил меня полностью на попечение свое матери. Она же не позволяла ни одному врачу, кроме своего собственного, давать мне предписания, и при этом не посылала за ним, хотя съездить за ним не заняло бы больше дня пути. Находясь на таком пределе, я не открывала своих уст. Я ожидала только жизни или смерти из руки Божьей, не выказывая ни малейшего замешательства по этому поводу. Тот мир, в котором Бог хранил меня по своей милости, и которым я с совершенным смирением наслаждалась внутри себя, был так велик, что побуждал меня забывать о самой себе посреди всего этого давящего хаоса.

Действительно, защита Господа была чудесной. Как часто я была доведена до предела, однако Он никогда не опаздывал, когда положение становилось отчаянным. Ему было угодно повелеть, чтобы самый умелый хирург, навещавший меня ранее, зашел справиться обо мне, проходя мимо нашего дома. Ему сказали, что я очень больна. Он немедленно поднялся и зашел ко мне. Не было человека более удивленного, когда он увидел мое состояние. Оспа, не имея возможности выйти наружу, со всей силой была сосредоточена на моем носу, так что он почернел. Он подумал, что это гангрена и что нос скоро может отмереть. Мои глаза были как два уголька, но в них не было и капли тревоги. В то время я могла пожертвовать абсолютно всем, и мне было приятно осознавать, что Бог может отплатить этому лицу, которое предало меня в стольких случаях моей неверности.

Врач был так испуган, что, пойдя в комнату моей свекрови, сказал ей, что ей должно быть стыдно за то, что она допускает мне умереть из–за невозможности пустить кровь. Она все еще очень сильно этому противилась, и вскоре сказала ему прямо, что не разрешит этого сделать, пока не приедет ее врач. Он же пришел в состояние такой ярости, увидев меня оставленной без помощи врача, что выругал мою свекровь самым суровым образом. Но все было напрасно. Он подошел ко мне снова и сказал: «Если вы решитесь, то я пущу вам кровь и спасу вам жизнь». Я протянула ему свою руку, и хоть она была очень опухшей, он смог в одно мгновение пустить мне кровь. Моя свекровь была в бешеной ярости. Оспа очень скоро вышла наружу. Доктор велел, чтобы мне пустили кровь и вечером, но свекровь бы этого не перенесла. Боясь быть неугодной своей свекрови и отдавая себя полностью в руки Божьи, я не задержала врача более. Я в особенности хочу показать, сколь великим благом является покорность человека перед Богом безо всякого ограничения. Хоть и создается видимость, будто Он оставляет нас на время, чтобы испытать и проверить нашу веру, все же Он никогда не бросает нас, особенно когда мы нуждаемся в Нем более всего. Можно согласиться с Писанием, что «Бог умерщвляет и воскрешает».

Чернота и опухоль моего носа прошла и я думаю, что если бы мне продолжали делать кровопускания, я бы чувствовала большое облегчение. Но из–за отсутствия этих процедур мне снова стало хуже. Болезнь перешла на глаза, и воспаление привело к таким жестоким болям, что я опасалась потерять оба глаза. Эти мучения продолжались три недели, в течение которых я

очень мало спала. Я не могла ни закрывать глаза, так как они были наполнены оспой, ни открывать их из–за боли. Мое горло, небо и десна также были заполнены оспинами, так что я была не в состоянии глотать даже бульон, или принимать другую пищу без чрезвычайных страданий. Все мое тело было похоже на тело прокаженного. Все, кто видели меня, говорили, что им никогда не доводилось наблюдать столь шокирующего зрелища. Но что касается моей души, она была в состоянии невыразимого довольства. Надежда на освобождение души с потерей этой красоты, которая так часто приводила меня к рабству, делала меня столь удовлетворенной и так тесно соединяла с Богом, что я бы не поменялась своим положением ни с одним принцем во всем мире. Все думали, что я буду безутешна. Несколько человек выразили свое сочувствие по поводу моего печального положения, каковым они его считали. Я же лежала спокойно, тайком наслаждаясь неизъяснимой радостью, полностью лишенная того, что зачастую становилось сетью для моей гордыни и ловушкой для мужских страстей. В глубокой тишине я благословляла Бога. Никто не слышал от меня каких–либо жалоб по поводу приступов боли или из–за потерь, которые я переживала. Единственное, что я говорила, так это то, что я радуюсь и крайне благодарна за ту внутреннюю свободу, которую я таким образом обрела. Тогда они воспринимали это как великое преступление. Мой исповедник, который раньше был так недоволен мною, пришел навестить меня и спросил, не сожалею ли я о том, что у меня оспа. Услышав мой ответ, он упрекнул меня в гордыне. Мой самый младший сын заболел в тот же день что и я. Он умер из–за недостатка лечения. Этот удар действительно поразил меня в самое сердце, но, все же, черпая силы из своих немощей, я отдала его, сказав Богу так же, как Иов: «Ты дал его мне, и Ты же забираешь его от меня, да благословенно будет Твое Святое Имя». Дух жертвенности охватил меня столь сильно, что, несмотря на нежную любовь к своему ребенку, я не пролила и слезинки, услышав о его смерти.

В день его похорон доктор послал ко мне сказать, что он не положил надгробный камень на его могилу, потому, что моя маленькая дочка не переживет его и на два дня. Мой старший сын также еще был в опасности, так что я уже видела себя лишенной всех своих детей в одночасье, моего мужа настроенным против меня, а саму себя в таком крайнем положении. Господь не забрал тогда мою маленькую девочку. Он продлил ее жизнь на несколько лет. Наконец прибыл доктор моей свекрови. Но теперь он очень мало мог мне помочь. Когда он увидел это странное воспаление на моих глазах, он несколько раз пустил мне кровь, но было уже слишком поздно. И те кровопускания, которые были так необходимы вначале, не принесли мне теперь ничего кроме ослабления. В нынешнем моем состоянии они могли мне пускать кровь лишь с большими затруднениями. Мои руки были настолько опухшими, что хирургу приходилось вонзать иглу очень глубоко. Более того, это несвоевременное кровопускание с большой вероятностью могло бы привести к моей смерти. Я исповедую, что это, конечно, было бы для меня очень приятным поворотом. Я взирала на смерть, как на величайшее для меня благословение. Однако я видела, что мне не на что надеяться в этом случае. Вместо встречи с таким желанным событием, я должна приготовиться переносить дальше жизненные испытания. После того как моему старшему сыну стало лучше, он встал и пришел в мою комнату. Я была удивлена той чрезвычайной переменой, которую я в нем увидела. Его лицо, еще недавно такое умное и

прекрасное, стало похожим на необработанный участок земли, все испещренное яминами. Это вызвало у меня любопытство увидеть себя.

Я ощутила шок, ибо поняла, что Бог повелел принести жертву во всей ее ужасающей реальности. Некоторые вещи вышли из–под контроля по причине противоречивого характера моей свекрови, что привело к жестоким испытаниям в моей жизни. Они–то и нанесли решающий удар по лицу моего сына. Однако мое сердце было сильным в Боге, укрепляясь с каждым днем многочисленностью и интенсивностью моих страданий. Меня, как жертву, постоянно клали на алтарь перед Тем, который прежде из любви принес в жертву Самого Себя. «Что же я отдам Господу за все Его благодеяния ко мне? Чашу спасения приму, и буду взывать к имени Господа». Эти слова, я честно могу сказать, о мой Бог, стали усладой моего сердца, и производили на меня свое действие в течение всей моей жизни, ибо я постоянно была осыпаема как Твоими благословениями, так и испытаниями. Кроме принятия страданий за Тебя, меня более всего привлекало желание подчинить себя без всякого внешнего и внутреннего сопротивления всем Твоим божественным распоряжениям. Те дары, которыми я была осыпана в начале, продолжали окружать меня, и их число всегда возрастало до нынешнего времени. Таким образом, Ты руководил моими постоянными испытаниями, ведя меня непроходимыми путями, которые вели только к Тебе одному. Мне передали мази, чтобы излечить мое лицо и заполнить впадины от оспы. Я видела, какое прекрасное действие эти мази оказывали на других, и поначалу решила испробовать их на себе. Но, ревнуя по действиям Божьим, я все же не сделала этого. Голос моего сердца говорил мне: «Если бы Я хотел, чтобы ты была красивой, Я бы оставил тебя прежней». Таким образом, я должна была отложить в сторону всякое лекарство и выйти на воздух, который еще более усугубил эти впадины на лице. Я выставляла себя напоказ на улице, когда краснота от оспы была более всего видна, для того, чтобы мое смирение торжествовало там, где раньше я превозносилась в гордыне. Мой муж оставался в постели почти все это время, извлекая большую пользу из своего недомогания. Но теперь, когда он потерял то, что раньше доставляло ему такое наслаждение в созерцании меня, он стал относиться более подозрительно ко всем, кто говорил ему что–либо против меня. Вследствие этого, люди, говорившие ему ранее обо мне что–то негативное, чувствуя теперь, что их слушают с большим вниманием, говорили со смелостью и намного чаще. Только Ты, о мой Бог, не изменился по отношению ко мне. Ты даже удвоил мою внутреннюю благодать, по мере того как увеличились мои внешние испытания.

Глава 16

Моя служанка с каждым днем становилась все более высокомерной. Видя, что ее брань и выкрики не причиняли мне страданий, она подумала, что если ей удастся препятствовать мне посещать вечерю Господню, то она тем самым доставит мне наибольшее огорчение. Она не ошиблась, о Божественный Супруг чистых душ, поскольку наибольшим удовольствием моей жизни было принимать и почитать Тебя. Я отдала все лучшее, что имела, чтобы снабжать церкви украшениями, и прилагала максимум усилий, чтобы у церкви были серебряные блюда и чаши.

«О моя Любовь, — восклицала я, — позволь мне быть Твоей жертвой! Не щади ничего для моего уничтожения». Я чувствовала невыразимое стремление к тому, чтобы еще более умалиться и стать, как я и есть, прахом. Эта девушка узнала о моем волнующем отношении к святому таинству, во время которого я проводила несколько часов стоя на коленях, если мне было позволено. Она приняла решение каждый день не спускать с меня глаз. И всякий раз, узнав, что я собираюсь уединиться, она бежала сообщить об этом моим свекрови и мужу. Им же немного надо было для того, чтобы прийти в негодование. Таким образом, их ругательства не прекращались весь день. Если с моих уст срывалось слово в свое оправдание, этого было достаточно, чтобы они начинали обвинять меня в святотатстве, выражая возмущение моим служением в церкви. Если же я вовсе им не отвечала, они все равно распалялись в своем негодовании, говоря мне самые жестокие вещи, которые только можно изобрести. Если я заболевала, что случалось со мной часто, они находили повод, чтобы прийти и поскандалить со мной, даже если я была в постели. Они говорили, что именно мое участие в хлебопреломлении и молитвах причиняет мне болезнь. Они так говорили, как будто ничто иное не могло быть причиной моего недомогания, но только мое поклонение Тебе, о мой Возлюбленный!

Служанка сказала мне однажды, что собиралась написать моему наставнику и просить его запретить мне посещать хлебопреломление. Когда я ничего на это не ответила, она начала кричать так громко, как только могла, что я дурно с ней обращаюсь, и что я ее презираю. Когда я уходила на молитву (позаботившись прежде о порядке во всем доме), она бежала сказать моему мужу, что я собираюсь уйти, и что я все бросила в беспорядочном состоянии. Когда я возвращалась домой, его ярость обрушивалась на меня во всем ее неистовстве. Они не прислушивались ни к одному из моих оправданий, но говорили: «Все это — нагромождение лжи». Моя свекровь убедила моего мужа, что я являюсь причиной всех неприятностей. Если бы она не заботилась обо всем, то он бы уже давно разорился. Он поверил этому, а я все переносила терпеливо, стараясь исполнять свои обязанности настолько хорошо, насколько была способна. Незнание как поступать причиняло мне самые сильные мучения, ибо, если я заказывала что–либо, минуя служанку, она жаловалась, что я не оказываю ей уважения, что я делаю все своим собственным умом, и что все у меня получается хуже некуда. Затем она делала все противоположное тому, о чем я просила. Если же я спрашивала у нее совета, чтобы узнать что или как она хотела сделать, она говорила, что я принуждаю ее заботиться и беспокоиться обо всем на свете.

Единственный покой, который я имела, это был покой, который я находила в любви к Твоей воле, о мой Бог, и в подчинении Твоим повелениям, какими бы суровыми они не были. Домашние же непрестанно следили за моими словами и поступками, чтобы найти обвинение против меня. Они попрекали меня весь день напролет, постоянно повторяя и твердя снова и снова одно и то же, даже в присутствии слуг. Как часто я ела, глотая слезы, которые воспринимались как самое большое в мире преступление! Они говорили, что я проклята, как если бы слезы для меня предвещали приближение ада, хоть на самом деле они скорее могли угасить его пламя. Если я рассказывала что–нибудь, о чем мне довелось услышать, они считали, что именно я ответственна за достоверность услышанного. Если же я хранила молчание, то они обвиняли меня в презрении к ним и испорченности. Ибо если мне что–то известно и я не рассказываю, то это преступление, а если бы я рассказала о чем–то, то они бы заявили, что я все придумала сама. Иногда им успешно удавалось мучить меня несколько дней подряд, не давая мне никакого отдыха. Девушки говорили: «Тебе надо притвориться больной, чтобы получить хоть небольшую передышку». Я не отвечала. Любовь Божия овладела мною так сильно, что не позволяла мне отомстить хотя бы посредством единственного слова или даже взгляда. Иногда я говорила себе: «О, если бы я имела хотя бы одного человека, который обратил бы на меня внимание, и которому я могла бы излить душу, — каким бы это было для меня облегчением!» Но даже эта возможность не была мне дарована. Однако если мне случалось освободиться на несколько дней от внешних страданий, это было для меня самым ощутимым разочарованием. На самом деле это было даже наказание, перенести которое оказывалось труднее, чем самые жестокие гонения. Тогда мне открывался смысл слов Святой Терезы: «Позвольте мне страдать или умереть». Ибо это отсутствие креста было для меня таким удручающим, что я томилась в ожидании его возвращения. Но как скоро это ожидание было вознаграждаемо, и благословенный крест возвращался, каким же страшным он был, оказываясь столь тяжким и обременительным, что нести его было почти невыносимо. Несмотря на то, что я нежно любила моего отца, он, вопреки своему обычаю, очень строго укорял меня в том, «что я терплю от них подобное обращение, не говоря ни слова в собственную защиту». Я отвечала: «Если бы вы знали, что говорил мне мой муж, приведя меня в немалое замешательство, притом, что я, отвечая на его слова, не навлекала на себя его гнева. Если вам не стало известно об этом, то и я не должна способствовать обнародованию всего, как не должна выставлять напоказ слабость своего мужа. Таким образом, мое молчание прекращает все ссоры, в то время как я бы могла стать причиной их разжигания и продолжения, отвечай я на все мне сказанное».

Мой отец отвечал, что я поступала хорошо, и что мне следует продолжать вести себя, так как мне велит Бог. После этого он никогда больше не говорил со мной об этом. Но они постоянно высказывались против моего отца, против моих родственников и всех тех, кого я более всего ценила. Я принимала все это еще острее, чем, если бы это говорилось против меня самой. Я не могла сдержаться, чтобы не защитить их, и это было ошибкой с моей стороны. Все сказанное мной служило только к их большему раздражению. Если кому–либо случалось пожаловаться на моего отца или на кого–то из родственников, то их всегда считали правыми. Если же кто–то, кто раньше не пользовался их расположением, высказывался против отца, то теперь он становился оправданным. Если кто–то проявлял ко мне дружеские чувства, таких

людей не приветствовали. Одной родственнице, навещающей меня, которую я очень любила за ее набожность, они открыто намекали убираться прочь. Они обращались с ней так, что вынудили ее уйти. Это причиняло мне немалые терзания. Когда приходил какой–нибудь значительный человек, они старались осудить меня, даже при людях незнакомых со мной, которых это нимало удивляло. Но когда они видели меня, им становилось меня жаль.

Для меня было неважно, что именно было сказано против меня, любовь не позволяла мне искать себе оправдания. Я не рассказывала своему мужу, как свекровь или девушка–служанка поступали со мной, за исключением первого года, когда сила Божия, побуждающая к страданию, еще недостаточно коснулась меня. Моя свекровь и мой муж часто ссорились. Тогда я была в выигрышном положении, так как они жаловались мне друг на друга. Но я никогда не рассказывала кому–то из них, что сказал о нем другой. И хоть это могло бы послужить к моей пользе, дабы, рассуждая с человеческой точки зрения, обрести преимущество, я никогда не пользовалась этим, чтобы пожаловаться. Даже наоборот, я не успокаивалась, пока мне не удавалось их помирить. Я старалась говорить много положительных вещей одному о другом, что снова делало их друзьями. Я знала из опыта, что их примирение дорого мне обойдется. Стоило лишь им примириться, как они вскоре объединялись против меня.

Я же была настолько вовлечена в свою внутреннюю жизнь, что часто забывала о том, что происходит вокруг меня, даже если это было важным.

Мой муж был вспыльчивым человеком, и недостаток внимания часто раздражал его. Я прогуливалась посаду, ничего не замечая вокруг. Когда мой муж, который не мог туда ходить, расспрашивал меня о саде, я не знала что сказать, и это ею непременно злило. Я ходила туда с тем, чтобы все рассмотреть и затем рассказать ему и все же, находясь там, даже и не думала смотреть на то, что окружало меня. Я ходила туда по десять раз в день, чтобы посмотреть и рассказать ему, и, однако, забывала об этом. Но когда я не забывала рассмотреть, я была очень довольна этим. Однако случалось так, что тогда меня не спрашивали ни о чем. Все мои испытания казались бы мне очень незначительными, если бы я имела свободу молиться, бывать в уединении, чтобы отвечать на ту ощущаемую мною внутреннюю привязанность. Но я вынуждена была продолжать быть рядом с ними, проявляя непостижимое послушание. Мой муж смотрел на свои часы, если мне все–таки позволяли помолиться, чтобы проследить, не молюсь ли я более получаса. Если я превышала лимит времени, он начинал очень беспокоиться. Иногда я говорила: «Дай мне один час, чтобы развлечься и распорядиться собой по своему усмотрению». И хотя он отпускал меня для других развлечений, однако, не отпускал для молитвы. Я должна исповедаться, что такая неопытность приводила меня ко многим проблемам. Это часто служило основанием, чтобы терпеть то, к чему они меня принуждали. Ибо разве не следовало бы мне смотреть на свое невольное пленение, как на результат воли Божией, чтобы примириться с Ним и считать Его единственным предметом моих желаний и молитв? Но я часто снова впадала в беспокойство, желая выделить время для молитвы, чего не одобрял мой муж. Эти ошибки были частыми особенно вначале. Со временем я уже молилась Богу по Его собственному сигналу, в храме своего сердца, и уже больше не выходила в общество.

Глава 17

Как–то раз мы поехали в провинцию, где я совершила много проступков. Мне казалось, что я могла это делать, так как мой муж был занят строительством. Если мы не оставались с ним вместе, то он был очень недоволен. Это иногда происходило, так как он постоянно был занят, беседуя с работниками. Я сидела в углу, и со мной было мое рукоделие. Но я едва могла что–либо делать по причине силы того внутреннего притяжения, которое заставляло любую работу валиться из моих рук. Таким образом, я проводила целые часы, не имея сил даже открыть глаза или узнать, что происходит вокруг. У меня не возникало никаких других желаний, и не было страха. Везде я обретала свое абсолютное средоточие, так как везде я обретала Бога. Мое сердце не желало ничего, кроме того, чем оно уже обладало. Это обстоятельство угашало все его желания, и иногда я говорила самой себе: «Чего тебе хочется? Чего ты боишься?» *В минуты испытания я удивлялась, обнаружив, что не было ничего, чего бы я боялась. На всяком месте я была у себя дома.* Поскольку я обычно не имела времени на молитву без затруднений, то для меня не было испытанием вставать раньше семи часов. Я тайно поднималась в четыре часа утра и склоняла колени у своей постели. Не желая обидеть моего мужа, я старалась быть пунктуальной и прилежной во всем. Но все это вскоре сказалось на моем здоровье и повредило моим глазам, которые все еще были слабы. Ведь прошло всего восемь месяцев после моего заболевания оспой.

Эта потеря покоя принесла мне тяжкое испытание. Даже мой кратковременный сон был нарушен из страха, что я не смогу проснуться вовремя. В то же время я невольно впадала в сон даже во время своих молитв. В те полчаса, которые у меня были после обеда, несмотря на то, что я чувствовала себя достаточно бодрой, меня внезапно охватывала сонливость. Я пыталась справиться с этим с помощью самых суровых телесных упражнений, но тщетно. Так как мы еще не построили свою часовню и жили далеко от какой–либо церкви, я не могла ходить на моление или на причастие без позволения моего мужа. Он очень неохотно разрешал мне это, за исключением воскресений и праздников. Я не могла выезжать в карете, и поэтому была вынуждена прибегать к разным уловкам. Я старалась попасть ранним утром на службу, на которую я, хоть и будучи очень слабой, ходила пешком. Она проходила в четверти лье от нас. Бог действительно совершал для меня чудеса. Обычно по утрам, когда я ходила на моления, мой муж просыпался только ко времени моего возвращения. И часто, когда я выходила, погода была такая дождливая, что девушка, которую я брала с собой, говорила, что мне не следует идти, так как если я пойду, то промокну до нитки. Я отвечала ей со своей обычной уверенностью: «Бог нам поможет». И обыкновенно, я приходила в церковь, не намокнув. И это несмотря на то, что шел сильный дождь. Когда я возвращалась, он прекращался. Когда же я добиралась домой, он начинал идти с новой силой. В течение нескольких лет, поступая подобным образом, я ни разу не была обманута в своей вере.

Когда я находилась в городе, и никого не могла найти, я была удивлена, что ко мне подходили священники и спрашивали, не желаю ли я принять причастие, и что если я желаю, то они с радостью мне его предложат. У меня и в мыслях не было отказываться от такой возможности, ибо Ты Сам предлагал ее мне. Я не сомневалась, что именно Ты вдохновлял их

предлагать мне причастие. До того как я изловчилась посещать богослужение в церкви, о которой я уже упоминала, я часто внезапно пробуждалась с сильным побуждением идти на молитву. Моя служанка говорила мне: «Но мадам, вы же только утомите себя понапрасну. Службы не будет». Ибо служба там еще совершалась нерегулярно. Я же шла, исполненная веры, и, придя, находила их готовыми начинать службу. *Если бы я была в состоянии точно подсчитать все те проявления промысла Божьего, которые совершались для моего блага, то их было бы достаточно, чтобы написать целые тома книг.* Если же я хотела получить весточку или написать Матушке Гранже, я часто ощущала сильное побуждение подойти к двери, и там я внезапно встречала посланника с письмом от нее. Это всего лишь небольшой пример из подобною рода постоянных проявлений Провидения. Матушка была единственным человеком, которому я могла свободно раскрыть свое сердце. Повидаться с ней мне удавалось, преодолевая величайшие сложности. Это было возможно только с Божьей помощью, так как запрещалось как моим исповедником, так и мужем. Я совершенно доверяла Матушке Гранже. От нее я ничего не утаивала — ни моих грехов, ни терзаний. Теперь я уже не применяла к себе никаких строгостей кроме тех, которые ей было угодно мне позволить.

Я с трудом могла выразить свое внутреннее состояние, потому что я не знала, как объяснить саму себя, будучи слишком невежественной в таких вопросах, никогда не читав и не слышав о них. Однажды, когда они думали, что я собираюсь навестить своего отца, я поспешила к Матушке Гранже. Это стало известным и стоило мне многих страданий. Их ярость по отношению ко мне была такой неистовой, что казалась немыслимой. Даже написать ей письмо становилось крайне сложным делом. У меня было крайнее отвращение ко лжи, поэтому я запрещала лакеям лгать. Когда их встречали, то всегда спрашивали, куда они ездили, и нет ли у них с собой писем. Моя свекровь садилась в узком проходе, где обязательно проходили все, кто куда–либо отправлялся. Она спрашивала их, куда они ехали, и что с собою везли. Иногда, отправляясь пешком к Бенедиктинцам, я просила взять с собой туфли, чтобы по грязной обуви не было заметно, что я была где–то далеко. Я не смела идти одна. Сопровождающим меня было приказано сообщать обо всяком месте, куда я ходила. Если им случалось ослушаться, тогда их наказывали или увольняли. Мой муж и свекровь всегда яростно нападали на одну добрую женщину, хоть на самом деле они и уважали ее. Порой я сама жаловалась ей и она ответила: «Как ты сможешь угодить им, когда я делала все что было в моих силах в течении двадцати лет и мои попытки угодить им были безуспешными?»

Так, когда моя свекровь присматривала за своими двумя дочерьми, она всегда находила возможность сказать что–то отрицательное, относительно всего, сделанного для них этой женщиной. Но самым чувствительным испытанием теперь для меня было восстание против меня моего собственного сына. Они настраивали его на такое презрительное ко мне отношение, что я не могла видеть его, не чувствуя себя при этом крайне несчастной. Когда я была в своей комнате с кем–то из своих друзей, они посылали его подслушать, о чем я говорила. А так как он видел, что этим доставляет им удовольствие, то придумывал сотни вещей, чтобы рассказать им. Если мне удавалось поймать его на лжи, что случалось часто, он порицал меня, говоря: «Моя бабушка говорит, что ты больший обманщик, чем я». Я отвечала: «Следовательно, мне известно все уродство этого порока, и как трудно бывает взять над ним верх. По этой причине, я бы не

хотела, чтобы ты страдал так же, как я». Он говорил мне очень оскорбительные вещи. Поскольку он видел тот благоговейный страх, который я испытывала по отношению к его бабушке и отцу, если в их отсутствие я находила его совершившим какой–нибудь проступок, он оскорбительно укорял меня. Он говорил, что теперь я желаю повелевать им, потому что их нет дома. Они же потакали всему этому.

Однажды он навещал моего отца и впопыхах стал ему жаловаться на меня, как он и привык это делать со своей бабушкой. Но здесь его рассказ не был встречен с той же похвалой. Напротив он довел моего отца до слез. Отец пришел к нам, желая потребовать за это наказания. Они пообещали, что наказание будет совершено, однако, так и не выполнили своего обещания. Я ужасно боялась последствий такого плохого воспитания. Я рассказала об этом Матушке Гранже, которая ответила, что если я не могу поправить ситуацию, то должна терпеть и предать все Богу. Этот ребенок будет моим бременем. Еще одним испытанием был тягостный уход за моим мужем. Я знала, что он недоволен, когда меня нет рядом, однако, когда я была с ним, он также никогда не выражал удовлетворения. Напротив, он только отвергал с презрением всякую услугу, которую я для него совершала. Он был так суров со мной во всем, что я иногда дрожала, приближаясь к нему. Я ни в чем не могла ему угодить, а когда я не приходила к нему, он бывал очень зол. Он приобрел такое отвращение к супам, что не мог переносить одного их вида. Тех, кто приносил их, всегда ожидал жестокий прием. Поэтому ни его мать, ни кто–либо из слуг не отваживался приносить ему суп. Я была единственной, кто не отказывался совершать для него такую услугу. Я приносила еду и позволяла его гневу излиться, затем я пыталась каким–нибудь приятным способом повлиять на него, чтобы он поел супа. Я говорила ему: «Пусть лучше я буду терпеть выговор по несколько раз в день, чем стерплю, что тебе не приносят того, что полагается». Иногда он ел, а в другие разы отправлял еду назад. Когда он был в хорошем расположении духа, и я собиралась принести ему что–нибудь вкусное, тогда моя свекровь выхватывала это из моих рук. Она всегда относила это сама. А так как он думал, что я не заботлива и не стараюсь сделать ему приятное, то воспламенялся яростью против меня, выражая огромную благодарность своей матери. Я пускала в ход все свои способности и старания, пытаясь завоевать расположение своей свекрови. Я делала ей подарки, оказывала услуги, но так и не смогла достичь в этом успеха.

Какой горькой и несчастной была бы подобная жизнь, если бы не Ты! Ты услаждал ее и примирял меня с нею. Вскоре мне случилось получить несколько коротких передышек в этой суровой и унижающей меня жизни. Однако они привели к противоположным последствиям — еще более болезненным и горьким.

Глава 18

Через восемь или девять месяцев после моего выздоровления от оспы, Отец Ля Комб, проходя мимо нашего дома, принес мне письмо от Отца Де Ля Мота, рекомендуя его мне, и рассказывая о своем наилучшем к нему расположении. Я колебалась, не испытывая желания завязывать новые знакомства. Но страх обидеть брата возобладал надо мной. После краткой беседы мы оба желали следующего случая для встречи. Я думала, что он или любит Бога или же был расположен любить Его, а моим желанием было, чтобы все люди любили Его. К тому времени Бог уже употребил меня для обращения трех человек из того же ордена. Это его сильное желание увидеть меня снова побудило его приехать в наш дом в провинции в половине лье от города. Там произошел небольшой инцидент, который дал мне возможность поговорить с ним. Когда он беседовал с моим мужем, который наслаждался его обществом, ему вдруг стало дурно, и его препроводили в сад. Мой муж велел мне пойти и посмотреть в чем дело. Отец же сказал мне, что заметил на моем лице глубокую внутреннюю погруженность и ощущение присутствия Божия, что вызвало у него сильное желание увидеться со мной еще раз. Тогда Бог помог мне открыть ему этот внутренний путь души и посредством этого слабого канала передать столько благодати, что он ушел совершенно изменившимся человеком.

Я сохранила к нему чувство глубокого уважения, ибо мне показалось, что он будет искренне предан Богу, но я тогда не могла предвидеть, что окажусь с ним в одном и том же месте. В то время я была склонна к постоянной молитве, не осознавая ее как таковую. Присутствие Божие было столь всепоглощающим, что, казалось, во мне больше Его, чем меня самой. Поэтому и чувствительность моя была очень сильной, настолько проникающей, что противостоять ей было невозможно. Любовь забрала у меня всю мою личную свободу. Временами я чувствовала себя совершенно опустошенной, не ощущая ничего кроме боли от отсутствия Бога, которая для меня была тем острее, чем чувствительнее было перед этим божественное присутствие. В этих двух возможных состояниях я забывала все мои личные боли и горести. Мне казалось, что я их никогда и не испытывала. Но в минуты отсутствия было ощущение, что возвращения уже не будет никогда. Я все время думала, что удаление Бога было результатом какого–то моего проступка, и это делало меня безутешной. Знай я, что это было то состояние, через которое мне необходимо было проходить, я бы так не беспокоилась. Моя сильная любовь к исполнению воли Божией сделала бы все простым для меня. Сущность моей молитвы заключалась в том, чтобы проявлять эту великую любовь ко всякому повелению Божьему в такой возвышенной и совершенной связи с Ним, чтобы уже ни перед чем не было страха: ни перед опасностью, ни перед грозой, ни перед духами или смертью. Это сообщает человеку великое отстранение от самого себя, от своих собственных интересов и репутации, и помогает относиться с крайним безразличием к вещам подобного рода, которые всецело поглощаются почитанием воли Божьей.

Дома же меня обвиняли во всем, что делалось плохо, что портилось или оказывалось сломанным.

Сначала я говорила правду, утверждая, что это не моя вина. Они же настаивали и обвиняли меня во лжи. Тогда я ничего не говорила в ответ. Кроме этого они рассказывали свои измышления всем приходившим к нам. Но когда после я оказывалась наедине с этими же людьми, я не пыталась вывести их из заблуждения. Я часто слышала, как обо мне говорили подобные вещи, в присутствии моих друзей, чего было достаточно, чтобы у них сложилось обо мне дурное мнение. Мое сердце обитало в молчаливом сознании своей собственной невиновности, не заботясь, думали ли обо мне хорошо или плохо, исключая из моего поля зрения весь мир, все мнения и осуждения. Меня не заботило ничего кроме моей дружбы с Богом. Если по причине своей неверности мне случалось в какой–то момент оправдывать себя, я всегда терпела поражение, навлекая на себя новые страдания, как во внешнем мире, так и в своем внутреннем. Но, несмотря на все это, страдания приносили мне такое удовлетворение, что самое тягчайшее из них было для меня ничем. Когда страдание удалялось от меня на короткий период, мне казалось, что это происходило из–за моего неумения им воспользоваться, и что моя неверность лишила меня такого преимущества. Ценность креста определялась для меня в минуты его потери.

Я умоляла наказывать меня любым способом, но не забирать от меня креста. Этот обожаемый мною крест возвращался ко мне еще более отягченным, по мере того как мое желание иметь его становилось более страстным. Я не могла примирить две вещи, так как они казались совершенно противоположными — это желать креста с таким рвением и нести его, испытывая слишком большие трудности и боль.

Богу, в проявляемой Им замечательной заботливости, хорошо известно, как делать крест более тяжким и при этом отвечающим способностям творения, которое будет его нести. Так и моя душа становилась более покорной, осознавая, что Его отсутствие и мое желание обладать предметом моих стремлений было более полезным для меня, нежели состояние постоянного наслаждения Его присутствием. Это последнее лишь питало мое самолюбие. Если бы Бог не поступал подобным образом, душа бы никогда не смогла умереть для самой себя. Закон любви к себе является столь изощренным и опасным, что он прилепляется ко всему. То, что во время тьмы и распятия доставляло мне более всего дискомфорта, так это моя склонность к спешке и скоропалительным поступкам как внутри, так и вне самой себя. Когда ответ на какой–нибудь вопрос ускользал от меня, (что нимало служило к моему собственному смирению), они говорили, что я «впала в смертный грех». Но такое суровое со мной обращение было как раз мне необходимо.

Я была очень горда, вспыльчива и по природе часто способствовала расстройству других, желая всегда все делать по своему и считая, что мои собственные рассуждения лучше, чем рассуждения других. Если бы Ты, о мой Бог, не употребил удары Своего молота, я бы никогда не смогла покориться Твоей воле, чтобы стать Твоим инструментом, ибо я была до смешного тщеславна. Похвала делала меня невыносимой. Я хвалила своих друзей до крайности и обвиняла других без причины. Но чем более преступной я была, тем более я была обязана Тебе, и тем меньше добра я могла приписывать самой себе. Как слепы те люди, которые присваивают другим всю ту святость, которую дает Бог! Я верю, что у Тебя были дети, мой Бог, которые были многим обязаны своей собственной верности, пребывая под Твоей благодатью. Что касается

меня, я всем обязана Тебе. Я горжусь тем, что могу это исповедать, но не могу до конца этого осознать.

Я всегда была очень прилежна в делах милосердия. Мое нежное отношение к беднякам было таким сильным, что я желала удовлетворить все их желания. Но мне не под силу было почувствовать, в чем они нуждаются, если я не укоряла себя в том изобилии, которым я могла пользоваться. Чтобы им помочь, я лишала себя всего, что только было возможно. Самое лучшее на моем столе тут же раздавалось. Там, где я жила, немногие бедняки не испытали на себе проявление моей щедрости. Казалось, что Ты сделал меня там чуть ли не единственным твоим благотворителем, ибо, получив отказ у других, все нуждающиеся приходили ко мне. Я восклицала: «все богатство принадлежит Тебе, я же только управитель. Я обязана распределять его согласно Твой воле». Я находила способы жертвовать, оставаясь неизвестной, так как у меня был человек, который тайно раздавал мои милостыни. Когда встречались семьи, которым было неловко таким образом получать от меня помощь, я посылала им ее так, как если бы я была им должна. Я одевала тех, кто нуждался в одежде и устраивала обучение красивых молодых девушек, с тем, чтобы они сами могли зарабатывать себе на жизнь, пока их не брали на работу. Когда они таким образом имели за что жить, они уже не испытывали искушения оставлять себя на произвол судьбы. Бог употребил меня, чтобы вызволить нескольких, ведущих беспорядочный образ жизни. Я посещала больных, чтобы утешить их, поправить им постель. Я делала мази, обвязывала раны, хоронила умерших. Также я тайно снабжала всем необходимым торговцев и ремесленников, чтобы поддерживать жизнь их лавочек. Сердце мое было широко распахнуто для всякого изнемогшего из подобных мне творений. Немногие люди могли бы совершать столько благотворительных дел, сколько в моем положении позволял мне совершать наш Господь со времени моего замужества.

Для того чтобы очистить меня от тех примесей, в которые я могла превратить все Его дары, обладая присущим мне самолюбием, Он дал мне внутреннюю проверку, которая оказалась очень тяжелой. Я начала испытывать невыносимое бремя в проявлении той самой набожности, которая прежде была для меня легкой и приятной. Дело не в том, чтобы я крайне не любила ее, но я чувствовала себя несовершенной в проявлении этого благородного отношения. Чем более я любила ее, тем более я трудилась над приобретением того, в чем я неизменно терпела неудачу. Но, увы! Я постоянно оказывалась побежденной чем–то ей противоположным. Действительно, мое сердце было оторвано от всех чувственных наслаждений.

Мне казалось, что за эти несколько лет мой разум настолько отделился и отрешился от тела, что все мои действия совершались как будто не мною самой. Если я ела, или подкреплялась, то это совершалось в таком отсутствующем состоянии или разделении, что я удивлялась полному умерщвлению остроты ощущений во всех естественных функциях моего организма.

Глава 19

Дабы подытожить свою историю, я должна сказать, что оспа настолько повредила одному моему глазу, что я опасалась потерять его. Была повреждена железа в уголке глаза. Время от времени между носом и глазом возникал нарыв, который, пока его не вскрывали, причинял мне мучительную боль. Он распирал всю мою голову так, что было трудно даже лежать на подушке. Малейший шум вызывал у меня страдание, хоть иногда они устраивали настоящую возню в моей комнате. Однако по двум причинам это было драгоценное для меня время. Во–первых, потому, что меня оставляли в постели одну, где я имела возможность для сладостного уединения без беспокойства. Во–вторых, это был ответ на мою просьбу о страдании, желание которого было так велико, что все виды телесных строгостей были бы как капли воды, неспособные угасить сильное пламя. Действительно, строгости и суровости, которые я тогда применяла к себе, были чрезвычайными. Но они не успокаивали этой жажды креста. Лишь Ты один, о Распятый Спаситель, можешь сделать крест действительно эффективным для смерти человеческого я. *Пусть другие награждают себя легкостью или веселостью, величием или наслаждениями, этими нищенскими временными небесами. Для меня же все мои желания были обращены в другую сторону, к молчаливой тропе страдания за Христа и единения с Ним через умерщвление всего того, что во мне было от плоти, чувств, желаний и воли.* Чтобы, будучи мертвой для них, я могла жить только лишь в Нем.

Я получила разрешение поехать в Париж для лечения глаза. Но это в большей степени было необходимо для встречи с господином Берто, человеком глубокого жизненного опыта, которого в недавнее время Матушка Гранже мне рекомендовала как наставника. Я поехала спросить благословения у моего отца, который окружил меня особенной нежностью, не догадываясь тогда, что это будет последним нашим прощанием.

В то время Париж уже не был местом, которого нужно было опасаться как в прошлом. Толпы людей еще более способствовали моему погружению в глубокие воспоминания, а уличный шум только усиливал мою внутреннюю молитву. Я повидалась с господином Берто, который не смог оказать мне помощь, на которую я надеялась, тогда я не имела сил объяснить свое состояние. Хоть я охотно желала не скрыть от него ничего, однако Бог держал меня так близко к Себе, что я вообще с большим трудом могла что–либо сказать. Как только я с ним заговорила, все вдруг вылетело из моего разума, так что я не могла вспомнить ничего, кроме нескольких своих проступков. Так как я виделась с ним очень редко, у меня почти ничего не оставалось в воспоминаниях, и поскольку я никогда не читала ни о каком случае подобном моему, то я и не знала, как мне объяснить свое состояние. Кроме того, я не хотела рассказывать ничего кроме всего греховного, что во мне было. Поэтому господин Берто до самой своей смерти так и не узнал меня. Но это оказалось очень полезным для меня, так как была удалена всякая поддержка, и я действительно могла умереть для самой себя.

Я отправилась провести эти десять дней от Вознесения до Троицы в аббатстве в четырех лье от Парижа, где аббатиса питала ко мне особенно дружеское отношение. Здесь мое единение с Богом казалось более глубоким и продолжительным, становясь проще, но в то же время, будучи более близким и интимным. Однажды я внезапно проснулась в четыре часа утра с

сильной уверенностью в моем разуме, что мой отец мертв. Но в то же самое время моя душа находилась в состоянии великого удовлетворения, хоть моя любовь к отцу добавляла печаль к этому ощущению, а в моем теле я испытывала слабость. Находясь под ежедневными ударами и неприятностями, которые обрушивались на меня, моя воля была настолько подчинена Твоей, о мой Бог, что она, казалось, пребывала в абсолютном единении с ней. В самом деле, во мне как будто не осталось ничего, кроме Твоей воли. Моя же воля исчезла, и не было белее никаких желаний, наклонностей или стремлений, кроме как к какому–то одному предмету, более всего угодному Тебе, чем бы он ни был. Если я и имела какую–то волю, то она всегда была соединена с Твоей. В тех странных состояниях, через которые я должна была проходить, обе воли были одним целым. И все же как дорого мне стоило полностью лишиться ее. Как много есть душ, считающих, что они уже лишены своей собственной воли, в то время как они еще так далеки от этого! Если бы они столкнулись с серьезными испытаниями, то непременно обнаружили бы, что их воля продолжает существовать. Есть ли человек, который не желал бы чего–либо для себя лично, в том, что касается интересов, богатства, чести, удовольствия, комфорта или свободы? Тот, кто считает свой разум освобожденным от всех этих вещей, только потому, что он ими обладает, вскоре может ощутить силу своей привязанности к ним, случись ему их лишиться. Если бы в целом веке нашлись хотя бы три человека, чувства которых мертвы ко всему, так чтобы они полностью без исключения отказались от всякой заботы Провидения, то они бы прослыли исполненными чудес благодати.

После полудня, когда я беседовала с аббатисой, я сказала ей, что у меня есть сильное предчувствие смерти отца. Более того, я даже с трудом могла говорить, настолько я была потрясена этим внутренним ощущением. В ту же минуту ей сообщили, что некто желает встретиться с ней в гостиной. Это был посыльный, который прибыл со срочным сообщением от моего мужа, где говорилось о болезни моего отца. И как я узнала позже, он страдал всего двенадцать часов. Поэтому к тому времени он был уже мертв. Вернувшись, аббатиса сказала: «Здесь письмо от вашего мужа, который пишет, что ваш отец серьезно болен». Я ей ответила: «Он мертв, я не имею в этом ни малейшего сомнения».

Я немедленно послала за каретой в Париж, чтобы выехать пораньше, так как мои домашние ожидали меня на полпути. Так я отправилась в девять часов вечера. Мне говорили: «Вы едете, чтобы наверняка себя погубить». Со мной не было никого из знакомых, так как я отослала служанку в Париж, чтобы там все привести в порядок. Находясь в обители, я не подумала, что мне нужен лакей. Аббатиса сказала мне: «Только из–за того, что вы предполагаете смерть своего отца, будет опрометчивым подвергать себя опасности, рискуя жизнью таким образом. Экипажи едва ли смогут проехать по дороге, которой вы собираетесь следовать, так как эта дорога непроходима». Я отвечала: «Моя непреложная обязанность состоит в том, чтобы поехать и оказать помощь моему отцу, так что мне не следует из–за простого опасения освобождать себя от нее». Итак я поехала одна, полагаясь на волю Провидения. Моя слабость была так велика, что мне с трудом удавалось сидеть в экипаже. К тому же я часто испытывала побуждение сойти, слушая истории об опасных местах на пути. Около полуночи мне пришлось пересечь лес, который был печально известен как место убийств и краж. Самые бесстрашные люди боялись его, но мое смирение почти не оставило мне возможности допустить мысль об

этом. Какие могут быть страхи и дискомфорт у смиренной души! Совершенно одна я проехала около пяти лье до моего собственного места жительства. Там я встретила своего исповедника, который ранее мне противостоял, и одного из родственников. Оба они ожидали меня.

Сладостное утешение одиночества теперь было прервано. Мой исповедник, не зная о моем состоянии, полностью сковал меня. Но моя скорбь была такого рода, что я не в состоянии была пролить и слезинки. И поэтому мне было стыдно слушать о том, что я так сильно чувствовала, не подавая при этом никаких внешних признаков печали. *Тот внутренний и глубокий мир, которым я наслаждалась, отражался на моем лице.* Мое состояние не позволяло мне ни говорить, ни делать что–либо из того, что обычно ожидается от набожных людей. Мне было под силу только любить и пребывать в молчании. По возвращении домой я узнала, что моего отца из–за сильной жары уже похоронили. Было десять часов вечера. На всех была траурная одежда. Я же пропутешествовала тридцать лье за эти день и ночь. Так как я была слишком слаба, не принимая всю дорогу никакой пищи, то меня немедленно уложили в постель.

Мой муж проснулся около двух часов ночи, и, выйдя из моей комнаты, тут же вернулся, крича во весь голос: «Моя дочь мертва!» Она была моей единственной дочерью, и была мною столь же любима, как и красива внешне. Она была благословлена как наружностью, так и дарованным ей разумом. Так что нужно было быть совершенно бесчувственным человеком, чтобы не любить ее. Также ей была присуща сверхъестественная любовь к Богу. Ее часто заставали в уголке молящейся. Как только она замечала, что я молюсь, то тут же присоединялась ко мне. Если же она обнаруживала, что я молилась без нее, то принималась горько плакать и восклицать: «Ах мама, ты молишься, а я нет!» Когда мы бывали с ней одни, и она видела, что мои глаза закрыты, она шептала: «Ты что, спишь?» А после она вскрикивала: «Ах нет же, ты молишься нашему дорогому Иисусу». Падая на свои коленки передо мной, она тоже начинала молиться. Ей несколько раз пришлось вынести порку своей бабушки, за то, что она сказала, что никогда не будет иметь другого мужа кроме нашего Господа. И правда, она бы и не смогла сказать иначе. Она была как маленький ангелочек: невинна и скромна, послушна и располагающа к себе. И ко всему этому еще и очень красива. Муж обожал ее, мне же она была очень дорога более благодаря качествам ее разума, чем чертам внешней красоты. Я считала ее моей единственной утехой на земле. Она питала ко мне столько же любви, сколько отвращения питал ко мне ее брат. Ее смерть наступила от внезапного кровотечения.

Но что же мне сказать на это? Она умерла по велению Того, Кому это было угодно, по одному Ему ведомым причинам, дабы лишить меня всего. Теперь у меня оставался лишь сын, приносящий мне огорчение. Он заболел, чуть ли не до смерти, но был восстановлен по молитве матушки Гранже, которая была теперь единственным моим утешением после Бога. По своему ребенку я горевала не более чем по своему отцу. Я только и могла сказать: «Ты, Господь, дал мне ее, и Тебе было угодно забрать ее, ибо она была Твоей». Что касается моего отца, то его добродетель была так повсеместно известна, что мне лучше хранить молчание, нежели приступать к этой теме. Его умение полагаться только на Бога, его вера и терпение были изумительны. Оба они умерли в июле 1672 года. С тех пор трудности не щадили меня, и хоть до сих пор я имела их в изобилии, однако они были лишь тенью тех больших испытаний, которые я отныне была обязана пройти. В этом духовном супружестве я желала иметь своим приданым

только несение креста, бичевания, гонения, бесчестья, беззаконие и полное отсутствие моего «я», которые по великой благости Ему было угодно предназначить и даровать мне. Как я увидела позже, это послужило достижению разумных целей.

Однажды, когда я находилась в состоянии великой печали по причине удвоения как внешних, так и внутренних испытаний, я пошла в свою комнатку, чтобы дать волю слезам. Мысль о господине Берто пришла мне в голову с таким желанием: «О, если бы он почувствовал, отчего я страдаю!» Хоть он и писал мне, довольно редко, и с большими затруднениями, но в тот же день он прислал мне письмо о крестных муках. Это было самое прекрасное и утешительное из всего того, что он когда–либо писал мне на эту тему. Иногда мой дух был настолько подавлен постоянными испытаниями, которые едва оставляли мне время для передышки, что, оставшись одна, я повсюду глазами искала что–нибудь, что было бы мне облегчением. Любое слово, вздох, какой–нибудь пустяк, или даже осознание того, что кто–то сочувствует моему горю, уже было для меня утешением. Мне не было даровано даже взирать на Небеса, высказывая какую–нибудь жалобу. Любовь в то время держала меня так близко, что скорее желала этому несчастному творению погибнуть, нежели дать ему какую–нибудь поддержку или ободрение. О мой драгоценный Господь! Все же Ты дал моей душе победоносную поддержку, которая помогла мне триумфально пройти через все слабости моей природы, удержать Твой нож, чтобы принести ее в жертву всю, без остатка. И, тем не менее, эта природа столь порочная, исполненная всяких хитростей для сохранения своего существования, наконец, нашла способ питаться своим собственным отчаянием, своей верностью, пребывая под этим тяжким и постоянным бременем. Я старалась скрыть ту важность, которую я придавала всему этому. Но Твои глаза были слишком зоркими, чтобы не различить такой тонкости. Вот почему, мой Пастырь, Ты изменил свое отношение. Ты иногда успокаивал меня Своим посохом и Своим жезлом, го есть, Твоим отношением как любящим, так и жертвенным. Но все это лишь для того, чтобы довести мое состояние до крайней черты, как я и покажу это позже.

Глава 20

Одна леди высокого положения, которую я иногда навещала, стала питать ко мне особенную привязанность, потому что (как она сама говорила) мой характер и манеры казались ей весьма приятными. Она сказала, что заметила во мне нечто сверхъестественное и необычное. Я думаю, это была некая внутренняя притягательность моей души, которая отражалась также и на моем лице. Однажды один джентльмен сказал тете моего мужа: «Я видел вашу племянницу, и по ее поведению сразу видно, что она живет в присутствии Божьем». Я была удивлена этим, так как не ожидала, что подобный человек мог знать, что значит присутствие Бога. Эта женщина высокого положения начала испытывать трогательное ощущение Бога. Пожелав однажды повести меня на представление, она услышала мой отказ (я никогда не посещала театр). Как повод для отказа я использовала постоянные недомогания моего мужа. Она очень принуждала меня пойти, сказав: «Его болезнь не должна удерживать вас от участия в каких–нибудь развлечениях, ибо вы еще не в том возрасте, чтобы быть прикованной к больному как сиделка». Я поведала ей о моих причинах. Тогда она осознала, что я поступаю, таким образом, более из набожности, нежели из–за недомоганий моего мужа. Когда она пожелала узнать о моем отношении к пьесам, то я сказала ей, что абсолютно не одобряю их, в особенности для женщины христианки.

Поскольку она была старше возрастом чем я, то сказанное мной произвело на ее разум такое впечатление, что она больше никогда не ходила в театр. Однажды в компании с ней и еще с одной госпожой, которая любила поболтать и которая читала «отцов», у нас зашел разговор о Боге. Эта госпожа рассуждала о Нем со знанием дела. Я же почти не проронила ни слова, будучи внутренне расположена к молчанию, и испытывая беспокойство из–за этой беседы о Боге. На следующий день моя знакомая пришла навестить меня. Господь так коснулся ее сердца, что она больше не в состоянии была сдерживать свои чувства. Я приписала это тому, о чем говорила другая женщина. Но она сказала мне: «В вашем молчании было нечто, что проникало до глубины моей души. Я не могла получать удовольствие от слов другой дамы». Тогда мы поговорили друг с другом открыто. Это значило, что Бог оставил неизгладимые впечатления Своей благодати на ее душе, и она продолжала настолько испытывать по Нему жажду, что с трудом могла вынести разговор о каком–нибудь другом предмете. Для того чтобы она всецело принадлежала Ему одному, Он лишил ее возлюбленного мужа. Он также посещал ее, наделяя суровыми испытаниями, и в то же время, так обильно изливая на ее сердце Свою благодать, что вскоре стал единственным господином ее души.

После смерти мужа и потери большей части имущества, она переехала жить в небольшое оставшееся у нее поместье, за четыре лье от нашего дома. Она получила согласие моего мужа на то, чтобы я поехала к ней на неделю утешить ее. И Бог даровал ей через меня все, в чем она нуждалась. Она обрела во мне глубокое понимание, но была несколько удивлена тем, что я сужу о вещах, проявляя способности намного выше моих естественных. Но я и сама удивлялась этому. Именно Бог даровал мне этот дар для ее блага, изливая поток благодати на ее душу, и не принимая во внимание недостойность того канала, который Ему угодно было использовать. С того времени ее душа была храмом Святого Духа, а наши сердца были соединены неразрывно.

Мой муж и я совершили вместе небольшую поездку, во время которой были испытаны мое смирение и покорность. Однако все прошло без особых трудностей или принуждения, столь сильным было действие божественной благодати. Лучше бы мы тогда тонули в реке. Все в отчаянном страхе выпрыгивали из экипажа, который тонул в зыбучих песках. Я же была настолько погружена внутрь себя, что и не подумала о какой–либо опасности. Бог избавил меня от нее, не дав мне даже подумать о попытке ее избежать. Я была совершенно спокойна при мысли о возможности увязнуть, если бы Он допустил это. Можно было сказать, что «я вела себя необдуманно». Я думаю, что такой я и была; но скорее я сама избирала погибнуть, доверяясь Богу, нежели спастись, завися в этом от самой себя. Что я могу сказать? Мы погибаем только из желания довериться Ему. Мое наслаждение заключается в том, чтобы во всем быть должной Ему. Это делает меня довольной во всех моих несчастьях, покорившись Ему, даже если бы они продолжались всю мою жизнь, нежели положить им конец, но зависеть в этом от самой себя. Однако я бы не советовала другим поступать подобным образом, если они только не пребывают в таком же расположении духа, в котором находилась я.

Поскольку болезнь моего мужа с каждым днем все больше усугублялась, он решил поехать в Сент–Рен. Он, казалось, очень желал, чтобы рядом с ним не было никого кроме меня, сказав мне однажды: «Если бы мне никогда не говорили ничего против тебя, я был бы с тобой более мягок, а ты была бы более счастлива». В этом путешествии я совершила много проступков самолюбия и удовлетворения своих интересов. Я стала похожа на того бедного путешественника, который заблудился ночью и не может найти дорогу, тропинку или хотя бы след. Мой муж, после возвращения из Сент–Рена, проезжал мимо Сент–Эдма. Не имея больше детей, кроме моего первого сына, который часто пребывал у врат смерти, он весьма желал иметь наследников, и ревностно о них молился. Бог услышал его желание и дал ему второго сына.

Я пребывала несколько недель без кого бы то ни было, осмеливающегося со мной заговорить, так как все знали о моей сильной слабости. Это было время уединения и тишины. Я старалась возместить себе потерю времени, которое я истратила на других людей, чтобы молиться Тебе, о мой Бог, и продолжать пребывать наедине с Тобой. Можно было бы сказать, что Бог обрел меня заново, и уже меня не покидал. Это было время постоянной радости без вторжений извне. Поскольку к тому времени я пережила столько внутренних трудностей и слабостей, это была уже новая жизнь. Казалось, что я находилась в центре осуществления блаженства. Но как же дорого стоило мне это счастливое время, поскольку оно было только подготовкой к полному лишению меня комфорта на несколько лет, когда я осталась безо всякой поддержки или надежды на возвращение! Это началось со смерти Матушки Гранже, которая была моим единственным утешением после Бога. Я услышала о ее смерти, прежде чем вернулась из Сент–Рена. Когда я получила эту новость, я исповедую, это был самый горький удар, который мне когда–либо доводилось испытывать. Я думала, что если бы мне удалось присутствовать при ее смерти, то я могла бы поговорить с ней и получить ее последние наставления. Но Бог повелел сделать удары моих потерь еще более болезненными, ибо теперь я была лишена ее поддержки. Действительно, за несколько месяцев до ее смерти, мне было показано, что даже, несмотря на трудности встреч с ней, они являлись для меня существенной поддержкой. Господь дал мне знать, что для меня будет полезно лишиться всего этого. Но когда

она умерла, я еще так не рассуждала. Именно во время испытаний, когда она была взята от меня, мои тропинки привели в тупик. Именно она была той, которая могла бы вести меня по моему одинокому и сложному пути, окруженному обрывами и обрамленному шиповником и терниями. Как восхитительно действование моего Бога! Человек, которого Ты ведешь в долины смертной тени, не должен иметь провожатого, и тот, которого ты предназначил к погибели, не может иметь проводника. Все это для того чтобы побудить этого человека умереть для самого себя.

Теперь, после того, как Ты так милостиво спас меня, проведя Своей рукой по столь трудному пути, Ты твердо решил меня погубить. Но не следует считать, что Ты спасаешь лишь для того, чтобы погубить, или же ищешь заблудшую овцу лишь с тем, чтобы привести ее к еще большему заблуждению. Не нужно думать, что Тебе угодно воссоздавать то, что разрушено, и разрушать построенное. Ты сокрушал построенный человеческими усилиями храм, в который было вложено много стараний и труда, для того чтобы чудесным образом воздвигнуть божественное строение, здание сотворенное не руками человеческими, но вечное на Небесах. Тайны непостижимой мудрости Божией, неведомые никому кроме Его Одного! Человек, появившийся лишь несколько дней тому назад, уже желает проникнуть во все и установить свои пределы. Но кто познал разум Господень, или кто был у Него советником? Можно ли обрести мудрость, умерши для всего в этом мире и полностью лишившись своего я? Мой брат теперь открыто проявил ко мне свою ненависть. Он собирался жениться в Орлеане, и мой муж захотел посетить бракосочетание, желая оказать ему любезность. Он тогда был нездоров, а дороги были плохие, покрытые снегом, так что нам случилось перевернуться раз двенадцать или пятнадцать. Но не чувствуя себя обязанным такой вежливости, брат затевал с ним ссоры больше чем когда–либо, даже безо всякой на то причины. Я же оказывалась мишенью негодования с обеих сторон. В Орлеане мне случилось встречаться с одним человеком, о котором в то время у меня было очень высокое мнение. Беседуя с ним о духовных вещах, я была очень прямодушной и чувствовала себя свободно. Я думала, что у меня получается весьма хорошо, хотя после этого меня мучили угрызения совести. Как часто мы ошибочно принимаем плотские вещи за проявление благодати! Человек должен полностью умереть для себя, так как настоящие откровения могут исходить только от Бога.

Мой брат обращался со мной с крайним презрением. Но в то же время мой разум был настолько обращен вовнутрь, что, несмотря на все опасности путешествия, я вовсе не думала о себе, но только о муже. Видя, что карета переворачивается, я говорила: «Не бойся, она падает на мою сторону, и не заденет тебя». Я думаю, что даже если бы мы погибали, я бы не была этим взволнована. Мой мир был настолько глубоким, что ничто не могло его поколебать. Если бы подобное продолжалось, то мы бы стали очень мужественными. Но теперь это происходило очень редко и часто сопровождалось долгими и утомительными лишениями. С того времени мой брат изменился в лучшую сторону, встав на путь следования за Богом, однако, он так и не примирился со мной.

По причине особого Божьего позволения и работы промысла Божьего над моей душой, он и подобные ему религиозные люди, которые преследовали меня, думали, что тем самым они воздают славу Богу и отдают должное справедливости. Совершенно справедливо то, что все творения, ведущие себя вероломно по отношению к Богу, и вставшие на сторону Его врага,

теперь также вероломно вели себя и по отношению ко мне, выступая против меня. После всего этого произошло очень удручающее событие. Оно причинило мне много страданий, и казалось, не имело иной цели, кроме этой. Один человек питал такую злобу по отношению к моему мужу, что был определенно настроен во что бы то ни стало погубить его. Он не нашел для этого иного способа, кроме того как заключить тайную сделку с моим братом. Он получил власть потребовать от имени брата короля двести тысяч ливров, которые, как он заявлял, мой брат и я были ему должны. Брат подписал документы, основываясь на заверениях данных ему, что ему ничего не следует платить. Я думаю, что по молодости он был втянут в дело, в котором мало что смыслил. Эта афера настолько опечалила моего мужа, что у меня есть все основания считать ее причиной его смерти. Он был так зол на меня (хоть моей вины во всем этом не было), что не мог говорить со мной нормальным тоном. Он не объяснял мне, в чем суть дела, и я ничего не понимала. В состоянии крайней ярости он сказал, что не будет вмешиваться в это дело, но даст мне мою долю и оставит меня жить по моим возможностям. С другой стороны, мой брат не вносил никаких предложений и даже не заботился о том, чтобы что–либо сделать.

В день судебного заседания, помолившись, я ощутила сильное побуждение пойти к судьям. Чудесным образом я обрела помощь для обнаружения и распутывания всех поворотов и хитростей этого дела, не зная, каким образом мне это удавалось. Первый судья был весьма удивлен, когда увидел дело с совершенно другой стороны, нежели раньше. Он сам посоветовал мне пойти к другим судьям, и в особенности к интенданту, который именно тогда собирался в суд. Он был чрезвычайно дезинформирован по поводу этого дела. Бог, придав силу моим словам, дал мне способность раскрыть истинное положение вещей. Интендант даже поблагодарил меня за то, что я своевременно вывела его из заблуждения и открыла ему глаза. Не сделай я этого, как он меня уверял, дело было бы проиграно. Так как они видели ложь в каждом пункте, они могли присудить истцу оплатить убытки, не будь он столь великим принцем. Ведь он дал согласие на то, чтобы его имя фигурировало в деле. Чтобы спасти честь принца, они повелели нам заплатить ему пятьдесят крон. Таким образом, двести тысяч ливров были сведены к ста пятидесяти. Мой муж был чрезмерно доволен тем, что я сделала. А мой брат был разъярен и настроен против меня, как будто я причинила ему огромные убытки. Именно так гладко и неожиданно закончилось дело, которое поначалу казалось столь тяжким и беспокойным.

Глава 21

К тому времени я вступила в полосу абсолютных лишений, длившуюся почти семь лет. Мне представлялось, что я брошена жить среди зверей, подобно Навуходоносору. Это было положение достойное сожаления, и все же, оно послужило к моему величайшему благу, если посмотреть, как употребила его божественная мудрость. Это состояние пустоты, мрака и бессилия далеко превзошло все те испытания, которые мне когда–либо доводилось переживать. С того времени я усвоила, что молитва сердца, даже когда она представляется самой сухой и бесплодной, не является неэффективной или же произносимой напрасно. Бог дает нам самое лучшее, однако, не всегда то, чего мы более всего желаем или от чего получаем наибольшее удовольствие. Если бы люди уяснили себе эту истину, они были бы далеки от жалоб в течение всей своей жизни. Вызывая в нас смерть, Он предоставляет нам жизнь. Ибо все наше духовное счастье, как временное, так и вечное, состоит в том, чтобы покоряться Богу, позволяя Ему совершать в нас то, что Ему угодно. Это требует от нас тем большего подчинения, чем меньше нам нравится происходящее. Посредством такой чистой зависимости от Свято го Духа, нам все дается чудесным образом. В Его руке наши слабости оказываются источником нашего смирения. Только бы душа хранила верность, предавая себя в руку Божью и принимая все Его действия, будь они вознаграждающими или укрощающими. Только бы она соглашалась принимать Его руководство, от часа к часу будучи ведомой Его рукой, и умерщвляемой ударами Его Провидения. Если бы она не жаловалась и не желала бы иметь более того, что имеет, она вскоре пришла бы к познанию вечной истины, хоть ей и не сразу стали бы известны пути и методы, посредством которых Бог вел ее сюда. Люди хотят показывать Богу направление, вместо того, чтобы самим быть направляемыми Им. Они желают показать Ему какой–нибудь путь, вместо того, чтобы пассивно следовать туда, куда Он ведет их. Таким образом, многие души, призванные к тому, чтобы наслаждаться Самим Богом, а не просто Его дарами, тратят всю свою жизнь в поисках мелких утешений. Питаясь ими, они только в них обретают покой, составляя из них все свое счастье.

Если мои цепи и мое заключение каким–либо образом могут огорчить вас, я буду молиться, чтобы они послужили к вашему стремлению искать только Бога ради Него Самого. Я буду молиться, чтобы вы желали обладать Им только посредством смерти всего вашего я, никогда не пытаясь быть кем–то на путях Духа, но, стремясь войти в состояние собственного глубочайшего небытия. У меня была внутренняя борьба, которая постоянно терзала меня. Две силы, которые казались одинаково могущественными, сражались за владычество внутри меня. С одной стороны, желание угодить Тебе, о мой Бог, страх оскорбить Тебя, и постоянное стремление всего моего существа к Тебе. С другой стороны, видение всей моей внутренней испорченности, развращенность моего сердца и постоянное потакание себе и возвышение собственного я.

Скольких потоков слез, скольких скорбей стоило мне все это! «Возможно ли, — восклицала я, — полюбить Его с таким жаром, но быть навсегда Его лишенной. Чтобы Его блага произвели во мне лишь неблагодарность. Чтобы за Его верность было заплачено неверностью. Чтобы мое сердце, которое было очищено от всех творений, и сотворенных вещей, и

исполненное Его благословенным присутствием и любовью, теперь стало полностью лишенным божественной силы, и исполненным блужданиями и сотворенными вещами!»

Теперь я уже не могла молиться как прежде. Небеса казались закрытыми для меня, и я считала это справедливым. Я не могла получить утешения или же пожаловаться кому–либо. На земле не было творения, к которому бы я могла обратиться. Я считала себя изолированной от всех существ, ни в чем не находя средства утешения. Мне больше было не под силу практиковать любую добродетель с прежней легкостью. «Увы! — говорила я. — Возможно ли, чтобы это сердце, прежде охваченное огнем, могло теперь уподобиться куску льда!» Мне часто казалось, что все творения ополчились против меня. Обремененная грузом прошлых и множеством новых грехов, я не верила, что Бог когда–нибудь простит меня, но считала себя жертвой, обреченной на адские муки. Я была бы рада пройти все епитимьи, применить все молитвы, паломничества и обеты. Но, увы, все, что я испробовала как средство излечения, казалось, лишь усугубляло болезнь. Я могу сказать, что действительно, слезы были моим питьем, а печаль была мне в пищу. Я ощущала в себе такую боль, которую я никому не смогла бы объяснить, разве только тому, кто лично испытал ее. Во мне был некий палач, мучивший меня без передышки. Даже когда я ходила в церковь, мне это не приносило облегчения. Я могла быть невнимательной к проповедям. Теперь они не приносили мне никакой пользы или восстановления. Я едва была в состоянии воспринять или понять что–либо в них или о них.

Глава 22

В то время как мой муж приближался к своей кончине, его душевные расстройства длились беспрерывно. Как скоро ему удавалось оправиться после одного, он тут же впадал в другое. Он переносил сильные боли с великим терпением, отдавая их Богу и извлекая из этого некоторую пользу. Однако его гнев по отношению ко мне усилился, так как доносы и сплетни обо мне во множестве доходили до него. Все, что говорили о нем, всего лишь слегка раздражало его. Он все более был подвержен вспыльчивости, так как приступы боли делали его еще более склонным к раздражению.

В это же время служанка, которая раньше всегда меня терзала, теперь иногда проявляла ко мне жалость. Она пришла ко мне, как только я уединилась в своей комнате, и сказала: «Приходите к моему господину, чтобы ваша свекровь не могла наговаривать ему на вас». Я предпочитала ничего не знать обо всем этом, но он не мог скрыть своего недовольства мною или даже терпеть меня рядом с собой. Моя свекровь в то же самое время не знала никаких границ. Все посещавшие наш дом, становились свидетелями постоянных ссор, которые я вынуждена была переносить с огромным терпением, несмотря на мое состояние. Незадолго до своей смерти, мой муж закончил строительство часовни в провинции, где мы проводили часть лета, и где каждый день я могла слышать молитвы и посещать причастие. Не осмеливаясь делать это открыто, священник каждый день тайком допускал меня к причастию. Затем пришел день, когда проходило торжественное освящение маленькой часовни. Во время освящения я ощутила себя внезапно захваченной изнутри, что продолжалось более пяти часов в течение всей церемонии, и тогда наш Господь заново посвятил меня Себе. Я чувствовала себя храмом, освященным для Него, как на время моей жизни, так и на всю вечность. Я говорила себе, (как о первом, так и о втором храме) «Пусть этот храм никогда не будет оскверняем. Пусть хвала Богу вечно воспевается в нем!» В тот момент мне показалось, что моя молитва была услышана.

Но вскоре я была лишена всего этого, поэтому мне оставалось одно лишь утешающее меня воспоминание. Когда я находилась в этом провинциальном доме, который был всего лишь маленьким местом уединения до построения часовни, я уходила в леса и пещеры для молитвы. Сколько раз в этих местах Бог спасал меня от опасных животных и ядовитых змей! Иногда я абсолютно бессознательно опускалась на колени, не замечая змей, которых здесь было великое множество. Они ускользали, не причинив мне даже малейшего вреда. Однажды мне случилось оказаться в небольшом лесу, где был разъяренный бык. Но он унесся от меня прочь. Если бы я могла вспомнить все случаи действия Божьего провидения для моего блага, это бы явило великолепную картину. Они действительно происходили так часто и постоянно, что я не могла не поражаться им. Бог всегда воздает тем, у кого нечем Ему отплатить. Если творению свойственна хоть какая–нибудь верность или терпение, это значит, что они даны ему только Им одним. Если же Он на мгновение удаляет свою поддержку, и кажется, что Он оставляет меня на саму себя, я теряю свою силу, чувствуя себя слабее любого другого творения.

Если мои немощи показывают, кем я являюсь, то Его милости показывают, кем является Он и насколько я от Него завишу. После двенадцати лет и четырех месяцев супружества, сопровождаемого самыми большими испытаниями, за исключением бедности, которую мне не

довелось узнать, хоть я так к ней стремилась, Бог вывел меня из этого состояния. Это было сделано с тем, чтобы дать мне еще более суровые испытания с которыми мне еще не приходилось до сих пор встречаться. Ибо если Вы, господин, внимательно посмотрите на ту жизнь, которую велели мне описать, то заметите, что мои испытания лишь возрастали до нынешнего времени. Одно уступало место другому, следующему за ним, и новое являлось тяжелее прежнего. Когда мне говорили посреди всех этих скорбей, что я «совершила грех к смерти», во всем мире не было никого, с кем бы я могла поделиться. Я бы хотела иметь кого–нибудь, кто бы стал свидетелем моего поведения, но я не имела никого. У меня не было ни поддержки, ни исповедника, ни руководителя, ни друга, ни советника. Я потеряла всех. И после того, как Бог забрал их у меня одного за другим, Он и Сам удалился от меня. Я оставалась без единого творения, и в довершение моего отчаяния, мне казалось, что я осталась без Бога, Который был единственным, способным поддержать меня в состоянии такого глубочайшего горя.

Недуг моего мужа с каждым днем все более трудно поддавался лечению. Он предчувствовал приближение смерти, и даже желал ее, так тягостна была ему эта жизнь в томлении. Ко всем его злоключениям прибавлялось еще и крайнее отвращение к еде, так что он не мог употреблять все необходимое, чтобы поддерживать свои жизненные силы. У меня одной хватало мужества, чтобы заставить его съесть то немногое, чем он питался. Врач советовал ему поехать в провинцию. Там первые несколько дней он, казалось, лучше себя чувствовал, как вдруг у него начались осложнения. Его терпение еще усиливало? боль. Я ясно понимала, что ему уже недолго остается жить. То, что моя свекровь старалась как можно больше изолировать меня от него, причиняло мне большие страдания. Она поселяла в его разуме такую неприязнь по отношению ко мне, что я боялась, как бы он не умер в таком состоянии. Однажды мне выдался небольшой промежуток времени, когда ее не оказалось рядом, и тогда, подойдя близко к его постели, я стала на колени и сказала ему: «Если я когда–либо сделала что–то, что расстроило Вас, то я умоляю простить меня. Я уверяю Вас, что все это я делала неумышленно». Он, казалось, был очень поражен. Так как он только что проснулся после здорового сна, он сказал мне: «Это мне нужно просить у вас прошения. Я не заслуживал Вас». После этого случая он всегда был только рад видеть меня и всегда давал мне советы о том, что мне следует делать после его смерти, чтобы не зависеть от тех людей, от которых я в то время зависела. В течение восьми дней он пребывал в состоянии замкнутости и терпения. Я послала в Париж за самым искусным хирургом, но когда он приехал, мой муж был уже мертв.

Ни один смертный не мог встретить смерть в столь христианском расположении духа, или же с большим мужеством, чем он, после того, как самым благоговейным образом принял причастие. Меня не было, когда он испустил дух, ибо из чувства нежности ко мне он заставил меня удалиться. Свыше двадцати часов он был без сознания и в предсмертной агонии. Его смерть наступила 21 июля 1676 года. На следующий день я вошла в свою комнату, где было изображение моего божественного супруга, Господа Иисуса Христа. Там я обновила мой брачный завет, добавив к нему обет целомудрия и, обещая сделать его вечным, если мой наставник господин Берто позволит мне это. После этого я исполнилась великой внутренней радостью, которая была для меня чем–то новым. Ибо в течение длительного времени я была

погружена в состояние глубочайшей горечи. Как только я узнала, что мой муж умер, я воскликнула: «О мой Бог, Ты разорвал мои узы, и я принесу тебе жертву хвалы». После этого я пребывала в долгом молчании, как внешнем, так и внутреннем, которое проходило без слез и без какой–либо поддержки. Я не могла ни плакать, ни говорить. Моя свекровь говорила очень милые вещи, и все очень хвалили ее за это. Но при этом все были огорчены моим молчанием, которое они приписывали покорности. Один монах сказал мне, что все восхищались теми добродетельными поступками, которые совершала моя свекровь. Что касается меня, они не слышали, чтобы я что–нибудь говорила, и что, таким образом, я отдала свою потерю Богу. Но я не могла произнести ни единого слова, как бы я не пыталась. Я, на самом деле, была чрезвычайно измучена. Несмотря на то, что только недавно я лишилась своей дочери, я, все же приходила и сидела рядом со своим мужем в течение двадцати ночей до его смерти.

Больше года после этого я выздоравливала от усталости, к которой прибавились моя сильная слабость и боль, как тела, так и разума. Эта глубокая депрессия, отсутствие слез и оцепенение, в котором я пребывала, были такого рода, что я не могла произнести ни слова о Боге. Это сломило меня. Я едва могла говорить. Однако иногда я приходила в восхищение Твоей благостью, о мой Бог. Я прекрасно видела, что мои испытания не закончились, ибо моя свекровь пережила моего мужа. Я все еще была связана, имея двух детей, данных мне на такое короткое время до смерти моего мужа, что явно выглядело как действие божественной мудрости. Имей я тогда только моего младшего сына, я бы поместила его в колледж, а сама бы ушла в монастырь Бенедиктинцев. Но, таким образом, я нарушила бы все планы, которые Бог имел для меня. Я желала показать то уважение, которое я питала по отношению к моему мужу, тем, что позаботилась об устройстве великолепных похорон за свой собственный счет. Я также оплатила все счета, которые он мне оставил. Моя свекровь упорно сопротивлялась всему, что я делала для соблюдения своих интересов. Мне было не к кому обратиться за советом или помощью. Мой брат не оказал бы мне ни малейшего содействия. Я не была сведущей в делах коммерции. Но Бог, независимо от моей естественной способности понимать, всегда старался направить мои действия в соответствии с Его волей. Таким образом, Он наделял меня совершенной мудростью, которая помогала мне преуспевать во всем. Я не упускала ни малейшей детали и удивлялась, что мне было под силу разбираться во всех вопросах, никогда ранее им не обучаясь. Я справлялась со всеми документами и руководила всеми моими делами без чьей–либо помощи. Мой муж в свое время должен был заниматься большим количеством письменной работы, которую ему поручали. Я составила точный регистр всех документов, и некоторые из них послала их владельцам, что было бы для меня очень сложно без божественной помощи, потому что из–за длительной болезни моего мужа все было очень сильно запутано. Это принесло мне репутацию довольно способной женщины. Но было одно дело большой важности.

Несколько человек, в течение нескольких лет имевшие тяжбы в суде, обратились к моему мужу с просьбой разрешить их дела. Хоть это и не являлось первоочередным долгом такого джентльмена как он, они, все же, обратились именно к нему. Он обладал как знанием, так и благоразумием и согласился, питая любовь к некоторым из них. Это были двадцать исков, следовавшие один за другим, и касающиеся в целом двадцати двух человек, которые никак не

могли положить конец своим разногласиям по причине постоянно случающихся новых инцидентов.

Мой муж взялся показать эти документы юристам, но умер прежде, чем ему удалось дать этому делу какой–либо ход. После его смерти я послала уведомления, желая вернуть все документы, но истцы не хотели принимать их назад, умоляя меня хоть как–то уладить дела, предотвратив их разорение. Мне показалось столь смешным и невозможным взяться за дело с такими серьезными последствиями, для чего потребовались бы очень длительные обсуждения. Тем не менее, я согласилась, положившись на силу и мудрость Божию. Я уединилась где–то на тридцать дней для разрешения этих дел, не выходя никуда кроме трапезы и церковной мессы. Со временем арбитраж был готов, и они подписали его, даже не ознакомившись. Они все были настолько удовлетворены им, что не преминули опубликовать его везде, где только было возможно. Но только Бог был способен совершить все это, ибо, после того как дела были улажены, я больше ничего в них не смыслила, и с тех пор, если мне когда–либо приходиться слышать о подобных вопросах, они звучали для меня подобно арабскому языку.

Глава 23

Когда я стала вдовой, можно было бы ожидать, что мои испытания уменьшатся, но они только возросли. Эта вздорная служанка, вместо того, чтобы смягчиться, когда она теперь полностью зависела от меня, стала еще более озлобленной, чем когда–либо до сих пор. Живя в нашем доме, она накопила себе хорошее состояние, а я назначила ей ежегодную ренту. Кроме того, она получила пожизненную ренту за оказанные моему мужу услуги. В результате, она исполнилась тщеславия и высокомерия. Привыкшая ухаживать за инвалидом, теперь, чтобы быть всегда в бодром расположении духа, она прибегала к выпивке. Это уже вошло у нее в привычку. По мере того, как она старела и становилась слабее, даже небольшое количество вина действовало на нее. Я пыталась как–то скрыть этот недостаток, но он усугубился до такой степени, что его уже нельзя было укрывать. Я поговорила об этом с ее исповедником, для того чтобы он попытался мягко отговорить ее от этой привычки. Но вместо попытки воспользоваться советом своею наставника, она исполнилась против меня яростью. Моя свекровь, которая с трудом могла переносить невоздержанность других по отношению к спиртному, и часто сама говорила мне об этом, теперь встала на ее сторону, упрекая меня и оправдывая ее. В присутствии чужих людей в нашем доме, это странное создание кричало, что есть мочи, что я ее бесчещу, повергаю в отчаяние, являясь причиной всех ее проклятий, ибо я всегда поступаю по–своему.

Однако Бог даровал мне безграничное терпение. На все ее неистовые ругательства я всегда отвечала только с мягкостью и милосердием, проявляя по отношению к ней знаки моего наилучшего расположения. Когда другая служанка приходила прислуживать мне, она прогоняла ее с яростью, крича, что я ненавижу ее из–за того, что она с такой привязанностью служила моему мужу. Если же у нее не было желания приходить, я была вынуждена обслуживать себя сама. Когда она приходила, то лишь только для того, чтобы упрекнуть меня и наделать много шума. Когда мне очень нездоровилось, что случалось часто, эта женщина, казалось, была в отчаянии. Из этого я делала вывод, что все приходило от Тебя, Господь. Без Твоего позволения она вряд ли была способна на такое безответственное поведение. Она, казалось, была нечувствительна ни к каким недостаткам, но всегда считала себя правой. Все те люди, которых Ты употребил, чтобы заставить меня страдать, думали, что, так поступая, они служат Тебе.

Незадолго до смерти моего мужа я поехала в Париж с целью увидеться с господином Берто, который, однако, оказывал мне очень мало помощи как наставник. Не зная моего положения, а я была не в состоянии рассказать ему о нем, он испытывал бремя этого опекунства. Со временем он и вовсе отказался от него, написав мне, чтобы я нашла себе другого наставника. Я нисколько не сомневалась, что Бог открыл ему мое порочное состояние, и что этот отказ был самым верным признаком моего порицания. Но это происходило еще при жизни моего мужа. Теперь же мои повторные просьбы, и его сочувствие ко мне в связи со смертью моего мужа, возобладали над его решением в том, чтобы снова взять на себя руководство мною, которое все также очень мало мне помогало. Итак, я снова отправилась в Париж, чтобы увидеться с ним. Находясь там, я посетила его двенадцать или пятнадцать раз, но так и не смогла рассказать ему о своем состоянии. Я все же попросила его найти кого–то из духовенства для воспитания моего

сына, дабы избавить его от вредных привычек, и от неправильного отношения ко мне. Он смог найти для меня одного человека, о котором он получил очень хорошие рекомендации.

Затем я как–то пришла для личной беседы с господином Берто и мадам де С. Все это время он говорил со мной не более четверти часа. Он видел, что я ничего ему не отвечаю, ибо я не знала что сказать. Я не хотела говорить ему о тех благах, которые Бог даровал мне (не из желания скрыть их, но потому что Господь не позволял мне этого делать, рисуя передо мной только картины смерти). Господин Берто, таким образом, говорил со мной как с человеком, удостоенным большей благодати. Он оставил меня одну, считая, что он для меня ничего не сможет сделать. Бог так хорошо скрыл от него состояние моей души, желая заставить меня страдать, что господину Берто хотелось отослать меня назад. Он думал, что я не владею духом молитвы, и что мадам Гранже ошибалась, говоря ему об этом. Я делала все, что было в моих силах, чтобы быть ему послушной, но это было бесполезно. Я была недовольна собой, так как более верила господину Берто, нежели своему собственному опыту. В течение всего этого времени уединения я была склонна отдыхать в тишине и обнаженности мыслей. Я их замечала лишь по тому, как мне приходилось им сопротивляться. Я боялась упорядоченности своего разума, так как считала это нарушением повелений моего наставника. Это приводило меня к мысли, что я отпала от благодати. Я пребывала в состоянии небытия, удовлетворенная своим жалким уровнем молитвы, не завидуя тем высшим уровням, которыми обладают другие, и иметь которые я была недостойна.

Тем не менее, я весьма жаждала исполнять волю Божию, желая быть Ему угодной. Но я была совершенно в отчаянии из–за неспособности достичь этой заветной цели. В том месте, где я жила и бывала раньше в течение нескольких лет, был человек, учения которого воспринимали с подозрением. В церкви он пользовался уважением, что всегда обязывало меня оказывать ему почтение. Когда он осознал мою нерасположенность ко всем тем, в ком есть недостаток здравой веры, то, зная об определенном ко мне уважении, он употребил максимальные усилия, чтобы перетянуть меня на свою сторону. Я же возразила ему с такой ясностью и силой, что ему нечего было ответить в свою очередь. Но это еще более усилило его желание завоевать меня. Желая сделать это, он решил заключить со мной дружеские отношения. В течение двух с половиной лет он мне докучал. Так как он был всегда очень учтив, обладал обязывающим характером, а также прекрасно поддавался научению, я не испытывала недоверия по отношению к нему. Я даже втайне надеялась на его обращение, в чем, как оказалось, я ошибалась. Тогда я перестала с ним общаться. Он приходил узнать, почему он больше не может со мной видеться. В то время он проявлял такую приятность в отношениях с моим больным мужем, выказывая в этом все свое усердие, что я не могла его избегать. Однако я думала, что кратчайшим и наилучшим для меня способом было бы порвать с ним всякие отношения, что я и сделала после смерти мужа. Господин Берто не позволял мне делать этого раньше. Но теперь, когда он увидел, что не сможет обновить отношений со мной, то он и его сторонники возбудили против меня сильнейшие гонения. Эти джентльмены в то время пользовались одним методом, с помощью которого они очень скоро узнавали, кто принадлежал к их сторонникам, а кто был в оппозиции. Они посылали друг другу циркулярные письма, посредством которых за очень короткое время, им удавалось унизить меня во всех отношениях, что делалось очень странным способом.

Однако это не доставило мне больших неприятностей. Я была рада своей вновь обретенной свободе, намереваясь больше не вступать с кем бы то ни было в отношения, которые мне так трудно было бы разорвать.

Моя нынешняя неспособность совершать поступки благотворительности, как прежде, послужила этому человеку поводом разгласить повсюду, что раньше я совершала их только благодаря его стараниям. Желая приписать себе заслуги того, что побуждал меня делать только сам Бог, он зашел так далеко, что стал проповедовать против меня публично. Он говорил обо мне, как об особе, которая ранее служила ярким примером для общественности города, но теперь стала его позором. Он проповедовал несколько раз, говоря очень оскорбительные вещи. Хоть я и присутствовала на этих проповедях, и их было достаточно, чтобы привести меня в полное замешательство, ибо они оскорбляли всех, кто их слушал, смутить меня было невозможно. Я имела в себе самой собственное невыразимое осуждение. Я считала, что заслуживаю неизмеримо худшего, чем все то, что они могли обо мне сказать. Я считала, что если бы все люди узнали мое внутреннее состояние, они бы попирали меня ногами.

Так, моя репутация была разрушена с помощью ухищрений этого священника. Он привел к тому, что все набожные люди высказывались против меня. Я же считала, что как он, так и все остальные, были правы, и поэтому переносила все со спокойствием. Пристыженная, как преступник, который не осмеливается поднять глаз, я с почтением созерцала добродетели других людей. В других я не видела ни одного недостатка, а в себе не находила ни одной добродетели. Когда кому–то случалось похвалить меня, это было так, как если бы кто–то с силой нанес мне удар. Я говорила про себя: «Они так мало знают о моем жалком состоянии, и о том, как низко я пала». Когда кто–либо обвинял меня, я соглашалась с этим, как с верным и справедливым приговором. Иногда моя природа желала избавиться от этого жалкого состояния, но не могла найти никакого способа. Если я, практикуя что–то хорошее, пыталась продемонстрировать внешнюю видимость праведности, то мое сердце втайне упрекало меня как виновную в лицемерии и в желании казаться тем, кем я не являюсь на самом деле. Бог не давал этому успеха. О как превосходны испытания Провидения!

Все остальные испытания не имеют ценности. Часто я оказывалась очень больной и мне грозила опасность умереть. Тогда я не знала, как к этому подготовиться. Несколько набожных людей, которые были со мной знакомы, написали мне о тех слухах, которые распространял обо мне уже известный вам джентльмен. Я же не предложила им в ответ собственного оправдания, хоть и знала, что невиновна во все том, в чем меня обвиняли. Однажды, находясь в состоянии сильнейшей опустошенности и отчаяния, я открыла Новый Завет на этих словах, «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». Это на короткое время утешило меня.

Глава 24

Господь лишил меня всякой чувствительности к творениям или вещам сотворенным, что произошло в одно мгновение, подобно тому, как человек снимает свое облачение. После этого случая я более не имела ее к кому бы то ни было. И хоть Он совершил это благо, за которое я никогда не смогу Его отблагодарить, я была ни довольна, ни расстроена самим этим фактом. Мне казалось, что мой Бог так отчужден и недоволен мною, что не остается ничего, кроме скорби по поводу потери Его благословенного присутствия. Утрата моей репутации, возрастающая с каждым днем, стала задевать мое сердце, хоть мне и не позволялось оправдывать себя или печалиться.

Постепенно я становилась все более неспособна к какому бы то ни было виду внешней деятельности. Я не могла навещать бедняков, оставаться в церкви, практиковать молитву. Я охладела даже по отношению к Богу, став более чувствительной к своим неверным поступкам. Это все разрушало меня как в моих собственных глазах, так и в глазах других людей. Некоторые почтенные джентльмены делали мне предложения руки и сердца. Среди них были даже те, кто по светским меркам не должны были бы и думать обо мне. Они обычно предлагали мне свою руку в период моей самой глубокой внутренней и внешней опустошенности. По началу мне это казалось средством моего избавления от того отчаяния, в котором я пребывала. Но мне тогда казалось, что, несмотря на всю мою физическую и душевную боль, если бы даже сам король предложил мне руку и сердце, я бы с величайшим удовольствием отказала ему, чтобы показать Тебе, мой Бог, что со всеми моими страданиями я решилась принадлежать лишь Тебе одному. А если бы Ты меня не принял, осознание верности Тебе послужило бы мне небольшим утешением. Что до моего внутреннего состояния, я о нем никому не рассказывала.

Я попросту не говорила об этом, как молчала и по поводу поклонников, хоть моя свекровь всегда заявляла, что если я не выйду замуж, то только из–за того, что никто не пожелает брать меня в жены. Но для меня было достаточно знать, что Тебе, мой Бог, известно о моей жертве. (Я о ней никому не говорила ни слова.) В особенности о жертве одного из поклонников, чье благородное происхождение и внешняя привлекательность могли бы польстить моим склонностям и тщеславной природе. О, если бы я только могла надеяться, что буду приятна Тебе, эта надежда перенесла бы меня из Ада в Рай. Но я была так далека от того, чтобы осмелиться иметь эту надежду, что я боялась, как бы за этим морем бедствий не последовали вечные страдания из–за лишения Тебя. Я не решалась даже желать наслаждаться Тобой — так как хотела лишь не оскорбить Тебя.

В течение пяти или шести недель мое состояние было крайне тяжелым. Я совсем не могла есть. Ложка бульона повергала меня в полуобморочное состояние. Мой голос был настолько слаб, что когда кто–либо, желая услышать меня, приближался к моим устам, он едва мог различить слова. Я не могла увидеть надежду на спасение, и все же была не против смерти. У меня было твердое убеждение, что чем дольше я проживу, тем больше нагрешу. Но я думала, что из двух зол мне лучше выбрать ад, нежели способность грешить. Все то добро, которое Бог побуждал меня совершать, теперь казалось мне злом, и поступки мои казались исполненными

недостатков. Все мои молитвы, епитимьи, милостыни и благотворительность, казалось, восставали против меня, усугубляя мой приговор.

Я верила, что против меня выступало одно всеобщее осуждение, исходящее от Бога, от меня самой и всех творений, удовлетворить которое было не в моей власти. Странным казалось то, что грехи моей юности не причиняли мне никаких страданий. Они не включались в мое осуждение, но являлись просто одним универсальным свидетельством против всего сделанного мною добра и всех допущенных мною злых помыслов.

Когда я ходила к исповедникам, я ничего не могла им сказать о своем состоянии. Но если бы я и могла рассказать им, они бы меня не поняли. Они бы считали выдающейся добродетелью все то, что Твой чистый и целомудренный взгляд, мой Бог, отвергал как неверность. Именно тогда я осознала истину Твоих слов, что только Тебе дано судить о нашей праведности. О, как Ты чист! Кому под силу это постичь? В то время я обращала свой взор повсюду, ища, откуда может прийти моя помощь, но помощь моя могла прийти только от сотворившего небо и землю. Когда я увидела, что нет мне спасения, и я не обладаю собственным духовным здоровьем, тогда я исполнилась тайного самодовольства, не находя в себе никакого добра, на которое можно было бы положиться или опираться в спасении. Чем ближе была моя гибель, тем больше возрастала моя уверенность в Боге, несмотря на то, что Он казался так справедливо недовольным мною. Я ощущала, что в Иисусе Христе я имела все, что желала видеть в себе. О, сильные и праведные люди! Посмотрите, сколько вы найдете совершенного в сделанном вами для славы Божией. Что до меня, то я прославляю Его в моих немощах, ибо благодаря им я имею такого Спасителя!

Все мои несчастья и потеря репутации, которая, оказалась не такой серьезной, как я опасалась, (ибо все ограничивалось узким кругом людей), делали меня настолько неспособной к принятию пищи, что моя жизнеспособность казалась чудом. За четыре дня я съедала столько, сколько хватило бы на одну скромную трапезу. Я вынуждена была лежать в постели из–за слабости, так как мое тело было более неспособно удерживать возложенную на него нагрузку. Если бы мне удалось поверить, узнать или услышать, что кто–то из людей находился когда–нибудь в состоянии подобном моему, это принесло бы мне большое облегчение. Даже испытываемая мною боль казалась мне греховной. Духовные книги, которые я пыталась читать, только усугубляли мое самоосуждение. Я не находила в себе ни одного из тех состояний, которые в них описывались. Мне даже не удавалось до конца их понять. А когда в них обсуждались страдания, присущие определенным духовным этапам, то я была слишком далека, чтобы присвоить себе какое–либо из них. Я говорила себе: «Эти люди испытывают страдания, вызванные божественными действиями, а что до меня, то я грешу, и не чувствую ничего кроме моего собственного нечестия». Если бы мне тогда удалось отделить поступок греха от смущенности грехом, зная, что этим я не оскорблю Бога, все было бы для меня просто. Вот небольшое описание моих последних несчастий. Я рада Вам о них поведать, ибо в начале этого пути я совершила множество духовных измен, проявляя сильную привязанность, тщеславную услужливость, занимаясь бесполезными и утомительными беседами. Самолюбие и моя природа убеждали меня в их необходимости. Но что касается бесед, я бы и не смогла высказываться в манере принятой в обществе, или даже близкой к ней.

Глава 25

Первый религиозный человек, употребленный Богом для привлечения меня к Себе, и которому (по его желанию) я писала время от времени, ответил мне в период моего глубочайшего отчаяния. Он просил меня больше ему не писать, что означало его неодобрительную оценку моего состояния и то, что я была неугодна Богу. Отец иезуит, который ранее относился ко мне с огромным уважением, ответил мне в том же духе. Без сомнения, Твоя воля была в том, чтобы они дополнили чашу моей скорби. Я поблагодарила их за милосердие и вверила себя их молитвам. В то время я была настолько равнодушна к суждениям других людей, даже если это были величайшие святые, что они мало усугубляли мои страдания. Страдание от ощущения быть неугодной Богу и сильная склонность ко всем видам проступков — вот что причиняло мне самую острую и ощутимую боль. С самого начала я приучила себя переносить лишения и времена духовной засухи. Я даже предпочитала все это периодам изобилия, так как знала, что прежде всего остального мне нужно искать Бога. Раньше я даже имела некое внутреннее дарование в том, чтобы следовать за Даятелем, а всякого рода блага и дары пропускать мимо.

Но в это время мой дух и чувства были по Твоей, мой Господь, воле сокрушены, ибо Тебе было угодно погубить меня без милосердия. Чем далее я шла, тем больше всякое мое действие казалось мне грехом. Даже мои крестные мучения уже не казались мне крестными мучениями, но настоящими проступками.

Мне казалось, что я сама навлекла их на себя своими неосторожными словами и действиями. Я была похожа на человека, который, глядя через цветное стекло, видит все в одном цвете, в цвете, в который это стекло покрашено. Будь я тогда способна заниматься какой–либо внешней деятельностью или совершать епитимьи за свои грехи, как я делала это раньше, это бы приносило мне облегчение. Но мне было запрещено прибегать к последнему, кроме того, я стала столь боязлива, и ощущала в себе такую слабость, что мне казалось совершенно невозможным их совершать. Я с ужасом смотрела на них. Теперь я находила себя слишком немощной и неспособной к чему–либо подобному. Здесь я упускаю многое, в том числе и заботу обо мне Господа, а также те нелегкие пути, которыми мне приходилось следовать. Но так как моя цель представить здесь только одну общую картину, то я оставлю их в ведении Господа. После того как я была оставлена моим наставником, мне больше не доставляла беспокойства холодность, которую ко мне проявляли люди, находившиеся в его подчинении. Внутреннее смирение позволяло мне принимать отчуждение всех Божьих созданий. Мой брат также перешел на сторону моих недоброжелателей, несмотря на то, что ранее не был с ними знаком. Я верю, что именно Господь устраивал все подобным образом, ибо мой брат, будучи исполнен достоинства, без сомнения полагал, что поступает верно.

Однажды я вынуждена была отправиться по одному делу в город, где жили близкие родственники моей свекрови. Как все там изменилось! Когда мне случалось бывать там раньше, меня принимали самым благородным и обязывающим образом, угощая в каждом доме и соперничая в гостеприимстве. Теперь же они относились ко мне с крайним презрением, говоря, что они поступают так из желания отомстить мне за мое недостойное обхождение с их

родственницей. Когда я увидела, что дело зашло так далеко, и, что, несмотря на все мои старания и попытки угодить ей, я нисколько в этом не преуспела, я решилась открыто с ней объясниться. Я сказала ей, что идет молва о моем плохом к ней отношении, хотя моей главной заботой всегда было оказывать ей всяческие знаки почтения.

Если молва эта достоверна, я бы попросила ее согласия на мой переезд, ибо я бы не желала своим пребыванием приносить ей страдания, разве только если бы ситуация складывалась противоположным образом. Она очень холодно ответила мне: «Ты можешь делать, что тебе угодно, и хоть я и не говорила тебе об этом, но я также хотела бы жить отдельно от тебя».

Это обеспечивало мне чудесное освобождение, и я подумала, что мне нужно заняться переездом. Поскольку со времени моего вдовства я не наносила никаких визитов кроме самых необходимых или благотворительных, то многие люди были недовольны мною. Теперь они также были на стороне свекрови. Господь требовал от меня нерушимого молчания относительно всех моих страданиях, как внешних, так и внутренних. Ничто так не способствует умиранию плоти, как невозможность найти поддержку или утешение. Словом, я поняла, что в середине зимы я вынуждена уйти вместе со своими детьми и кормилицей моей дочери. В то время в городе не пустовало ни одного дома, поэтому Бенедиктинцы предложили мне жилье в их обители. Я была действительно в отчаянном положении. С одной стороны, я боялась лишиться моего креста, а с другой видела, что будет безрассудно навязывать свое присутствие той, которой я причиняю столько терзаний. Кроме того, я все еще продолжала зависеть от странностей ее поведения, так что когда я ездила в провинцию, чтобы немного отдохнуть, она жаловалась, что я оставляю ее одну. Если же я приглашала ее приехать ко мне, она отказывалась. Когда я говорила: «Я не осмеливаюсь пригласить вас, опасаясь причинить вам неудобство непривычным для вас ночлегом», она отвечала: «Это всего лишь отговорка, потому что ты не желаешь моего присутствия, а уезжаешь лишь только для того, чтобы быть от меня подальше». Когда я слышала о ее недовольстве моим проживанием в провинции, я всякий раз возвращалась в город. Но в городе она не переносила ни разговоров со мной, ни моего присутствия. Я сама была инициатором разговоров, стараясь не замечать ее реакции. Но вместо того чтобы как–то ответить мне, она отворачивалась от меня. Я часто посылала к ней свою карету, желая, чтобы она приехала и провела вместе со мной денек–другой в провинции. Но она отсылала карету назад безо всякого ответа. Если же я проводила здесь несколько дней подряд, не посылая ей кареты, она жаловалась на меня вслух. Словом, все, что я делала из желания ей угодить, лишь озлобляло ее, ибо это допускал Бог. В целом она имела доброе сердце, но его не было видно за сложным характером. Я не перестаю думать, что, все–таки, многим ей обязана. Однажды празднуя вместе с ней Рождество, я сказала ей с сильным чувством: «Мама, в этот день родился Царь мира, дабы принести этот мир нам. Во имя Его я молю вас о мире».

Я думала, что коснулась ее сердца, хоть она и не подала вида. Священник, с которым я ранее встречалась дома, будучи слишком далек от того, чтобы укреплять и утешать меня, говорил, что я не должна мириться с некоторыми вещами и, тем самым, только ослаблял меня, причиняя мне новые страдания. У меня не было достаточно власти, чтобы увольнять кого–либо из домашней прислуги, какими бы плохими или преступными они ни были. Как только кого–то

из них предупреждали о возможном увольнении, свекровь тут же становилась на их защиту, и в дело вмешивались все ее друзья. Когда я уже готова была уйти, один достойный господин из числа знакомых моей свекрови, услышал о моем уходе. Он всегда относился ко мне с уважением, хоть и не осмеливался показывать это открыто. Теперь он очень боялся, чтобы я не уехала из города, ибо он полагал, что вся округа много потеряет, лишившись моих пожертвований. Он решил поговорить с моей свекровью, применив всю мягкость, на которую только был способен, так как он хорошо ее знал. После этой беседы, она сказала, что не прогоняет меня, но если я уйду, она не будет меня удерживать. После этого он пришел встретиться со мной и хотел, чтобы я попросила у нее прощения, дабы доставить ей этим удовлетворение. Я сказала ему, что готова извиниться хоть и сотню раз, но я не знаю, что именно во всех моих поступках вызывало ее раздражение. Однако даже не в этом было все дело, ибо я нисколько на нее не жалуюсь. Я просто считаю неразумным продолжать житье ней, причиняя ей боль. Мое решение вызвано единственно желанием способствовать ее благу. Тем не менее, он пошел вместе со мной в ее комнату. Там я сказала ей, что прошу у нее прощения, и если я когда–либо вызвала ее недовольство, то это никогда не было моим намерением. Теперь в присутствии джентльмена, который является ее другом, я прошу, чтобы она сказала правду. Она сказала: «Я не тот человек, который будет терпеть оскорбления, и моя жалоба против вас лишь в том, что вы меня не любите и желаете моей смерти». Я ответила ей, что подобные мысли вовсе мне не свойственны. Я настолько от них далека, что буду лишь рада продлить дни ее жизни, проявляя наилучшую заботу и внимание, ибо моя привязанность к ней искренняя. Но она никогда не сможет поверить в это, до тех пор, пока будет слушать людей, которые клевещут на меня, какие бы свидетельства своей любви я бы ей не представляла.

Так же плохо они ко мне относились вместе со служанкой, которая была далека от того, чтобы проявлять ко мне уважение, ибо позволяла себе даже толкнуть меня, когда ей нужно было пройти. Она так поступала несколько раз как в церкви, заставляя меня уступать ей дорогу с грубостью и презрением, так и в моей комнате, упрекая меня своими словами. Но я никогда на это не жаловалась, ибо подобный характер однажды мог доставить неприятности ей самой. Свекровь все–таки была на стороне служанки. Тем не менее, мы обнялись и на этом закончили. Вскоре после этого разговора, когда я была в провинции, служанка, не находя больше выхода своей досаде вела себя подобным же образом с моей свекровью, так что та не силах была более это переносить. Она немедленно выставила ее на улицу. Здесь я должна отдать должное моей свекрови в том, что ей была присуща добродетель и здравый смысл. За исключением некоторых недостатков, которым подвержены люди, не практикующие молитву, она обладала многими хорошими качествами. Может быть, я и заставляла ее страдать, не имея такого умысла. Она же, ничего не подозревая, делала подобное по отношению ко мне. Я надеюсь, что все написанное мной не будет оскорблением для кого бы то ни было, если читатель не будет в состоянии воспринимать эту ситуацию с Божьей точки зрения.

Джентльмен, который так дурно со мной обошелся в результате разрыва наших отношений, имел связь с одной из прихожанок, которая затем вынуждена была покинуть страну из–за неприятностей, свалившихся на ее мужа. Сам он был обвинен в тех же вещах, в которых так бесцеремонно и несправедливо обвинял меня, и даже в поступках худшего характера, что

вызвало много шума и толков. Хоть я хорошо обо всем этом знала, Бог даровал мне мудрость ми когда не упоминать в своих разговорах о его падении. Напротив, когда мне кто–либо говорил о нем, я сожалела о случившемся, и ходатайствовала, желая смягчить его вину в этом деле. Бог так чудесно управлял моим сердцем, что оно никогда не стремилось к тщеславной радости, вызванной постигшим его несчастьем, угнетением, и всем тем злом, которое он ранее так усердно пытался навлечь на меня. Хоть я и знала, что моя свекровь была информирована обо всем происходящем, я никогда с ней этого не обсуждала, как не говорила и о неприятностях, которые он причинил упомянутой мною семье.

Глава 26

Однажды, еще при жизни моего мужа, подавленная печалью, не зная, что мне делать, я хотела поговорить с одним выдающимся человеком, обладающим несомненными достоинствами, который часто приезжал в наш город. Я написала, прося его о встрече и наставлении.

Но вскоре после этого я почувствовала угрызения совести, и голос в моем сердце сказал мне: «Зачем ты ищешь облегчения и желаешь сбросить с себя Мое иго?» После этого я немедленно послала ему записку, в которой просила его извинить меня, добавив, что написанное мною было скорее проявлением самолюбия, нежели необходимостью. Если ему известно, что значит хранить верность Богу, то я надеюсь, он не осудит меня за этот простодушный христианский поступок. Однако он выразил свое несогласие, что весьма меня удивило, ибо я была высокого мнения о его добродетели. Он имел добродетели, но все они были связаны с его жизнелюбием и деятельной натурой, а сам он при этом был совершенно чуждым пониманию умерщвления плоти. Ты, мой Бог, был моим наставником даже в этих путях, ибо я обнаружила это с восхищением после того, как все уже было в прошлом. Да благословенно будет Имя Твое на веки. Моя обязанность состоит в том, чтобы свидетельствовать о Твоей благости.

Прежде чем я продолжу свой рассказ, я должна упомянуть об одном факте, который Господь открыл мне для моего следования по Его пути, ибо Его благости было угодно вести меня по нему. Он заключается в том, что этот мрачный путь и есть наилучшее средство для умерщвления души, ибо здесь ей не оставлено ничего, на что можно было бы опереться для обретения уверенности.

Несмотря на то, что это и не применимо к какому–либо конкретному состоянию в жизни Иисуса Христа, в результате душа облекается во все черты Его образа. Нечистая и эгоистичная, она очищается как золото в плавильне. Ранее исполненная своих собственных суждений и собственной воли, теперь повинуется как дитя и более не находит воли в себе самой. Ранее она была готова бороться за всякий пустяк, теперь же тотчас уступает. И делает это не с колебанием и мучением, практикуя добродетель, но так как если бы это было естественной наклонностью. Ее собственные пороки исчезли. Это творение, ранее такое тщеславное, теперь не любит ничего кроме бедности, малости и смирения. Прежде она себя ставила выше других, теперь же других видит выше себя, обладая безграничным милосердием к своему ближнему. Она несет бремя его недостатков и слабостей, желая победить его любовью, что раньше было возможно лишь с приложением огромных усилий. Ярость волка становится кротостью ягненка. В течение всех моих испытаний и лишений я не искала отрады или передышки. Я не хотела ничего знать и видеть кроме Иисуса Христа. Моя комната служила мне моим единственным развлечением. Даже если рядом со мной была бы королева, которую я никогда не видела, и которую я достаточно сильно желала бы видеть, мне стоило только открыть глаза, и поискать ее взглядом, но я не делала этого. Я обожала слушать пение других людей, однако, хоть мне однажды и случилось четыре дня находиться в обществе той, которая слыла в мире обладателем лучшего голоса, я ни разу не попросила ее спеть. Это ее весьма удивило, ибо ей было известно, что, зная ее имя, я должна знать также и о чарующем великолепии ее голоса.

Однако я проявила некоторую неверность, спрашивая, в чем другие обвиняют меня. Я встретилась с одним человеком, который сообщил мне все. Хоть я и не подавала вида, но это послужило только к моему умерщвлению. Я поняла, что мое «я» еще слишком жизнеспособно. Я никогда не смогу рассказать о моих бесчисленных страданиях. Но число Божьих благостей настолько их превосходило и поглощало, что теперь я их больше не вижу. Странное безумие моего воображения в течение этих семи лет причиняло мне более всего страданий. Оно не давало мне покоя особенно последние пять лет. Мои чувства содействовали этому.

Я больше не могла закрывать глаза в церкви. Таким образом, держа все свои ворота и пути открытыми, я была как виноградник, отданный на разграбление, ибо та изгородь, которую устроил отец, была разрушена. Я видела всякого, кто заходил и выходил, и замечала все, происходящее в церкви. Ибо та же самая сила, что привлекла меня к внутреннему созерцанию, казалось, толкала меня к внешней рассеянности. Обремененная лишениями, отягченная гнетом и постоянно сокрушаемая крестными страданиями, я думала лишь о том, чтобы дни моей жизни, наконец, закончились. Во мне больше не оставалось надежды выбраться. Но, несмотря на все это, я думала, что в вечности я имею изобилие благодати и спасение, которое мы получили благодаря ней. Я стремилась только к тому, чтобы делать для Бога все, что в моих силах, хоть и боялась, что не смогу любить Его в достаточной мере. Видя то счастливое состояние, которого я лишилась, я желала в благодарности служить Ему, несмотря на то, что себе самой я представлялась жертвой приговоренной к закланию. Иногда воспоминание о счастливом периоде моей жизни вызывало у меня тайные желания дать своему сердцу расцвести и восстановить свои силы. Но я немедленно чувствовала себя отброшенной назад в глубину бездны, ибо полагала, что нахожусь в состоянии, которое заслуживают неверные души.

Мне казалось, мой Бог, что я навсегда отвергнута от Твоего взора, как и от взора всех остальных людей. Мое состояние со временем становилось все более мучительным. Но я перестала это чувствовать, и моя нечувствительность казалась мне последним сопротивлением ветхой природы. Моя холодность казалась мне холодностью смерти.

Это было действительно так, мой Бог, поскольку я умерла для самой себя, чтобы всецело жить в Тебе и в Твоей драгоценной любви. В заключение моего повествования, я должна сказать, что моя служанка пожелала стать монашкой ордена Варнавитов. Я написала об этом Отцу де ля Моту. Он ответил мне, что я должна обратиться к Отцу де ля Комбу, который в то время был настоятелем Варнавитов в Тононе. Это обстоятельство обязало меня обратиться к нему.

Я всегда испытывала тайное почтение к этому человеку, на котором была благодать Божья. Тогда я была очень рада возможности поручить себя его молитвам. В письме я описала ему мое отпадение от благодати Божьей, ибо за данные Им блага я отплатила самой черной неблагодарностью. Теперь это было несчастное существо, достойное всяческого сострадания, слишком далекое от приближения к Богу, ибо я стала полностью отчужденной от Него. Отец ля Комб ответил таким образом, как будто ему было дано знать свыше описание ужасающей картины моего состояния. Посреди моих несчастий мне вспомнилась Женева, этот странный образ, который вызвал у меня столько страхов. «Неужели, — говорила я, — чтобы пройти этот путь порицания, я должна достичь такой степени нечестия, чтобы моя вера закончилась

отступничеством (жители Женевы в основном были протестантами, кальвинистами)? Должна ли я теперь оставить церковь, за которую я готова была бы тысячу раз пожертвовать своей жизнью? И смогу ли я когда–нибудь отступить от той веры, верность которой я бы желала запечатлеть своей кровью?» Я испытывала такое неверие в саму себя, что не осмеливалась надеяться на что–либо, но зато имела тысячу причин для страха. Тем не менее, письмо Отца ля Комба, в котором он описывал свое нынешнее духовное состояние, в некоторой степени, подобное моему, возымело надо мной такое действие, что вернуло мир и спокойствие моему разуму. Я ощущала свое внутреннее единение с ним, как с человеком по–настоящему преданным благодати Божией. После этого мне во сне явилась женщина, которая сошла с Небес и сказала мне о Господнем повелении отправиться в Женеву. В 1680 году, где–то за восемь или десять дней до дня Святой Магдалины, я ощутила необходимость написать Отцу ля Комбу, и попросить его молиться обо мне, если он получит мое письмо до этого дня.

Но в противоположность моим ожиданиям, свыше было предопределено, чтобы он получил мое письмо вечером в день Святой Магдалины. Когда он молился за меня на следующий день, то ему трижды было убедительно сказано: «Вы оба будете пребывать в одном и том же месте». Он был невероятно удивлен, так как прежде ему не случалось получать внутренние послания. Я верю, мой Бог, что все это исполнилось, как в нашем внутреннем ощущении и переживаниях, так и в тех крестных страданиях, которые нам обоим пришлось претерпеть. Но также это исполнилось в Тебе Самом, который и есть наше истинное жилище, несравнимое ни с одним временным местом жительства.

Глава 27

Этот счастливый день святой магдалины моя душа была совершенно освобождена от всех терзаний. Этот процесс возрождения к новой жизни начался еще во время получения мною первого письма от Отца ля Комба. Но тогда это было подобно воскрешению мертвого человека к жизни, еще не освобожденного от своих погребальных одежд. В этот день я обрела совершенную жизнь и была полностью отпущена на свободу. Теперь я чувствовала, что я настолько возвышаюсь над своей ветхой природой, насколько ранее я пребывала под ее гнетом. Я была невыразимо исполнена радости, обретя Того, Которого я боялась потерять навеки, ибо теперь Он вернулся ко мне в неизъяснимом величии и чистоте. Именно тогда, мой Бог, я в Тебе нашла обновленным все то, чего я была лишена в предыдущее время. Мир, которым я теперь обладала, был святой, благодатный и неописуемый. Все то, чем я могла утешаться ранее, был только мир дарованный Богом. Но теперь я получила и обладала Богом мира. Однако воспоминания о моих прежних несчастьях все еще повергали меня в страх. Я боялась, как бы моя природа не нашла способа присвоить себе хотя бы часть обретенного мною. Как только ей хотелось увидеть или попробовать что–либо, неусыпный Дух Святой приходил и внушал мне к этому отвращение.

Это новое состояние было слишком далеко от самовозвышения или попыток присвоить себе заслуги его обретения. Мой опыт сделал меня чувствительной к тому, какой я была. Я надеялась, что смогу наслаждаться этим счастливым положением некоторое время, но я мало верила тому, что мое счастье может быть таким великим и неизменным. Если бы можно было судить о величине добра по степени тех страданий, которые ему предшествуют, я предоставляю возможность судить о моем счастье по тем скорбям, которые я претерпела, прежде чем его достигла.

Апостол Павел говорит нам, что «страдания этой жизни несравнимы с той славой, которая откроется в нас». Как это истинно по отношению к нашей жизни! Один день счастья был более ценен, нежели годы страданий. Действительно, именно в это время я поняла, насколько полезно было все, что мне суждено было пережить, хоть тогда это был всего лишь рассвет будущей жизни. Желание совершения добра было возвращено мне в большей степени, чем когда–либо. Оно возникало у меня совершенно свободным и естественным образом.

В начале эта свобода была не столь заметна. Но по мере того как я двигалась вперед, она возрастала. Мне выпал случай встретиться с господином Берто, и в эти несколько минут я сказала ему, что, по моему мнению, мое состояние сильно изменилось. Он, по–видимому, занятый чем–то другим, ответил: «Нет». Я поверила ему, ибо благодать научила меня отдавать предпочтение суждению других, и скорее верить им, нежели своему собственному опыту и мнениям. Но это не причинило мне беспокойства. Я была в равной степени безразлична ко всем состояниям, если только Бог был благосклонен ко мне. Я чувствовала, что каждый день Его блаженство во мне возрастает. Я делала всякое добро без эгоистичных побуждений и преднамеренных планов. Всякий раз, когда мысль о самой себе появлялась в моем разуме, я немедленно ее отвергала, как если бы в моей душе перед ней закрывалась завеса. Мое воображение также пребывало в таком оцепенении, что оно причиняло мне очень мало

беспокойства. Я восхищалась ясностью своего рассудка и чистоте всего моего сердца. Однажды я получила письмо от Отца ля Комба, в котором он писал, что Бог сообщил ему о Своих великих планах относительно меня. «Пусть они исполнятся, — сказала я тогда себе, — по справедливости или по милости, ибо это все едино для меня». Женева была все еще глубоко в моем сердце, но я никому о ней не говорила, ожидая, когда Бог явит мне Свою могущественную волю.

Я боялась, чтобы здесь не утаилась какая–нибудь уловка дьявола, способная сместить меня с моего нынешнего положения или выкрасть меня из моих обстоятельств. Чем более я осознавала свое собственную жалкую сущность, свою неспособность и ничтожность, тем яснее мне становилось, что все это приспосабливает меня к Божьим планам, какими бы они ни были. «О мой Господь, — говорила я, — возьми слабое и немощное для совершения Твоих дел, дабы вся слава была Твоей и дабы человек не мог никакое из Твоих дел присвоить себе. Ибо если Ты возьмешь человека выдающихся способностей и великих талантов, он что–то сможет присвоить себе. Но если Ты возьмешь меня, то будет явлено, что Ты, один, есть автор всякого соделанного добра». Так, я продолжала пребывать в спокойствии своего духа, предоставляя Богу ведение всякого дела и при этом оставаясь абсолютно довольной. Ибо, если Он потребует от меня чего бы то ни было, то Он и наделит меня необходимыми средствами для его совершения.

Я содержала себя в полной готовности решительно исполнять Его повеления, когда бы Он мне их не объявил, даже если бы для этого потребовалось пожертвовать своей жизнью. Я была освобождена от всех крестных мучений. Тогда я снова возобновила свою заботу о больных, перевязывание ран. Бог поручил мне выхаживать самых безнадежных из них. Когда хирурги были не в состоянии сделать что–либо, именно тогда Бог посылал меня лечить этих несчастных. О, какая радость сопровождала меня повсюду, ибо везде я находила Того, кто связал меня с Собой в Его собственной необъятности и безграничной вездесущности! О, как явственно мне удалось испытать то, что Он сказал в Евангелии устами четырех евангелистов! Один из них написал это дважды: «Всякий кто потеряет свою жизнь ради Меня, тот обретет ее; а всякий кто спасет свою жизнь, то потеряет ее». Когда я лишилась всех изобретенных людьми способов поддержки, и даже некоторых божественных, тогда я оказалась непреодолимо погружена в чистую божественную сущность, в которой я смогла оказаться, пройдя через все те пути, которые ранее лишь удаляли меня от нее. Лишившись всех даров, со всеми их утешениями, я обрела Даятеля. Лишившись ощущения восприятия Тебя в себе — я обрела Тебя, о, мой Бог, чтобы не потерять Тебя в Тебе, в Твоей собственной неизменности. О несчастные творения, которые все свое время питаются дарами Божьими, полагая, что в этом и сосредоточено все их благо и счастье. Как мне жаль вас, если вы остановитесь на этом. Остановитесь так близко от истинного покоя, и прекратите идти вперед к Самому Богу, не боясь лишиться тех дорогих вам даров, в которых вы ныне находите утешение! Сколь многие всю свою жизнь проводят, таким образом, и остаются о себе высокого мнения! Но есть и другие, которые, будучи призваны Богом умереть для себя, к сожалению всю свою жизнь проводят в этом умирании, внутренне агонизируя, но так и не найдя обитания в Боге посредством смерти и полного лишения своего я. Ибо они всегда желают удержать что–то лично для себя, прибегая к правдоподобным предлогам. Поэтому они никогда не лишаются своей природы перед лицом всей необъятности планов

Божьих. Им не дано наслаждаться Богом во всей Его полноте, что является лишением, ценность которого невозможно познать в этой жизни.

О мой Господь, какого только счастья я не вкусила, пребывая либо в уединении, либо же с моей маленькой семьей, где ничто не могло поколебать моего умиротворения! Когда я была в провинции, и нежный возраст моих детей еще не требовал от меня приложения многих усилий, ибо они были в хороших руках, я могла на большую часть дня уходить в лес. Там я провела столько счастливых дней, сколько горестных месяцев мне довелось пережить ранее. Ты, мой Боже, поступил со мной как со своим слугой Иовом, воздав мне вдвойне за все, что Ты взял и избавил меня от всех моих крестных мучений. Ты наделил меня чудесной способностью угождать всякому человеку. Меня удивляло, что теперь моя свекровь, которая всегда раньше на меня жаловалась, заявляла, что нет человека более довольного мною чем она. Хоть я не делала ничего, чтобы угодить ей. Та, которая раньше кричала на меня больше всех, теперь высказывала свое сожаление об этом и постоянно меня хвалила. Моя репутация была восстановлена с лихвою, в сравнении с тем, насколько она казалась мне потерянной. Я пребывала в абсолютном мире, как внешне, так и внутренне. Мне казалось, что моя душа уподобилась Новому Иерусалиму, о котором говорится в Апокалипсисе, приготовленном как невеста для своего мужа, где нет уже ни печали, ни слез. Я ощущала совершенное безразличие ко всему, что находится в этом мире, пребывая в таком великом единении с Божьей волей, что моя собственная воля казалась потерянной. Моя душа была не в состоянии уклоняться в какую–либо сторону, ибо ею завладела другая воля. Она питалась всем тем, что промыслу Божьему было угодно ежедневно ей посылать. Теперь она способна была находить лишь божественное благоволение, и это давалось ей столь легко и естественно, что она ощущала себя бесконечно более свободной, чем тогда, когда имела собственную свободу. Подобное влияние Провидения продолжалось и со временем усиливалось, становясь все совершеннее даже до сего часа. Я не могла пожелать чего–то по своему желанию, но всегда была довольна тем, что мне попадалось. Если кто–нибудь в доме спрашивал меня: «Ты хочешь это или то?», я всегда удивлялась, что во мне не осталось способности желать или выбирать.

В моей душе исчезло восприятие второстепенных предметов, как если бы высшая сила заполнила все пространство, которое они некогда занимали. Я уже даже не чувствовала той прежней сущности, которая была ранее ведома Его жезлом и посохом, потому, что теперь передо мной представал Тот единственный, Которому моя душа отдала все свои права. Мне представлялось, что вся она целиком и полностью перешла в Бога, чтобы составлять вместе с Ним единое целое, подобно тому, как маленькая капля воды упавшая в море, принимает все качества моря. О союз всех союзов, вымоленный у Бога для людей Иисусом Христом и заслуженный Им по праву! Как неразрывен становится он в той душе, которая затеряна в своем Боге! После осуществления этого божественного единения, душа остается сокрытой в Боге со Христом. Эта счастливая потерянность совсем не похожа на то временное, что достигалось во время экстаза, и которое скорее являются впитыванием, нежели единением, потому что после этого душа находит себя в прежнем состоянии. Но здесь она ощущает исполнение молитвы из Иоанна 17:21: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино…»

Глава 28

Я должна была поехать в Париж по одному делу. Войдя в какую–то церковь, где царил полумрак, я подошла к первому попавшемуся мне исповеднику, которого я не встречала ни до, ни после этого. Я совершила простое и краткое исповедание, не сказав при этом ни слова самому исповеднику. Однако он удивил меня, проговорив: «Я не знаю, кто вы — служанка, жена или вдова, но у меня сильное побуждение ободрить вас к исполнению того, что Господь вам открыл и что Он от вас требует. Мне нечего больше вам сказать». Я ответила ему: «Отче, я вдова, имеющая маленьких детей. Чего же еще Господь может потребовать от меня, как не заботиться должным образом о них и их воспитании?» Его ответ был таким: «Мне ничего не известно об этом. Вы знаете, когда Бог объявляет вам, что Он от вас требует. В мире нет ничего, чтобы воспрепятствовало вам исполнить Его волю. Иногда для этого человек должен оставить даже своих маленьких детей». Это чрезвычайно меня удивило. Тем не менее, я ничего ему не рассказала о моем отношении к Женеве. Я решила, что смиренно оставлю все, если Господь потребует от меня этого. В то же время я не считала это неким благом, к которому я стремилась или добродетелью, которую я желала приобрести. Это не было чем–то сверхъестественным, поступком, который заслуживал бы воздаяния со стороны Бога. Я лишь позволяла себе быть ведомой согласно моему долгу, каким бы он не был, не ощущая при этом различия между своей и Божьей волей внутри меня. Находясь в этом расположении духа, я продолжала жить в состоянии великого умиротворения вместе со своей семьей, пока один из моих друзей не пожелал поехать с миссией в Сиам. Он жил в двадцати лье от моего дома. Когда он был уже готов дать клятву об исполнении этой цели, он вдруг был остановлен побуждением поговорить со мной.

Он пришел немедленно и, так как еще колебался открывать мне свои намерения, то отправился помолиться в моей часовне, надеясь, что Богу на этот раз будут угодны его обеты. В то время как он совершал богослужение в моем присутствии, его вновь остановила некая сила. Он вышел из часовни, чтобы поговорить со мной. Тогда он и объявил мне о своем намерении. Несмотря на то, что я не могла ответить ему ничего определенного, я почувствовала в духе, что смогу открыть ему свои мысли о Женеве, которые когда–то давно меня взволновали. Я рассказала ему свой сон, который показался мне сверхъестественным.

Когда я это сделала, то ощутила сильное побуждение сказать ему: «Вам необходимо ехать в Сиам. Но Вы также должны послужить мне в этом деле. Именно с этой целью Бог прислал Вас сюда. Я хочу, чтобы вы дали мне свой совет». После трех дней размышления над этим вопросом и вопрошения о нем Господа, он сказал, что мне также следует ехать. Но чтобы лучше убедиться в правильности решения, следует встретиться с Епископом Женевы. Если он одобрит мои планы, то это будет знаком, что они от Господа, если же нет, то мне лучше их оставить. Я согласилась с его советом. Тогда он предложил, что поедет в Аннеси и поговорит с Епископом, привезя мне подробный рассказ о встрече. Поскольку он находился в летах преклонных, то мы обсуждали каким образом ему лучше проделать такое дальнее путешествие. На то время двое странников сообщили нам, что Епископ находится в Париже.

Я нашла, что это проявление сверхъестественного промысла Божьего. Мой друг посоветовал мне написать Отцу ля Комбу, дабы вручить дело его молитвам, так как он жил в то время поблизости. Затем он поговорил с Епископом в Париже. Я также поговорила с ним, имея возможность съездить в Париж. Я сказала ему, что мой план заключается в том, чтобы поехать в эту страну, где, употребив свое состояние, я смогу создать заведение для всех желающих служить Богу, отдавая Ему себя без остатка. Я добавила, что многие служители Божьи поддерживали меня в этом. Епископ одобрительно высказался относительно моего плана. Он сказал: «Новые Католики собираются обосноваться в Гекс, что рядом с Женевой. Это явилось им как промысел Божий». Я ответила ему, что у меня нет призвания ехать в Гекс, но только в Женеву. Он сказал: «Оттуда вы сможете отправиться и в этот город». Тогда я подумала, что именно такой путь открывает передо мной божественное Провидение, дабы я могла совершить путешествие с меньшими трудностями. Поскольку тогда мне еще не было известно ничего определенного о том, что Господь вручит мне, я не желала ничему противиться. «Кто знает, — говорила я, — ведь воля Господня лишь в том, чтобы я сделала вклад в создание этого заведения?» Я отправилась встретиться с настоятельницей Новых Католиков в Париже. Она казалась очень обрадованной и заверила меня, что охотно присоединится к моим действиям. Поскольку она была великой служительницей Бога, это подтвердило правильность моего решения. Когда мне удавалось немного поразмышлять, что бывало лишь изредка, я думала, что Богу нужно было избрать для такой цели ее, беря во внимание ее добродетели, а не меня с моей мирской сущностью. Когда я невольно смотрела на себя со стороны, то не могла поверить, что Богу угодно было меня употребить. Но когда я видела дела Божьи, тогда я осознавала, что чем ничтожнее я являюсь, тем более способна соответствовать Его планам.

Так как я не видела в себе ничего чрезвычайно выдающегося, считая себя существом, стоящим на нижней стадии совершенства, я представляла себе, что для воплощения сверхъестественных планов необходим необычайный уровень вдохновения свыше. Тогда это заставляло меня колебаться и опасаться обмана. Дело было вовсе не в том, что я боялась чего–то связанного с моим освящением или спасением, ибо это я доверила Богу, но я боялась не исполнить Его волю тем, что буду слишком ревностной или поспешной в ее исполнении. Я пошла спросить совета у Отца Клода Мартина. В то время он не дал мне окончательного ответа, попросив время на молитву, и пообещал написать мне о том, что покажется ему волей Божьей для меня. Я нашла обременительным обсуждать это дело с Господином Берто, как по причине его недоступности, так и зная о том, что он осуждает вещи сверхъестественные или же выходящих за рамки общепринятого. Так как он был моим наставником, я всегда подчинялась его словам, даже в противовес своим собственным мнениям и суждениям, откладывая в сторону все свои переживания, когда чувство долга обязывало меня верить и слушаться. Однако я подумала, что в деле такой важности я должна обратиться к нему, предпочтя его точку зрения мнениям всех остальных. Убедившись наверняка, он бы безошибочно сообщил мне волю Божию. Я пошла к нему, и он сказал мне, что мой план действительно был от Бога, и что у него и раньше было ощущение того, что Бог может что–то от меня потребовать. Таким образом, я вернулась домой, чтобы все поставить на свои места. Я очень любила своих детей, испытывая огромное удовлетворение от пребывания с ними, но все отдала Богу ради следования Его воле.

После моего возвращения из Парижа я вручила себя в руки Божьи, решив не делать ни единого шага, чтобы никоим образом не стараться содействовать успеху данного дела или же препятствовать ему, ускорять его или задерживать, но действовать только тогда, когда Он будет меня вести. Мне снились таинственные сны, которые предвещали мне крестные мучения, гонения и скорби. Но мое сердце готово было подчиниться всему, что будет предопределено Богом. Я помню один сон, который очень много для меня значил. Во сне я, исполняя какую–то важную работу, заметила рядом с собою маленькое животное, которое казалось мертвым. Я подобрала животное, вспомнив о некоторых людях, которые также кажутся мертвыми какое–то время. Я взяла его в руки и увидела, что оно яростно пыталось меня укусить. А когда оно чуть было не дотянулось до моего глаза, я отбросила его. Позже я увидела, что оно вонзило в мои пальцы свои заостренные шипы, похожие на иглы. Я пришла к одному моему знакомому, прося его забрать животное и вынуть эти шипы, но своими действиями он еще глубже вонзил их в мою руку и оставил меня в таком состоянии пока один милостивый священник, очень достойный человек (чье лицо до сих пор стоит у меня перед глазами, хоть мне не удавалось с ним встречаться в жизни, но я надеюсь увидеть его, прежде чем умру), достал эти шипы с помощью щипцов. Как только он схватил животное, эти острые шипы отпали сами.

Затем я увидела, что легко оказалась на месте, которое мне ранее казалось недосягаемым. И хотя болотная жижа была мне по пояс, я, нисколько не запачкавшись, прошла через нее, направляясь в какую–то пустую церковь. Впоследствии будет легко понять, что все это значило. Без сомнения вы удивитесь, что я обращаюсь к снам, хоть и отношу себя к тем людям, которые мало рассказывают о сверхъестественных вещах. Но сейчас я делаю это по двум причинам. Во–первых, желая быть верной своему обещанию не упускать ничего из своих воспоминаний. Во–вторых, потому что сны являются одним из способов, который Бог употребляет, чтобы Самому общаться с верными душами, давая им знамения будущих событий, которые их беспокоят. Так, во многих местах Священного Писания мы встречаем упоминание о мистических снах. Им свойственны определенные характеристики:

1. Они подтверждают свой мистический характер тем, что сбываются в назначенное время.
2. Они редко стираются из памяти, хотя человек и способен забыть все другие сны.
3. Они подтверждают свою истинность всякий раз, когда человек их вспоминает.
4. Обычно они оставляют некий привкус, некоторое божественное ощущение или оттенок во время пробуждения человека.

Мне приходили письма от разных религиозных людей, некоторые из которых жили далеко от меня, а также далеко друг от друга. Это были письма, относящиеся к моему желанию заняться служением Богу. Те из них, где говорилось о Женеве, по своему характеру были весьма удивительными. В одном из них меня уведомляли, что мне придется нести крест и терпеть гонения, а в другом говорилось, что я стану глазами для слепых, ногами для хромых и руками для калек. Священник или капеллан нашей семьи очень опасался, чтобы я не попала в заблуждение. Но Отец Клод Мартин, о котором я ранее упоминала, оказался тем, кто окончательно утвердил меня. Он написал мне, что после многих молитв Господь дал ему знать, что Он желает меня видеть в Женеве, готовой приносить Ему всякую добровольную жертву.

Я ответила ему, «что возможно Господь не требует от меня ничего кроме суммы денег для оказания помощи в создании заведения, которое там было решено основать». Он написал, что Господь открыл ему Свое желание не только употребить мою мирскую собственность, но употребить и меня саму. Одновременно с этим письмом я получила еще одно от Отца ля Комба. Он писал мне, что Господь дал ему подтверждение, как Он это делал нескольким своим добрым и верным рабам и рабыням, что Он желает видеть меня в Женеве. Авторы этих двух писем жили за сто пятьдесят лье друг от друга, однако, оба написали об одном и том же. Я могла только удивляться одновременному получению таких похожих писем от двух людей живущих так далеко друг от друга.

Как только я полностью убедилась в том, что все это является волей Господа и поняла, что ничто на земле не способно удержать меня, мои чувства о необходимости оставить детей начали причинять мне боль.

По недолгом размышлении об этом меня охватило сомнение. О, мой Господь! Если бы я полагалась в этой жизни на саму себя или на творения, я бы возможно восстала, опершись на сломанную трость, которая бы пронзила мне руку. Но чего мне было бояться, полагаясь лишь только на Тебя одного? Так я решилась ехать, не обращая внимание на осуждения людей, которые не понимают, что значит служить Господу, получая Его приказы и повинуясь им. Я твердо верила, что Он, посредством Своего Провидения, сделает все необходимое для воспитания моих детей. Все стороны моей жизни были упорядочены, и один Господь мог вести меня дальше.

Глава 29

В то время как провидение с одной стороны велело мне все оставить, с другой стороны, казалось, что удерживающие меня цепи становились сильнее, мой отъезд все более подвергался порицанию. Не было человека, который бы получал более сильные заверения в любви со стороны своей матери, чем те, которые я тогда получала от своей свекрови. Малейшее мое недомогание вызывало у нее сильное беспокойство. Она сказала мне, что испытывает благоговение перед моей добродетелью. Мне кажется, что такой перемене немало способствовало то, что она узнала о трех джентльменах, предлагавших мне руку и сердце, и о том, что я отказала им, хоть их состояние и достоинство были намного выше моих. Она помнила, как укоряла меня за это сопротивление, а я ни слова ей не отвечала. В го время она понимала, что принятие решения в пользу выгодного супружества целиком зависело от меня. Она стала опасаться, чтобы столь суровое обращение со мной, каковым оно было с се стороны, не побудило меня освободиться от ее тирании таким достойным способом. Также она чувствовала, каким ущербом это может обернуться для детей. Поэтому теперь она во всем была очень нежна со мной.

Однажды я серьезно заболела. Я подумала, что Бог принял мое согласие приносить Ему жертвы во всем и поэтому потребовал у меня мою жизнь. В течение этой болезни моя свекровь не отходила от моей постели, а проливаемые ею слезы свидетельствовали об искренности ее отношения. Я была под сильным впечатлением от этого и думала, что люблю ее так же, как любила бы родную мать. Как же мне теперь оставить ее, в летах столь преклонных? Служанка, которая раньше была моим бичом, вдруг воспылала ко мне немыслимой дружбой. Она хвалила меня везде, чрезвычайно превознося мои добродетели, служа мне со сверхъестественным уважением. Она умоляла меня простить ее за все страдания, которые она мне причинила и говорила, что умрет от горя, если я уеду.

В то время был один достойный священник, человек высоких духовных качеств, который впал в искушение, взяв на себя работу, которую, как я чувствовала, Бог не призывал его совершать. Боясь, что это может стать для него сетью, я отсоветовала ему заниматься ею. Он пообещал мне, что откажется, но затем принял предложение и согласился на эту работу. После он избегал встреч со мной, став на сторону людей клевещущих на меня, постепенно отпал от благодати и вскоре умер.

Также была одна монашка в монастыре, который я часто посещала, которая вошла в стадию очищения, на что многие в обители смотрели как на своего рода безумие. Ее часто закрывали, а все, кто приходил на нее посмотреть, называли ее состояние исступлением или меланхолией. Я знала ее, как человека набожного и попросила позволения с ней встретиться. Когда я пришла к ней, у меня создалось впечатление, что она ищет чистоты. Тогда я попросила Настоятельницу не запирать ее, а также не допускать к ней людей желающих на нее посмотреть, но поручить ее моим заботам. Я надеялась, что ее состояние изменится. Со временем мне удалось узнать, что самым болезненным для нее было то, что люди считали ее безумной. Я посоветовала ей оставаться безумной в глазах людей, поскольку и сам Иисус Христос почитал за честь прослыть безумцем в глазах Ирода. Принесение этой жертвы сразу же дало ей

умиротворение. Но так как Бог желал очистить ее душу, Он лишил ее всего того, к чему она раньше питала такую большую привязанность. Наконец, после того, как она терпеливо перенесла свои страдания, ее Настоятельница написала мне: «Вы были правы. Теперь она вышла из этого состояния подавленности, пребывая в большей чистоте души, чем когда–либо».

Господь открыл мне одной знать ее состояние. Это было начало проявления дара различения духов, который я получила позже во всей полноте. Зима перед моим отъездом была одной из самых длинных и тяжелых за последние несколько лет (1680–й год). За ней последовал период чрезвычайно острой бедности, что предоставило мне возможность практиковать благотворительность. Моя свекровь охотно присоединилась ко мне в этом и казалась очень изменившейся. Я могла только удивляться и одновременно радоваться этому. Каждую неделю мы раздавали в нашем доме более девятисот шестидесяти буханок хлеба, но частная благотворительная помощь беднякам, которые стеснялись ее принимать, была еще больше. Я всегда находила, чем занять мальчиков и девочек из бедных семей. Господь настолько благословил мои пожертвования, что я не замечала никаких убытков моей семьи. Еще до смерти моего мужа свекровь сказала ему, что я разорю его своей благотворительностью. Но он и сам был человеком настолько жертвенным, что в один из годов сильной дороговизны, будучи еще совсем юным, раздал нищим значительную сумму денег. Свекровь так часто повторяла ему свою угрозу, что он велел мне письменно изложить все мои денежные расходы, как затраты на содержание дома, так и все, что я приказывала покупать. Ибо так он мог лучше рассудить, из каких средств я жертвовала беднякам. Это новое обязательство, которое мне поручили, казалось мне тем более сложным, что за одиннадцать лет моего супружества этого никогда прежде от меня не требовали.

Но более всего меня беспокоил страх, что у меня не останется средств для раздачи нуждающимся. Однако я подчинилась повелению, нисколько, при этом, не урезав размера своих благотворительных расходов. Я не указала в описании ни одного из моих пожертвований, и все же мой отчет о расходах в точности отвечал необходимой сумме. Я была весьма удивлена и поражена, но посчитала это одним из чудес Провидения. Я ясно видела, что недостаток был возмещен из Твоей сокровищницы, о мой Господь, что сделало меня еще более щедрой в моем отношении к тому, что является Господней, а не моей собственностью. О, если бы люди знали, как дела благотворительности способны благословлять, умножать и обильно взращивать состояние даятеля, а вовсе не расточать или уменьшать его! Сколько в мире совершается бесцельного расточительства, которое можно было бы использовать для помощи бедным, и тогда, обильно восстановленное, оно бы щедро вознаградило семьи благотворителей.

Во времена моих самых суровых испытаний через несколько лет по смерти мужа (ибо они наступили за три года до моего вдовства и длились еще четыре года после него) мой лакей однажды сообщил мне (я тогда жила в провинции), что на дороге умирает бедный солдат. Я велела привезти солдата, и, приказав приготовить для него отдельное место, выхаживала беднягу в течение двух недель. Он был болен дизентерией, которой заразился в армии. Болезнь была столь отвратительна, что, несмотря на склонность наших слуг к проявлению милосердия, никто из них не был в состоянии к нему приблизиться. Я сама забирала его судно. Но мне никогда прежде не приходилось заниматься таким трудным делом. Я часто прилагала усилия и

заботилась о ком–то в течение пятнадцати минут. Порой мне казалось, что мое сердце не выдержит, но я никогда не отказывалась помочь. Иногда я в своем доме принимала бедных людей, чтобы перевязать их гноящиеся язвы; но никогда не сталкивалась с подобным ужасным случаем. Бедняга умер, после того как я помогла ему принять причастие.

Сейчас мне немалое беспокойство доставляло мое чувство нежности к детям, особенно к моему младшему сыну, к которому я питала особую любовь. Я видела в нем столько хороших наклонностей, что все, казалось, подтверждало мои ожидания. Я думала, что будет слишком рискованным оставлять его другому воспитателю.

Мою дочь я решила взять с собой, несмотря на то, что тогда она болела изматывающей ее лихорадкой. Однако Провидению было угодно совершить ее быстрое выздоровление. Те узы, с помощью которых Господь соединил меня с Собой, были бесконечно более крепкими, нежели узы из плоти и крови. Законы моего священного брака обязывали меня, оставив все, последовать за своим супругом туда, куда Его милости будет угодно меня призвать. Хоть я часто колебалась и испытывала много сомнений перед отъездом, я никогда не сомневалась в том, что этот отъезд был угоден Его воле.

Людям свойственно судить о вещах только по тому успеху, который они могут наблюдать. Поэтому возьми они за пример мое бесчестие и страдания, они бы посчитали мое призвание ошибкой, иллюзией или плодом моего воображения. Но именно само это гонение и множество странных испытаний, которые оно на меня навлекло (одно из них — мое нынешнее тюремное заключение) утвердило меня в его истинности и необходимости. Я убеждена более чем когда–либо, что мой отказ от всего есть чистейшее исполнение божественной воли. Именно в этом Евангелие являет свою истинность, ибо оно обещает тем, кто все оставит из любви к Господу, воздать «во сто крат больше в этой жизни и столько же в гонениях». И разве не имею я теперь бесконечно больше, нежели во сто крат, когда Господь взял у меня целое состояние. Но, пребывая в той непоколебимой твердости духа, которая дана мне в моих страданиях, в совершенном спокойствии посреди жестокой бури, окружающей меня со всех сторон, в невыразимой радости, просторе и свободе, которыми я могу наслаждаться в самом строгом и суровом заключении, я не желаю, чтобы мое заключение закончилось ранее положенного срока. Я люблю мои цепи. Все для меня едино, ибо я не имею собственной воли, но только любовь и волю Того, Кто мною владеет. Действительно, хоть мои чувства и не имеют такой склонности, но мое сердце не им подвластно. Моя стойкость исходит не от меня самой, но от Того, кто является моей жизнью, так что я могу сказать подобно апостолу: «Уже не я живу, но живет во мне Иисус Христос». В Нем я живу, двигаюсь и существую.

Возвращаясь к теме своего повествования, я должна сказать, что мое колебание не было вызвано поездкой с Новыми Католиками, но скорее, возможностью вступления в их общество. Я не испытывала к ним достаточно сильной привязанности, хоть и стремилась к ней. Я, в самом деле, хотела внести свой вклад в дело обращения заблудших душ, и Бог употребил меня в обращении нескольких семей, одна из которых состояла из одиннадцати или двенадцати человек, еще до моего отъезда. Кроме того, Отец ля Комб написал мне, желая использовать возможность совместно отправиться в путь, но не сообщил, нужно ли мне вступать в их

общество. Таким образом, само Провидение моего Бога, предопределившее исход дела, помешало мне вступить в их общество, чему я и сама так настойчиво сопротивлялась.

Однажды размышляя с человеческой точки зрения над всеми моими поступками, я заметила, что моя вера была пошатнувшейся, ослабленной из страха совершить ошибку. Этот рабский страх подогревался словами жившего в нашем доме священника, который говорил мне, что этот план слишком поспешный и неблагоразумный. Будучи несколько смущенной, я открыла Библию, и столкнулась с этим отрывком из Исайи: «Не бойся, червь Иаков, малолюдный Израиль, — Я помогаю тебе, говорит Господь, и Искупитель твой, Святый Израилев» (Ис. 41:14). А рядом с этими словами: «Не бойся, ибо Я искупил Тебя, назвал тебя по имени твоему; ты — Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою» (Ис. 43:1,2). Я обрела великое мужество, данное мне для отъезда, но не могла еще убедить себя, что будет лучше присоединиться к Новым Католикам. Тем не менее, я должна была встретиться с Сестрой Гарнье, их Настоятельницей в Париже, для того, чтобы мы могли действовать сообща. Но я не могла отправиться в Париж, так как эта поездка лишила бы меня возможности другой поездки, которую я должна была предпринять. Но тогда сестра сама пожелала приехать и встретиться со мной, хоть и была нездорова. Каким чудесным образом, мой Боже, Ты действовал посредством Своего Провидения, дабы все было приведено к исполнению Твоей воли!

Каждый день я была свидетелем новых чудес, которые поражали меня и укрепляли мою веру, ибо из–за своей отеческой благости Ты проявлял заботу даже о предметах незначительных.

Когда сестра Гарнье собиралась в дорогу, она внезапно заболела. И Ты позволил этому случиться, ибо так я смогла предоставить комнату человеку, который мог прояснить ситуацию и собирался приехать для встречи со мной. Поскольку она сообщила мне о дне своего отправления в путь, я узнала, что этот день обещал быть очень жарким и душным. Я понимала, что, окружив ее столь тщательным уходом дома, ей не позволят отправиться в путешествие в такую погоду (что и случилось на самом деле, как она мне после рассказывала). Тогда я помолилась, чтобы Господь усилил ветер и невыносимая жора спала. Не успела я помолиться, как поднялся очень освежающий ветер, чему я была чрезвычайно удивлена. Этот ветер не утихал в течение всего ее путешествия. Я вышла ей навстречу и сопроводила ее в свой загородный дом так, что никто не увидел и не узнал о ее приезде. Меня немного смущало, что двое из моих слуг знали ее. Но так как в то время я старалась привести к обращению одну даму, они подумали, что с целью этого обращения я и послала за Сестрой Гарнье, чей приезд необходимо было держать в тайне, чтобы не расстроить планы той дамы приехать ко мне.

Хоть мне ничего не было известно о полемических вопросах того времени, однако Бог так снабдил меня знанием и я прекрасно ответила на все возражения этой дамы, разрешив все ее сомнения. Так что ей ничего не оставалось, как отдать себя на милость Божью. Хоть сестре Гарнье и были присущи благодать и природное понимание, однако ее слова не возымели такого действия на эту душу, как те слова, которыми Бог наделил меня. Она сама в этом меня уверяла. Она не могла молчать об этом.

Тогда у меня появилось побуждение попросить ее обратиться к Богу, чтобы еще раз засвидетельствовать Его волю относительно меня. Но Ему было угодно не давать мне этого свидетельства, ибо Он желал, чтобы я отправилась в путь безо всякого другого заверения в

участии Его Провидения в моем водительстве. Сестра Гарнье не объявляла мне о своем решении в течение четырех дней. Затем она сказала мне, что не поедет вместе со мной. Услышав это, я удивилась еще более, ибо была убеждена, что Бог более склонен доверить ее добродетели то, чего Он не доверит моей ущербной природе. Кроме того, причина, которую она упомянула, казалась мне слишком человеческой и лишенной признаков сверхъестественной благодати. Это привело меня к некоторым колебаниям. Но затем, вновь ободрившись, преодолев собственное сопротивление, я сказала: «Поскольку я еду не ради вас, я смогу поехать даже без вас». Это в свою очередь удивило ее, как она мне сама призналась, ибо она думала, что после ее отказа, я откажусь от своей поездки.

Я уладила все вопросы, подписала контракт о сотрудничестве с Новыми Католиками, которое я считала разумным. Как только я это сделала, я ощутила сильное замешательство и волнение в разуме. Я рассказала сестре Гарнье о своих терзаниях, и о том, что я не сомневаюсь в желании Господа видеть меня в Женеве. «Однако, — сказала я, — Он не открывал мне, что желает видеть меня членом их общества». Она попросила дать ей некоторое время на молитву и причастие, после которых она скажет мне, чего Господь от меня требует. Так и случилось. Он абсолютно переменил ее интересы и склонности. Она сказала, что мне не следует связывать свою деятельность с обществом Новых Католиков, ибо это не соответствует замыслу Божьему. Мне только следует поехать с ее сестрами. Когда я буду на месте, Отец ля Комб, чье письмо она читала, прояснит мне дальнейшую волю Божью. Я сразу же согласилась с этим мнением, и моя душа вновь обрела сладость внутреннего мира. Моей первой мыслью было желание немедленно отправиться в Женеву. (Ранее я слышала, что Новые Католики собирались в Гексе.) Мне стало известно, что в Женеве также были Католики, и в любом случае, я смогу занять какую–нибудь небольшую комнату, не делая много шума, и не открывая себя на первых порах.

Мне были известны рецепты разных мазей, заживляющих раны, и в особенности от распространенной в той местности золотухи, от которой у меня было самое верное средство. Я надеялась, что таким способом смогу легко начать благотворительную деятельность, которой я должна заниматься, чтобы завоевать доверие многих людей. Я не сомневалась, что последуй я этому импульсу, мне бы сопутствовал успех. Но я думала, что должна последовать советам Епископа скорее, чем своим собственным решениям. Что я говорю? Разве Твое вечное Слово, о мой Господь, не действовало и не исполнялось в моей жизни? Человек говорит как присуще человеку, но когда мы смотрим на вещи с Божьей перспективы, то мы видим их совершенно в другом свете. Да, мой Господь, Твой план был не в том, чтобы поручить Женеву моим заботам, словам и делам, но чтобы дать ей мои страдания. Ибо чем более безнадежными мне кажутся внешние обстоятельства, тем более я исполняюсь надеждой на обращение этого города, посредством пути известного только Тебе одному. Позже Отец ля Комб говорил мне, что чувствовал сильную потребность написать мне, отговаривая меня от вступления в общество Новых Католиков. Он считал, что на это не было Господней воли, но упустил такую возможность. Что касается моего наставника, господина Берто, го он умер за четыре месяца до моего отъезда. У меня были некоторые предчувствия его смерти, и, казалось, он завещал мне частичку своего духа, доверив мне заботу о своих детях. Я боялась, что чек, который я заполнила, пожертвовав так много из запланированного мною для Женевы в пользу Новых

Католиков, был результатом действия плоти, которая не желает лишаться чего–либо. Я написала сестре Гарнье и попросила оформить контракт согласно моему первому решению. Бог позволил мне допустить этот промах, чтобы научить меня лучше ощущать Его заботу.

Часть вторая

Глава 1

Я уезжала, испытывая странное самоотречение и огромную легкость, с трудом осознавая причину своего решения оставить свою семью, которую я любила больше всего. Не имея никакой определенной уверенности, я все же надеялась, даже вопреки отсутствию надежды. Я отправилась к Новым Католикам в Париж, где Провидению было угодно совершить чудеса, чтобы скрыть факт моего присутствия. Они послали за нотариусом, который оформил контракт соглашения. Когда он прочел его мне, я ощутила в себе такое его непринятие, что не могла заставить себя дослушать его до конца, а тем более подписать. Нотариус удивился, но когда вошла сестра Гарнье и сказала ему, что не нужно оформлять контракта о сотрудничестве, он был удивлен еще больше.

С Божьей помощью я смогла привести все свои дела в порядок и написать разные письма, которые я посылала по вдохновению Святого Духа, а не по своему собственному желанию. Это было нечто ранее мною не переживаемое. Но в данный момент это было лишь началом того, что в дальнейшем проявилось в более совершенной форме. У меня было двое слуг, которых мне было очень тяжело отпускать, так как я не рассчитывала их брать с собой. Если бы я их оставила, они бы рассказали о моем отъезде, и тогда бы все бросились меня разыскивать. Так и случилось позже, когда все стало известно. Но Бог так устроил, что они захотели отправиться в дорогу вместе со мной. Их помощь мне была не нужна, и вскоре они вернулись во Францию. С собой я взяла только свою маленькую дочь и двоих служанок, которые бы могли нам помогать. Мы отправились в путь на корабле вдоль реки, хоть я и купила места в почтовом дилижансе, для того чтобы нас не нашли те, кто бросится нас там искать. Я направилась в Мелун, чтобы ждать там прибытия корабля. Было удивительно, что, находясь в лодке, мой ребенок непрестанно мастерил крестики, прося одного человека вырезать для этой цели палочки из тростника. Затем она разложила вокруг меня около трех сотен этих крестиков. Я позволила ей это сделать, опасаясь, что все это имеет некий важный смысл. Я ощущала внутреннюю уверенность, что я встречусь с испытаниями во множестве, и что этот ребенок сеял для меня кресты, чтобы я их затем пожинала. Сестра Гарнье, которая понимала, что мне будет невозможно избежать крестных испытаний, сказала мне: «То, что делает этот ребенок, выглядит весьма значительным». Повернувшись к маленькой девочке, она сказала: «Дай мне тоже немного крестиков, моя баловница». «Нет, — ответила она, — они все для моей милой мамочки». Скоро она отдала ей один, чтобы удовлетворить ее настойчивую просьбу, но продолжала еще больше крестов класть на меня, после чего пожелала, чтобы ей сорвали речных цветов, которые колыхались на воде. Сплетя из них венок, она возложила его на мою голову и сказала мне: «После креста тебе наденут корону». Я молча всем этим любовалась и предоставила себя без остатка чистой Божьей любви, ибо так поступает свободная жертва, готовая быть принесенной на Его алтарь.

За некоторое время до моего отъезда одна моя знакомая, искренне служившая Богу, рассказала мне видение касавшееся меня. Она видела мое сердце, окруженное терновником, глядя на которое наш Господь был очень доволен. И хоть казалось, что шипы вот–вот разорвут его, вместо этого они делали его еще краше, что вызывало еще большее одобрение Господа. В Корбейле, маленьком городке на реке Сене, в шестнадцати милях на юг от Парижа, я встретилась со священником, которого Господь ранее так сильно употребил, чтобы привлечь меня к Своей любви. Он одобрил мое решение предать все Господу, но полагал, что мне не подходит сотрудничество с Новыми Католиками. Он рассказал мне о них некоторые факты, показывая, что наши цели несовместимы. Он предупредил меня, чтобы я не рассказывала им о своем внутреннем духовном опыте. Если же я сделаю это, то мне не миновать гонений с их стороны. Но тщетно скрывать что–либо, если Бог считает нам необходимым пройти через страдания, когда наша воля до конца подчинена Ему и слита с Его волей. Находясь в Париже, я передала Новым Католикам все деньги, которые у меня были. Себе я не оставила ни единого пении, радуясь, что могу быть бедной, следуя примеру Иисуса Христа. Я привезла тогда из дома девять тысяч ливров. Из этой суммы я ничего себе не оставила, хотя по контракту должна была им отдать лишь шесть тысяч. Эта разница позже была возвращена моим детям, но не мне. Это совершенно меня не беспокоит, ибо бедность, обретенная таким образом, и есть то, что составляет мое богатство. Остальное я полностью отдала сестрам, которые были с нами, с тем, чтобы оплатить их дорожные расходы, а также для покупки мебели. Я оставила себе немного одежды, поручив все это общим заботам. Также у меня не было какого–либо сундука на замке или сумки с вещами. Я привезла с собой лишь немного белья, не доверяясь случаю. Ибо желание взять с собой одежду могло бы привести к раскрытию моего отъезда. Мои преследователи не преминули сообщить, что я взяла с собой из дому большие суммы денег, которые я, якобы, дерзко расточила и раздала друзьям Отца ля Комба. Это была ложь, ибо у меня не оставалось и пенни.

Приехав в Анненси, я увидела одного бедного человека, просящего милостыню. Не имея ничего, я отдала ему пуговицы со своих рукавов. В другой раз я подала нищему во имя Иисуса Христа маленькое простое колечко. Я предупредила, что на кольце выгравирован символ брачного завета с Господом. Затем мы догнали почтовый дилижанс в Мелуне, где я оставила Сестру Гарнье. Свое путешествие я продолжала уже вместе с другими сестрами, которые не были мне знакомы. Поездка в экипаже была очень утомительной, и в течение всего долгого пути я так и не смогла уснуть. Моя дочь, очень нежный ребенок всего пяти лет от роду, также едва засыпала. Нам удавалось переносить сильнейшую усталость, но, несмотря на это, мы не заболевали. Мой ребенок ни одного часа не ощущал дискомфорта, хоть ей удавалось поспасть не более трех часов за ночь. В другой ситуации, испытывай я хоть вполовину меньшую усталость, или же просто имея недостаток отдыха, я бы могла легко заболеть. Одному только Богу известно, к каким жертвам Он меня побудил, и каким радостным было мое сердце, когда я все отдавала Ему. Имей я царства и империи, думаю, что отдала бы их еще с большей радостью, чтобы предоставить Ему высочайшие доказательства своей любви. Как только мы прибыли в гостиницу, я пошла в церковь и оставалась там до ужина.

Еще в экипаже мой дивный Господь говорил со мной и внутри меня, чего не могли понять или почувствовать другие. Та бодрость, которую я проявляла в минуты самых больших опасностей, очень воодушевляла путешествующих со мной. Я даже пела радостные гимны, ощущая себя избавленной от богатств, почестей и затруднений этого мира. Таким образом Бог охранял нас в течение всего пути. Казалось, Он был для нас «огненным столбом ночью и облаком в течение дня, сопровождающим нас».

Однажды нам случилось проезжать через довольно опасный участок между Лионом и Шамберри. Наш экипаж сломался, когда мы выходили из него. Но случись это чуть–чуть позже, и мы бы погибли.

Так мы прибыли в Аннеси вечером в День Святой Магдалины, 1681 года. В этот же День Святой Магдалины Епископ Женевы совершил для нас богослужение на могиле Святого Франциска де Саля. Именно там я обновила свой духовный брачный союз с моим Искупителем, что я делала каждый год в этот день. Там же ко мне вернулось сладкое воспоминание об этом святом, с которым наш Господь даровал мне особенный союз. Я называю это союзом, так как верю, что в Боге душа обретает единение со святыми. Этот союз укрепляется по мере того, как человек все более уподобляется Христу. Этот союз, который Богу угодно обновлять после смерти человека, пробуждается в душе единственно для Его славы. В это время умершие святые находятся в более близких отношениях с душой в Боге, и это общение более походит на духовную беседу близких друзей в Том, который соединяет их узами бессмертия.

В тот день мы выехали из Аннеси и на следующий приехали на мессу в Женеву. Я испытала огромную радость от участия в хлебопреломлении. Мне казалось, что Бог еще сильнее привлек меня к Себе. Там я молилась Ему, прося об обращении этих прекрасных людей. Вечером того же дня мы прибыли в Геке, где нашли лишь пустые стены. Епископ Женевы заверил меня, что дом обставлен, и без сомнения, он думал, что так оно и есть. Тогда мы остались на ночлег у сестер милосердия, которые оказались так милостивы, что предоставили нам свои постели. Я очень беспокоилась о своей дочери, которая заметно похудела. Тогда я очень хотела поместить ее в монастыре Урсулинок в Тононе. Мое сердце так болело за нею, что я тайком не могла удержаться от слез. На следующий день я сказала: «Я отвезу свою дочь в Тонон, и оставлю ее там, пока не увижу, как мы сможем здесь устроиться». Моему решению сильно возразили, что показалось мне проявлением жестокосердия и неблагодарности, хоть они и видели, что она превращалась в скелет. Я смотрела на этого ребенка как на жертву, которую я так неблагоразумно принесла. Я написала Отцу ля Комбу, прося его встретиться со мной, чтобы вместе обсудить сложившуюся ситуацию. Я считала, что не должна сознательно держать ее здесь дольше. Прошло несколько дней, а я все еще не получила ответа. В то же время я полностью поручила себя воле Божьей в том, получу ли я помощь или нет.

Глава 2

Наш господь сжалился, видя плачевное состояние моей дочери, и устроил так, что Епископ Женевы написал Отцу ля Комбу, чтобы тот как можно скорее приехал к нам и дал нам свой совет. Как только я увидела отца, я была удивлена, ощутив ту внутреннюю благодать, которую я могла бы назвать взаимопониманием. Прежде мне не доводилось иметь такого взаимопонимания ни с одним другим человеком. Мне казалось, что действие благодати переходило от него ко мне, протекая через внутренний канал душ, затем возвращалось от меня к нему, таким образом, что он ощущал то же самое. Подобно течению волн, оно имело свои приливы и отливы, впадая в божественный невидимый океан. Это то чистое и святое единение, которым управляет лишь один Бог, и которое не только продолжало существовать, но и возрастало. Это союз, лишенный каких–либо недостатков и всяких эгоистических интересов. Он побуждает радоваться в нем тех, которые им благословлены, когда они видят себя и тех других людей, несущих свой крест и страдания. Это союз, который не нуждается в телесном присутствии. Иногда отсутствие или присутствие человека не играет роли, ибо этот союз невидимый для людей. Он ведом лишь тем, кто его переживает. Он доступен тем душам, которые слиты с Богом. Так как я до сих пор в жизни никогда не испытывала подобного единения ни с одним человеком, то оно показалось мне чем–то совершенно уникальным. Я нисколько не сомневалась, что этот союз исходит от Бога, ибо, вовсе не отвращая от Него моего разума, он еще глубже привлекал меня в общение с Богом. Все мои боли рассеивались, и в сердце воцарялся самый глубокий мир. Бог дал ему открыть мне свой разум. Он сообщил мне о тех милостях, которые Бог оказал ему и о нескольких сверхъестественных вещах, рассказ о которых поверг меня в начале в некоторый страх. Я подозревала обман, особенно в отношении того, что казалось очень лестным в будущем. Но я мало себе представляла, что Бог может употребить меня, чтобы вытащить Отца из этого состояния и привести его к кристально чистой вере. Но та благодать, которая текла от Него в мою душу, исцелила меня от этого страха. Я видела, что во всем здесь присутствует величайшее смирение. Ни один человек не был бы о себе низшего мнения, чем этот человек. Он был слишком далек от превозношения по поводу собственной глубокой учености или даров, которыми Господь суверенно его наделил.

В отношении моей дочери он сказал, что лучше всего будет отвезти ее в Тонон, где она будет очень хорошо себя чувствовать. Что касается меня самой, то после упоминания о моем неодобрительном отношении к образу жизни Новых Католиков, он сказал, что мне не следует сотрудничать с ними. Он считал, что мне нужно остаться здесь, освободившись ото всех обязательств, пока Бог, посредством Своего Провидения, не сообщит мне, как Ему угодно мной распорядиться. Тогда он привлечет мой разум к тому месту, куда Он укажет мне переехать.

К тому времени я стала пробуждаться каждую ночь для молитвы. Я просыпалась с такими словами в моем разуме: «Обо мне написано, я иду исполнить волю Твою, о мой Боже». Эти слова сопровождались самым чистым, проникновенным и могущественным общением благодати, которое мне когда–либо доводилось переживать. Несмотря на то, что моя душа уже утвердилась в этой новой жизни, однако и эта новая жизнь больше не протекала в своей прежней

неизменности. Это было начало жизни и ее восход, который возрастает, достигая своего абсолютного зенита. Это день, который больше не сменится ночью, жизнь, не имеющая в себе страха смерти, ни даже самого семени смерти, потому что тот, кому было дано пережить первую смерть, больше не пострадает от второй. Я стояла на коленях в молитве от полуночи до четырех часов утра, пребывая в святой беседе с Богом. То же самое повторялось на следующую ночь. На другой день, после молитвы, Отец ля Комб сказал мне, что по его убеждению, я являюсь неким камнем, предназначенным Богом для основания какого–то великого строения. Ему, как и мне, не было известно, чем именно являлось это строение. Каким бы образом оно не было бы совершено, угодно ли Его божественному Величеству по Ему одному известному плану употребить меня в этой жизни, или же Он желает использовать меня, как один из многих камней для создания нового небесного Иерусалима? Мне кажется, что такой камень может быть обработан только лишь ударами молота. Наш Господь наделил мою душу качествами камня: твердостью, упорством, нечувствительностью и силой преодолевать боль, находясь под действием Его руки. Я отвезла свою маленькую дочь к Урсулинкам в Тонон. Ребенок очень привязался к Отцу ля Комбу, говоря: «Он хороший отец, он от Бога».

Здесь же я встретилась с отшельником, которого все звали Ансельм. Он слыл человеком исключительной святости. Родом он был из Женевы, и Бог чудесным образом привлек его оттуда в возрасте двенадцати лет. В девятнадцать лет он стал отшельником ордена Августинцев. Он и еще один человек жили в небольшом убежище отшельников, где они за все время не видели никого, кроме тех, кто приходил посещать их часовню. В этой хижине он прожил двенадцать лет. питаясь только бобами с солью и иногда подсолнечным маслом. Три раза в неделю он жил только на хлебе и воде. Он никогда не употреблял вина и обычно имел только одну трапезу в течение двадцати четырех часов. Власяница была его одеждой, и спал он на голой земле. Ансельм пребывал в постоянной молитве, находясь в состоянии величайшего смирения. Через него Бог сотворил много великих чудес. Этот добрый отшельник был способен глубоко ощущать Божьи планы относительно Отца ля Комба и меня. Но в то же самое время Бог показал ему, что готовит для нас обоих необычные испытания, и что оба мы предназначены для помощи другим душам.

Я не нашла, как и подозревала, подходящего места для своей дочери в Тононе. Я себя сравнивала с Авраамом, когда ему нужно было принести в жертву своего сына. Отец Ля Комб говорил мне: «Приветствую тебя, дочь Авраама!» Но я находила мало утешительного в том, чтобы оставить ее, и в го же время не могла держать ее при себе, так как у нас не было места. Те маленькие девочки, которых они взяли, чтобы воспитывать их в Католическом духе, были все совершенно разные и к тому же имели вредные привычки. Я считала, что будет ошибкой оставить ее там. В этом месте было слишком много серьезных испытаний, таких как языковая проблема в стране, где едва кто–нибудь знал французский, и еда, которую она не могла есть, ибо она очень отличалась от нашей. Во мне пробудилась вся моя нежность к ней, и я считала себя орудием ее гибели. Я переживала подобное тому, что переживала Агарь, когда она оставила своего сына Измаила в пустыне, дабы не видеть его смерти. Я думала, что даже если я осмеливаюсь подвергать себя лишениям, то я обязана, по крайней мере, оградить от них свою дочь. Мне казалось, что утрата ею возможности образования и, может быть, даже лишение

жизни являются неизбежными. Все в ее жизни было окутано мраком. Обладая такими естественными дарованиями и способностями, она могла бы вызывать у людей восхищение, если бы ее воспитание проходило во Франции. Там бы она могла иметь такие партии в браке, о которых не смогла бы и мечтать, находясь в этой бедной стране, в которой она не найдет достойного себе предназначения, даже если после болезни станет на ноги. Здесь она не могла есть ничего из предлагаемых ей блюд. Все что поддерживало ее существование, это был малоприятный и невкусный бульон, который я силой заставляла ее есть. Мне казалось, что я и есть второй Авраам, занесший над ней нож для убийства. Наш Господь мог бы заставить меня принести Ему эту жертву, не давая при этом никакого утешения. Лишь ночью я давала выход своей печали, в которую я была целиком погружена. С одной стороны, я представляла себе скорбь ее бабушки. Когда она узнает о смерти девочки, то будет обвинять меня и мое решение увезти от нее ребенка. Затем также все родственники будут упрекать меня в этом поступке. Те природные дарования, которыми она была наделена, теперь были подобны заостренным стрелам, вонзавшимся в меня. Я думаю, что Бог назначил мне эти испытания, чтобы очистить меня от той человеческой привязанности, которая все еще жила во мне. После моего возвращения от Урсулинок в Тойоне, я узнала, что ее питание было изменено. Теперь ей давали подходящую пищу, в результате чего она в скором времени выздоровела.

Глава 3

Так только во франции стало известно, что я уехала, это вызвало всеобщее негодование. Отец де ля Мот написал мне, что все набожные и образованные люди единодушно меня осуждают. Чтобы испугать меня еще больше, он сообщил мне, что моя свекровь, которой я доверила своего младшего сына и состояние моих детей, впала в состояние детства. Это, однако, было неправда.

Я ответила на все эти устрашающие письма так, как Дух меня вдохновлял. Мои ответы на все их упреки были сочтены весьма справедливыми, и вскоре яростные восклицания сменились аплодисментами. Отец де ля Мот, казалось, сменил свое негодование на почитание, но это продолжалось недолго. Его личные интересы вновь восторжествовали, ибо он не получил пенсии, которую как он ожидал, я должна была ему назначить. Сестра Гарнье также изменилась и высказывалась против меня, по какой–то лишь ей одной известной причине. Я спала и ела очень мало. Пища, которой нас кормили, была гнилой и переполненной червями из–за весьма жаркой погоды и слишком длительного хранения. То, на что раньше я смотрела с огромным отвращением, теперь стало моим единственным источником питания. Однако мне легко было все это переносить. Все больше и больше я находила в Боге все то, чего я ради Него лишилась. То духовное состояние, которое мне казалось утерянным в некоем странном душевном оцепенении, было вновь восстановлено с немыслимыми преимуществами. Я поражалась самой себе. Я находила, что не было такой деятельности, для которой я бы не подходила и в которой не имела бы успеха. Наблюдавшие за мной со стороны, говорили, что мне присущи потрясающие способности. Но я прекрасно знала, что мои способности ничтожны, и лишь только в Боге мой дух обрел то качество, которого он никогда ранее не имел. Я думала, что переживаю состояние, подобное тому, что имели апостолы после получения ими Святого Духа. Я просто знала, понимала и осознавала внутри своего естества, что имею способность ко всякому необходимому делу. Я обладала всяким благом, и при этом, ни в чем не нуждалась. Когда в душе человека формируется образ вечной мудрости Иисуса Христа, что происходит после смерти первого Адама, то она обретает все те блага, которые покоятся в этой мудрости.

Через некоторое время после моего прибытия в Геке, Епископ Женевы приехал встретиться с нами. Его вдруг озарила такая убежденность мысли, что он не мог не выразить своих ощущений. Он открыл мне свое сердце, говоря о том, что Бог от него требовал. Он исповедал мне свое отступление от Бога и неверность Ему. Каждый раз, когда я с ним беседовала, он глубоко вникал в сказанное мною и признавал мои слова абсолютной истиной. Действительно, сам Дух истины вдохновлял мои слова, без которого я бы оставалась простачкой. Однако когда с ним говорили люди, искавшие собственного превосходства, и воспринимавшие только благо, исходившее от них самих, он проявлял слабость обманываться представлениями, противоречащими истине. Эта слабость помешала ему совершить все то добро, которое, в другом случае, он мог бы совершить. После нашего разговора он сказал, что намеревался мне предложить в наставники Отца ля Комба, ибо он был человеком просвещенным Богом, прекрасно понимавшим внутреннюю духовную стезю и обладал уникальным даром умиротворять человеческие души. Я радовалась, когда Епископ назначил именно его, видя, что в

этом случае власть пребывает в единении с благодатью, которая уже даровала его мне в наставники, посредством союза сверхъестественной жизни и любви.

Моя усталость и постоянная забота о дочери повергли меня в жестокую болезнь, сопровождавшуюся острой болью. Врачи опасались за мою жизнь, однако сестры этого дома совершенно оставили меня. Управительница была так бедна, что не давала мне необходимого для поддержания жизни. У меня же не было ни пенни, ибо я ничего не сохранила для себя лично. Кроме того, они получали все деньги, пересылаемые мне из Франции, которые были довольно значительными. Я же пребывала в бедности и остро нуждалась, даже находясь среди тех, кому я пожертвовала все. Они написали Отцу ля Комбу, прося его приехать ко мне, так как я была очень больна. Узнав о моем положении, он испытал такое сострадание, что решил идти пешком всю ночь. Он не путешествовал иным образом, стараясь в этом, как и во всем остальном, подражать нашему Господу Иисусу Христу.

Как только он вошел в дом, мои боли утихли, а когда он помолился и благословил меня, положив руку мне на голову, я была совершенно исцелена, к великому изумлению моих врачей, которые не желали признавать это чудо. Эти сестры советовали мне вернуться к дочери. Отец ля Комб возвращался вместе со мной. Ужасная буря поднялась на озере и моя болезнь стала возвращаться. Казалось, корабль вот–вот пойдет ко дну. Но рука Провидения замечательно явила свою силу, защитив нас настолько, что это было замечено даже моряками и пассажирами корабля. Они смотрели на Отца ля Комба как на святого. Так мы прибыли в Тонон, где я настолько окрепла, что вместо приготовления и применения тех лекарств, которые мне предлагали, я пробыла в уединении дней двенадцать.

Тогда я взяла на себя обеты вечного целомудрия, бедности и послушания, обязуясь повиноваться всему, что я буду считать волей Божьей, а также повиноваться церкви и почитать Иисуса Христа так, как Ему угодно. В это время я полагала, что имею совершенную чистоту любви к Господу, которая была лишена ограничений, разделений или каких–либо личных интересов.

Мне была присуща также абсолютная бедность посредством лишения всего, что было моим, как внешне, так и внутренне. Но еще было то совершенное послушание воле Господней, подчинение церкви и почитание Иисуса Христа в любви только к Нему, последствия чего не заставили себя долго ждать. Когда, лишившись самих себя, мы помещены в Господа, наша воля становится одним целым с Его волей, как сказано в молитве Христа: «…как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоанна 17:21). Именно тогда эта воля становится наиболее восхитительной. Во–первых, потому, что она состоит из воли величайшего Господа. Во–вторых, потому, что она в Нем совершает чудеса. Ибо если Сам Господь проявляет Свое желание в душе человека, такая воля имеет свое действие. Стоит только пожелать, и дело совершено. Но некоторые могут сказать: зачем переживать столько гонений? Почему эти души, имея в себе такую силу, не освободили себя от них? Но ответ наш в том, что если бы они имели в себе волю к совершению чего–либо противного божественному провидению, это была бы уже воля плоти, воля человеческая, а не воля Божья (Иоанна 1:13).

Я обычно просыпалась среди ночи в определенное время. Но если я заводила будильник, то мне не удавалось проснуться в нужное время. Я понимала, что Господь проявляет по

отношению ко мне как отеческую, так и супружескую заботу. Когда я ощущала некоторое недомогание, и мое тело нуждалось в отдыхе, Он не будил меня, но в такие моменты я даже во сне чувствовала Его необычайное присутствие. В течение нескольких лет я имела только половину сна, но моя душа пробуждалась больше для Господа, нежели для себя самой. Ибо мне казалось, что сон лишал меня этого важного общения. Господь явил многим людям, что Он предназначил мне быть матерью людей великих, но при этом простых и по–детски доверчивых. Они воспринимали эти послания в буквальном смысле и думали, что это относится к какому–то учреждению или определенной церкви. Но мне казалось, что те люди, которых Господу было угодно через меня приобрести, и для которых по Его благости я должна была стать духовной матерью, должны были бы иметь со мной такое же единение, какое дети имеют к их родителям. Этот союз должен был быть глубже и крепче, дабы я могла наделять их всем необходимым, приводить их к пути, по которому Он будет вести их, как я и покажу это далее.

Глава 4

Я бы с удовольствием умолчала о том, о чем собираюсь писать дальше, если бы что–то из этого повествовании было моим личным делом. Также я умолчала бы по причине того, что мне сложно выразить свои мысли, ибо немногие души способны уразуметь пути Божьи, так мало известные и столь непонятные людям. Мне самой никогда не доводилось читать ничего подобного. Но я буду говорить о вещах, касающихся внутреннего состояния, в котором я пребывала. Я буду уверена, что не зря потратила время, если это как–то послужит тем из вас, кто желает войти в число моих детей.

Это уже служит тем, кто является моими детьми, ибо это побуждает их предоставлять Богу возможность прославлять Себя по Его изволению, а не по их собственной воле. Если в моих словах будет нечто им непонятное, пусть они умру! для самих себя. Они найдут, что им будет легче учиться на собственном опыте, нежели из моих слов, ибо слова никогда не сравнятся с пережитым опытом. После того как я вышла из испытания, о котором рассказывала, я заметила, что оно очистило мою душу, вместо того чтобы запачкать ее, как я того боялась. Теперь мое обладание Богом было таким чистым и огромным, что ничто другое не могло с ним сравниться. Что касается мыслей и желаний, го все они были чисты, обнажены, потеряны в божестве, так что в душе не было заметно ни одного эгоистичного движения, каким бы правдоподобным и деликатным оно не было. Все силы разума и чувств были дивно очищены. Иногда я даже удивлялась, что не появлялось ни одной эгоистичной мысли. Мое воображение, прежде столь неугомонное, теперь меня ничуть не беспокоило. Мне не случалось больше бороться с путаницей в мыслях или неприятными воспоминаниями. Воля, будучи совершенно мертвой для всех ее желаний, была склонна только угождать Богу и Его планам.

Эти простор и обширность, ничем не ограниченные, каким бы простым и банальным это ни казалось, возрастали с каждым днем. Моя душа, разделяя все качества своего Супруга, казалось, разделяла с Ним Его безмерность. Когда я молилась, то ощущала непостижимую открытость и целеустремленность. Я была вне своего тела, возносилась ввысь. Я верю, что Богу было угодно благословить меня таким опытом. В начале этой новой жизни Он дал мне понять, заботясь также о благе других душ, насколько простым и притягательным является переход души в лоно Божье. Когда я шла на исповедь, то ощущала такую погруженность души в Него, что с трудом могла говорить. Это вознесение духа, в котором Бог так сильно привлекает душу к Самому Себе, а не к ее собственным глубинным тайникам, возможно только после смерти собственного я. Душа, на самом деле, как бы выходит из самой себя, чтобы перейти в свой божественный объект. Я называю это смертью, или другими словами переходом из одного места в другое. Это действительно счастливое перемещение для самой души, ибо это ее переход в землю обетованную. Дух, сотворенный для пребывания в единстве со своим божественным Источником, обладает теперь таким могущественным к Нему притяжением, что если бы не постоянное чудо, его движущая сила заставляла бы и тело следовать за ним, по причине силы его устремленности и прекрасного восхождения.

Но Бог даровал духу земное тело, дабы оно служило ему противовесом. Этот дух, созданный для единения с его Источником, чувствуя себя притягиваемым своим божественным

объектом безо всякого посредничества, стремится к нему с таким огромным рвением, что Бог поддерживает некоторое время силу тела, обязанного удерживать дух, за которым оно так неистово рвется. Когда дух недостаточно очищен, чтобы перейти в Бога, он постепенно возвращается к самому себе, по мере того, как и тело обретает вновь свои способности и возвращается на землю. Самые совершенные святые, стремившиеся к этому уровню, так и не достигали ничего подобного. Некоторые теряли его к концу своей жизни, ведя жизнь уединенную и чистую, как другие. Они обрели ощущение постоянства и реальности того опыта, который они воспринимали, как ранние переживания перехода, ибо их тело стало доминировать и преобладать над побуждениями духа. Это правда, что душа, умирая для самой себя, переходит в свой божественный Объект. Именно это я тогда и пережила. Я находила, что чем дальше я продвигаюсь, тем больше мой дух теряется в Его Суверенной воле, которая все сильнее привлекает его к Себе. Ему было угодно, чтобы я познала этот опыт ради блага других, а не ради самой себя. Действительно, Он все глубже погружал мою душу в Самого Себя, пока она совершенно не скрылась из собственного поля зрения, и уже не могла себя воспринять. Казалось, что она перешла в Него. Это подобно тому, как река впадает в океан, теряясь в нем. На некоторое время ее воды отличаются от морских вод, но вскоре они уже превращаются в море, обладая всеми его качествами.

Так и моя дупш была потеряна в Боге, который сообщил ей Свои качества и удалил ее ото всех ее собственных наклонностей. Ее жизнь теперь полна непостижимой невинности, неизвестной или непонятной всем тем, которые все еще закрыты в себе или живут лишь ради себя. Радость, обретаемая такой душой в Боге настолько велика, что она способна испытать истину слов царя–пророка «Все пребывающие в Тебе, о Господь, это люди восхищенные радостью». Именно к такой душе обращены слова нашего Господа: «…и радости вашей никто не отнимет у вас» (Иоанна 16:22). Это похоже на погружение в реку мира. Душа пребывает в постоянной молитве. Ничто не способно удержать ее от молитвы или от любви к Богу. Она абсолютно свидетельствует о достоверности слов, сказанных в Песнях Песней: «Я сплю, а сердце мое бодрствует», ибо она находит, что даже сон не властен прервать ее молитву. О неизъяснимое счастье! Кто бы мог подумать, что душа, которая ранее пребывала в крайней нищете, смогла обрести счастье подобное этому? О, блаженная бедность, счастливая утрата, сладостное ничтожество, приобретающие ни что иное, как Самого Бога в Его необъятности, Который более не связан ограниченной природой творения, но способен всегда привлекать его, полностью погружая его в Свою божественную сущность.

Тогда душа понимает, что все состояния приятных видений, откровений, экстаза и восхищения, являются скорее препятствиями, ибо они не служат тому иному высшему состоянию. Известно, что человек, находясь в состоянии, когда он имеет чью–то поддержку, обычно болезненно с ней расстается, однако и не способен обрести нечто лучшее без подобной потери. Здесь истинны слова одного опытного святого, который говорит: «Когда любовь к самому себе ничего мне не дала, тогда лишение ее дало мне все». О блаженная смерть пшеничного зерна, что заставляет его принести плод во сто крат больший! Просто поражает душа, когда она пассивна, и всегда готова принять из руки Божьей как доброе, так и злое. Она

принимает как первое, так и второе без проявлений каких–либо эгоистичных эмоций, позволяя им течь и исчезать, как только они появляются. Они исчезают, не коснувшись ее.

После того как закончилось время моего уединения с Урсулинками в Тононе, я возвращалась через Женеву. Не найдя никаких других средств передвижения, я воспользовалась лошадью, которую дал мне один француз. Поскольку я не была обучена верховой езде, мне поначалу пришлось трудно. Но так как он заверил меня, что лошадь очень спокойная, я рискнула на нее сесть. Как только я села в седло, один кузнец, посмотрев на меня злым взглядом, ударил лошадь с такой силой, что это заставило ее встать на дыбы. Она сбросила меня на землю, и все думали, что я погибла. Я ударилась виском. Одна из лицевых костей и два зуба были сломаны. Но незримая рука поддерживала меня, и вскоре я уже взобралась, как могла, на другую лошадь, а один человек сбоку поддерживал меня в седле.

Родственники оставили меня в покое в Гексе. Они услышали в Париже о моем чудесном выздоровлении, ибо эта история произвела много шума там. Многие люди, известные своей святостью, написали мне тогда. Я получила письма от мадмуазель де Ламуаньен, а также от другой молодой дамы, которая была столь тронута моим ответом, что прислала мне сотню пистолей для нашей обители. Кроме того, она сообщила мне, что если я буду нуждаться в деньгах, то мне стоит только написать ей, и она сразу вышлет мне столько, сколько я пожелаю. В Париже говорили о том, чтобы напечатать рассказ о моем пожертвовании, упомянув в нем о чуде моего внезапного исцеления. Я не знаю, что этому способствовало, но таково непостоянство творений, ибо эта поездка, которая в то время принесла мне столько одобрительных отзывов, позже послужила поводом для странным образом обрушившегося на меня осуждения.

Глава 5

Мои близкие родственники не желали моего возвращения. Через месяц после моего прибытия в Геке они предложили мне не только отказаться от опекунства, но также переписать все свое состояние на детей, оставив себе лишь ежегодную ренту. Это предложение, исходившее от людей, руководствующихся лишь своими собственными интересами, многим показалось бы весьма неприятным, но нисколько не было таковым для меня. У меня не было друга, чтобы спросить совета в этой ситуации. Я не знала никого, с кем бы я могла проконсультироваться по поводу этого вопроса, ибо ощущала совершенную свободу и желание поступить именно так, как меня просили.

Мне казалось теперь, что у меня есть все необходимое для исполнения моего горячего желания стать сосудом, угодным Иисусу Христу, будучи бедной, нагой и лишенной всего. Мне прислали договор, составленный под их надзором, который необходимо было подписать. Я наивно подписала его, не заметив некоторых, включенных в него пунктов. В нем говорилось, что когда мои дети умрут, то я ничего не унаследую из собственного состояния, так как все оно отойдет к моей родне. Были еще другие аспекты, которые таким же образом ставили меня в невыгодное положение. Хоть оставленных мне средств было достаточно для жизни на моем нынешнем месте, однако их едва хватало, чтобы жить где–то в другом месте. Но тогда мой отказ от состояния принес мне больше радости, помогая мне преображаться в образ Иисуса Христа, нежели тем, кто просил меня об этом. Я никогда об этом не сожалела и не раскаивалась.

Какое счастье в том, чтобы лишиться всего ради Господа! Любовь к бедности, подтвержденная таким способом, есть обретение царства умиротворения. Я забыла упомянуть о том, что к концу периода лишения меня всего, когда я уже была почти готова вступить в обновленную жизнь, наш Господь даровал мне чудесное просветление. Мне легко давалось понимание того, что все мои внешние крестные страдания исходили от Него, и что мне было не под силу удерживать в себе какое–либо недовольство против людей, которые служили инструментом их совершения. Напротив, я испытывала нежность, сострадая им, и терпя больше мук из–за тех бедствий, которые я им доставляла, нежели из–за тех, которые взваливали на меня они. Я видела, что эти люди слишком боялись Господа, чтобы угнетать меня так, как они это делали прежде. Я видела в этом Его руку, и чувствовала боль, которую они терпели, из–за противоречивости своего душевного состояния. Трудно осознать всю ту нежность и огромное искреннее желание доставить им всякое возможное благо, которые Господь вложил в мое сердце.

После несчастного случая (падения с лошади), от которого я вскоре чудесно поправилась, дьявол стал все более явно показывать свое ко мне враждебное отношение, срываясь с цепи и проявляя себя как никогда возмутительно. Однажды ночью, когда я менее всего об этом думала, нечто чудовищное и ужасающее предстало передо мной. Это походило на лицо, освещенное отблесками мерцающего голубоватого света. Я не знаю, из самого ли огня состояло это ужасное лицо или его подобие, ибо оно было нечеткое и промелькнуло так быстро, что я не успела его рассмотреть. Моя душа пребывала в своем прежнем покое и уверенности, и видение более не появилось. Когда я проснулась в полночь, чтобы помолиться, то услышала в своей спальне

какие–то пугающие звуки. После того как я встала на колени, они стали еще отчетливее. Моя постель вдруг начинала трястись, и так продолжалось в течение четверти часа, все оконные рамы трещали. Пока эти явления происходили, оконные рамы в моей комнате каждое утро находили разбитыми или поврежденными, однако я не ощущала никакого страха. Я вставала и зажигала восковую свечу в лампе, которая была в комнате.

В то время я взяла на себя служение ризничего, что предписывало мне будить сестер в нужное время. Мне ни разу не случалось нарушить эту обязанность из–за какого–либо своего недомогания, ибо я всегда была первой в соблюдении правил. Зажегши свечу, я осматривала всю комнату и оконные рамы, когда шум был наиболее сильным. Так как он увидел, что я ничего не боюсь, то внезапно прекратил эти действия, и больше не атаковал меня лично. Но он возбуждал против меня людей, достигая в этом большего успеха, ибо всегда находил их готовыми к подобным действиям. Они считали, что совершают добро, действуя ревностно, хоть на самом деле причиняли мне худшие из страданий. Одна из сестер, очень красивая девушка, которую я привезла с собой, имела связь с одним из священников, пользующимся авторитетом в своем приходе. Сначала он внушал ей антипатию по отношению ко мне, прекрасно понимая, что если она станет мне доверять, то я посоветую ей не принимать его визиты так часто. В то время она проходила период религиозного уединения. Священник пытался полностью завоевать ее доверие, что послужило бы прикрытием его частых к ней визитов. Епископ Женевы назначил Отца ля Комба управителем нашей обители. Так как именно он предписывал прохождение уединения, я хотела, чтобы девушка дождалась его решения.

Поскольку она все–таки питала ко мне некоторое уважение, она подчинилась мне, даже против своей воли, ибо желала проводить уединение под присмотром этого священника. Я начала беседовать с ней о внутренней молитве и посоветовала ей практиковать ее. Тогда наш Господь даровал такое благословение, что эта девушка самым серьезным образом и от всего своего сердца отдала себя Богу, ибо уединение полностью одержало над ней верх. Она стала более сдержанной и теперь всегда настороженно относилась к священнику, что крайне его раздражало. Это возбудило его ненависть как к Отцу ля Комбу, так и ко мне. Позже эта ненависть оказалось источником гонений, которые на меня обрушились. Шум в моей спальне, который был делом рук дьявола, прекратился именно тогда, когда началась эта история. Священник стал говорить обо мне с большим презрением. Мне это было известно, но я не обращала внимания. Один монах нищенствующего ордена, который питал смертельную ненависть к Отцу ля Комбу из–за его приверженности установленным порядкам, приехал к этому священнику. Они объединили свои усилия, побуждая меня уехать из обители, дабы стать здесь хозяевами. Все возможные средства были пущены ими в ход, чтобы добиться нужной цели.

Мой образ жизни был таким, что я не вмешивалась ни в какие отношения, предоставляя сестрам самим решать второстепенные дела так, как им было угодно. Вскоре после моего прибытия в эту обитель, я получила тысячу восемьсот ливров, которые мне одолжила одна моя знакомая для пополнения дома необходимой мебелью. Вскоре я вернула эти деньги из части своего состояния. Они получили эту сумму денег, как и то, что я давала им раньше. Иногда мне приходилось беседовать с теми, кто приходил сюда, желая стать католиками. Наш Господь

настолько благословлял мои слова, что некоторые женщины, с которыми до этого было неизвестно, как поступить, становились настолько благоразумными и серьезными, что могли служить примером благочестия. Я понимала, что испытания во множестве ожидают меня. В то же самое время мне вспомнились эти слова: «Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2). На долгое время я опускалась на колени, будучи готовой принять все Твои удары. О Ты, не пощадивший Своего собственного Сына! Он единственный, оказался достойным Тебя, и Ты все еще ищешь в Нем угодные Тебе сердца.

Спустя несколько дней после моего прибытия в Гекс, я видела загадочный и мистический сон (ибо я легко определила его предназначение). Я видела Отца ля Комба, привязанного к огромному кресту, лишенного одежды так же, как обычно изображают нашего Спасителя. Вокруг него я увидела ужасающую толпу людей, которая приводила меня в замешательство. Бесчестие этого наказания они переносили и на меня. Казалось, он терпел больше боли, но я терпела больше упреков, нежели он. С того времени я могла наблюдать исполнение этого сна.

Священнику удалось склонить на свою сторону одну из сестер, которая была управительницей обители и была второй после настоятельницы. Я была очень хрупкой, так как те строгости, которые я соблюдала, не способствовали укреплению моего организма. Мне прислуживали две служанки. Однако поскольку община нуждалась в помощи одной из них на кухне, а другая могла понадобиться как придверница или для другой работы, я отпустила их, думая, что мне позволят иногда пользоваться их услугами. Кроме того, я позволила им получить весь мой доход, при том что они уже получили первую часть моей годовой ренты. Но они не позволяли ни одной из моих служанок делать что–либо для меня. Исполняя обязанности ризничего, я должна была подметать помещение церкви. Помещение было огромным, и никому не позволялось мне помогать. Несколько раз я теряла сознание с веником в руках и была вынуждена немного отдыхать, сидя в углу. Это заставило меня умолять их, чтобы они иногда разрешали подметать некоторым сильным сельским девушкам из Новых Католиков. Они наконец–то милостиво дали на это согласие. Более всего меня смущало то, что я никогда прежде не занималась стиркой. Теперь же мне приходилось стирать всю ризничную одежду. Я брала с собой для помощи одну из служанок, потому что, пытаясь стирать, я делала это слишком неуклюже. Эти сестры вытаскивали ее за руки из моей комнаты, говоря, что ей велено заниматься своей работой. Я смирялась с этим, не словом не возражая им. Другая добрая сестра, девушка, которую я только что упомянула, становилась все более ревностной по Богу. Практикуя в своем посвящении молитву Господу, она стала с большей нежностью относиться ко мне. Это раздражало священника. После всех его безуспешных попыток, он уехал в Аннеси, для того чтобы посеять раздор и этим нанести больше вреда Отцу ля Комбу.

Глава 6

Он отправился прямо к Епископу Женевы, который до сих пор проявлял ко мне большое уважение и доброту. Ему удалось убедить епископа в том, что будет разумным принудить меня к постригу и склонить к отказу от годовой ренты, которую я оставляла для себя, а назначение меня настоятельницей общины вовлечет меня в активную деятельность. Ему удалось обрести такое влияние над епископом, что народ в округе называл его Маленьким Епископом. Таким образом, он вызвал в нем охоту и ревность к осуществлению своего предложения и решимость воплотить его в жизнь, во что бы то ни стало.

Этот священник так далеко зашел в осуществлении своего плана, что, гордясь своим успехом, уже не стеснялся в выборе мер направленных против меня. Он начал с того, что стал останавливать все письма, как приходившие ко мне, так и посланные мной. Это было сделано с целью управлять общественным мнением, от которою многое зависело. Также я не имела возможности ни узнать о мнении людей, ни защитить себя, ни сообщить своим друзьям о ситуации, в которой оказалась. Одна из служанок, которую я привезла, пожелала вернуться домой. Она не могла обрести покоя в этом месте. Другая же была слишком слабой и слишком зависимой от других, чтобы помогать мне в чем–либо. Поскольку Отец ля Комб должен был скоро приехать, я надеялась, что он смягчит дерзкий нрав этого человека и даст мне нужный совет. В то же самое время они предложили мне принять постриг и занять пост настоятельницы. Касательно пострига я ответила, что принять его я не могу, поскольку призвана быть в другом месте. Также, согласно правилам, я не могла быть настоятельницей. Это было возможно лишь после прохождения этапа послушничества, в котором все они служили два года, прежде чем принимали постриг. Только после прохождения этого испытания я смогу понять, благословляет ли меня Бог к вступлению в члены общины или нет. Настоятельница колко ответила, что если я намереваюсь оставить общину, то будет лучше, если я сделаю это немедленно. Однако, не соглашаясь на постриг, я продолжала вести себя как и прежде. Я видела, что тучи постепенно сгущаются и на меня со всех сторон надвигается буря. Тогда настоятельница стала действовать мягче. Она уверяла меня, что, как и я, имеет желание, ехать в Женеву. Она говорила, что мне не следует соглашаться на постриг, но только пообещать, что я возьму ее с собой, если туда поеду. Она всем своим видом желала показать, что очень мне доверяет и питает ко мне глубокое уважение. Поскольку я ощущала себя свободной и способной говорить открыто, я дала ей знать, что мне не по душе образ жизни Новых Католиков из–за интриг, исходящих извне. Мне не нравились несколько вещей, так как я хотела видеть честность во всем. Она сказала, что сама не одобряет эти вещи, но терпит их, так как священник сказал, что необходимо сними мириться для поддержания популярности обители в отдаленных концах страны и привлечения благотворительных пожертвований из Парижа. Я ответила, что если бы мы поступали честно, то Господь бы никогда нас не предал. Он с еще большей вероятностью совершал бы для нас чудеса. Я отметила, что когда вместо искренности они прибегали к выдумкам, то благотворительные пожертвования становились вялыми или вовсе прекращались. Ибо лишь Сам Бог силен вдохновлять милостыню. Может ли она быть побуждаема лицемерием?

Вскоре после этого разговора Отец ля Комб прибыл в общину для уединения. Это был третий и последний его визит в Гекс. Перед прибытием, после многих безуспешных попыток меня переубедить настоятельница написала ему длинное письмо. Получив ответ и показав мне его, она теперь решила спросить Отца ля Комба, не лучше ли ей будет поехать со мной в Женеву на один день. Он ответил на это с его обычной прямотой: «Наш Господь сообщил мне, что вы никогда не обоснуетесь в Женеве». Вскоре после этого она умерла. Когда он сделал это заявление, она, казалось, обозлилась как против него, так и против меня. Она пошла прямо к священнику, который в то время был в комнате со слугой, и они вместе спланировали, как принудить меня вступить в члены их общины или уехать. Они полагали, что я, скорее, приму постриг, нежели уеду, и поэтому наблюдали за моей перепиской. Желая устроить ему ловушку, священник попросил Отца ля Комба произнести проповедь. Он проповедовал на следующий текст: «Дочь царя прекрасна изнутри». Священник, который присутствовал на проповеди со своим доверенным лицом, заявил, что проповедь была направлена против него и к тому же полна ошибок. Он выискал восемь высказываний и вставил в них то, чего в проповеди не было сказано. Затем он отослал их одному из своих друзей в Рим, дабы предоставить их на рассмотрение Священному Собранию и Инквизиции. Несмотря на то, что он сформулировал их, употребив весь свой злой умысел, в Риме они вызвали одобрение. Это чрезвычайно огорчило и обозлило его. После такого поступка и ряда унизительных оскорблений со стороны этого человека, Отец, со свойственной ему мягкостью и смирением, сказал, что отправляется в Аннеси по каким–то делам монастыря. Он сказал, что если священник желает что–либо написать Епископу Женевы, то он позаботится об отправлении его письма. Тогда священник попросил его подождать какое–то время, собираясь что–то написать.

Добрый Отец ожидал терпеливо более трех часов, не получая никаких уведомлений. Сам же священник обошелся с ним настолько дурно, что имел наглость выхватить из его рук письмо, написанное мною тому достойному отшельнику, о котором я уже упоминала. Услышав, что Отец еще не ушел, но все еще находится в церкви, я пошла к нему, умоляя его разузнать, не готово ли послание священника. День уже клонился к вечеру, так что ему пришлось бы остановиться в пути на ночлег. Тогда прибыл посыльный. Он сказал, что видел слугу священника верхом на лошади, с приказом гнать, что есть мочи, дабы оказаться в Аннеси прежде Отца ля Комба. Тот ответил, что ему не велено было доставлять каких–либо писем. Это было нарочно так изобретательно подстроено, чтобы он смог выиграть время и добиться расположения Епископа для достижения своих целей. Тогда Отец ля Комб отправился в Аннеси и по приезду нашел, что Епископ был уже предупрежден и пребывает в плохом расположении духа. Вот в чем состояла суть беседы.

ЕПИСКОП. Вам необходимо немедленно склонить эту даму принять постриг и отдать свою собственность обители в Гексе, сделав ее настоятельницей обители.

ОТЕЦ ЛЯ КОМБ. Милорд, вам известно то, что она Вам лично говорила по поводу своего призвания, как в Париже, так и в своей стране. Поэтому я не думаю, что она примет постриг, и не вижу никакой возможности для подобного решения. Оставив все и надеясь отправиться в Женеву, она, скорее всего, станет членом другой общины, ибо не от нее зависит совершение Божьего плана относительно ее жизни. Она предложила этим

сестрам принять ее в качестве пансионерки. Если они согласятся принять ее в таком качестве, то она останется у них. Если же нет, то она уединится в каком–нибудь другом монастыре, пока Бог не посчитает нужным распорядиться ею иным образом.

ЕПИСКОП. Мне все это известно, но также мне известно и то, что, будучи столь послушной повелениям, она наверняка выполнит то, что Вы ей прикажете.

ОТЕЦ ЛЯ КОМБ. Именно по этой причине, милорд, человеку нужно быть весьма осторожным, слушая те повеления, которые исходят от других людей. Могу ли я склонять женщину–иностранку, у которой из всей ее собственности остались лишь прибереженные для себя жалкие гроши, чтобы она отдала их на благо еще не устроенного заведения, которое, возможно, никогда не будет устроено? Если общине случиться распасться, или оказаться больше ненужной, на что тогда жить этой женщине? Ехать ли ей в лечебницу? Действительно, вскоре отпадет необходимость в существовании этого заведения, ибо ни в одной из ближайших частей Франции нет протестантов.

ЕПИСКОП. Эти доводы ничего не стоят. Если вы ее не заставите сделать то, что я сказал, я понижу вас в сане и временно отстраню от деятельности.

Такой стиль беседы несколько удивил Отца. Он прекрасно знал правила отстранения от деятельности, которое обычно не совершалось по таким причинам. Он ответил: «Милорд, я готов, не только принять отставку, но даже и смерть, только бы не сделать что–либо противное моей совести». Сказав это, отец удалился. Он немедленно послал мне письмо, описав эту беседу, чтобы я приняла необходимые меры предосторожности. У меня не было иного выхода, как только укрыться в каком–нибудь монастыре. Я получила письмо, сообщавшее, что монашка, которой я доверила свою дочь, заболела. Она просила меня приехать к ней на некоторое время. Я показала это письмо сестрам нашей обители, сказавт им, что имею намерение поехать, и если они перестанут оказывать на меня давление, а так же оставят в покое Отца ля Комба, я вернусь назад, как только наставница моей дочери выздоровеет. Вместо того чтобы прислушаться к моей просьбе, они стали относиться ко мне еще более жестоко, писали против меня в Париж, перехватывали все мои письма и рассылали клеветнические заявления обо мне по всей стране.

На следующий день после моего прибытия в Тонон, Отец ля Комб отправился в долину Ауст, чтобы проповедовать там во время Великого Поста. Он приходил со мной проститься, говоря, что отправится в Рим, откуда, возможно, уже не вернется. Старшие настоятели могли задержать его там. Он сожалел, что оставляет меня без помощи и всеми гонимую в этой чужой стране. Я ответила: «Отец мой, это не причиняет мне боли, я общаюсь с творениями только для Бога и по Его приказу. По Его милости, я также прекрасно могу без них обходиться, когда Он их удаляет. Я буду прекрасно себя чувствовать, даже если больше не увижу Вас или буду посреди гонений, если такова будет Его воля». Он сказал, что уезжает удовлетворенным, видя меня в таком расположении духа, и затем отправился в путь.

Как только я прибыла к Урсулинкам, один очень пожилой и набожный священник, который в течение более двадцати лет не выходил из своего уединения, пришел, чтобы со мной встретиться. Он сказал мне, что получил видение относительно меня, в котором видел женщину в лодке на озере, а Епископ Женевы с некоторыми из своих священников, употребляли все свои усилия, чтобы потопить лодку, в которой она была, желая утопить и ее саму. Это видение стояло

перед его глазами в течение двух часов и даже больше, причиняя ему страдания, ибо иногда казалось, что женщина уже совершенно утонула, так как совершенно исчезла из виду. Но после она появлялась снова, готовая избежать опасности, в то время как Епископ неустанно ее преследовал. Эта женщина все время была одинаково спокойна, но он не видел, чтобы ей удалось полностью освободиться от гонений епископа. Отсюда я заключаю, добавил он, что Епископ будет преследовать вас беспрерывно.

У меня была очень близкая подруга, жена губернатора, о котором я упоминала ранее. Она ощутила страстное желание последовать моему примеру, когда увидела, что я все оставила ради Бога. Старательно распорядилась всей своей собственностью и уладив все дела, она уже была готова совершить переезд. Но услышалв о преследованиях, побоялась приезжать гуда, откуда, как она думала, мне скоро придется уехать. Вскоре она умерла.

Глава 7

После того, как отец ля комб уехал, организованные против меня гонения стали еще более яростными. Однако Епископ Женевы все еще продолжал обращаться со мной вежливо, пытаясь, насколько это ему удавалось, возобладать надо мной, чтобы склонить меня к исполнению его желания. А чтобы готовить почву во Франции и настраивать против меня общественное мнение, он лишал меня возможности получать посланные мне письма. Священник и его окружение имели на своем столе двадцать два перехваченных и прочитанных письма. Среди них было одно, весьма срочного характера, право на подписание которого, было дано мне нотариусом. Они были вынуждены положить его в другой конверт и переслать его мне. Епископ написал Отцу ля Моту, и без труда привлек его на свою сторону.

Тот был недоволен мною по двум причинам. Во–первых, потому что я не назначила ему пенсии, как он ожидал, и о чем он мне несколько раз грубо напоминал. Во–вторых, потому что я не принимала его советы. Он сразу же высказался против меня. Епископ сделал его своим доверенным лицом. Именно он с этого времени рассказывал и распространял обо мне новости за границей. Они представляли себе, что после моего возвращения во Францию, где у меня есть поддержка друзей, я смогу найти способ и аннулировать свое пожертвование. Но именно в этом они глубоко ошибались. У меня и в мыслях не было любить что–либо, кроме бедности Иисуса Христа. В течение некоторого времени, Отец все еще активно действовал в Женеве. Они согласились между собой, что он единственный человек, советы которого я способна принимать. Он написал мне несколько писем, в каждом из которых весьма лестно отзывался о Епископе, и на которые я дала очень трогательные ответы. Но вместо того, чтобы быть тронутым ими, епископ был еще более раздражен против меня. Он продолжал относиться ко мне с видимым уважением, но в то же самое время, как и сестры нашей обители, писал многим набожным людям в Париже, с которыми я состояла в переписке, пытаясь создать у них предвзятое мнение обо мне. Сестры также хотели избежать чувства вины, которое неизбежно пало бы на них за столь недостойное обращение с человеком, всем для них пожертвовавшим и посвятившим себя служению в этой епархии.

После всего, что я сделала, и будучи не готовой возвратиться во Францию, они обращались со мной крайне оскорбительно. Не было ни одной басни или лживой клеветы, которую бы они не употребили с целью завоевать доверие людей и унизить меня. Кроме того, что у меня не было возможности сделать правду обо мне известной во Франции, наш Господь вызвал во мне желание перенести все гонения, не пытаясь как–то оправдаться, допуская, чтобы в отношении меня было слышно только осуждение безо всякой защиты. Находясь в этом монастыре, и более не имея возможности встретиться с Отцом ля Комбом, я видела, что они не переставали печатать самые скандальные истории, как обо мне, так и об Отце ля Комбе. Эти истории были абсолютно лживыми, ибо тогда Отец находился за сто пятьдесят лье от меня. Некоторое время я не знала об этом. Но так как мне было известно, что все мои письма от меня скрывают, я перестала удивляться, что не получаю их. Я жила со своей маленькой дочерью, пребывая в сладостном покое, который был великой милостью Провидения. Моя дочь уже

забыла свой французский и, живя среди маленьких девочек из горных деревень, несколько одичала, приобретя плохие манеры. Ее ум, суждение и здравый смысл, были поистине удивительными, а ее характер был чрезвычайно положительным. Иногда она выказывала некоторые нотки капризности, которые своими противоречивыми действиями и неумелыми ласками в ней вызывали окружающие. Она стремилась получить хорошее воспитание. И Господь позаботился о ней. В течение всего этого времени мой разум пребывал в совершенном покое и единении с Богом. Впоследствии одна добрая сестра постоянно прерывала мое уединение, но я отвечала на все вопросы, которые она мне задавала, как из снисходительности, так и из принципа, согласно которому, я всегда повиновалась как ребенок. Когда я была в своей комнате, не имея рядом никакого другого наставника, кроме нашего Господа, который присутствовал там Святым Духом, а один из моих маленьких детей стучал в мою дверь, Господь требовал, чтобы я принимала подобные вмешательства в мое уединение. Он показывал мне, что Ему угодны не сами действия, но постоянная готовность быть послушным познанию Его воли. При этом необходимо обладать такой гибкостью, чтобы ни к чему не прилепляться даже в вещах мелких, но всегда отвечать на каждый Его зов. Мне казалось, что моя душа была тогда подобна листочку или перышку, гонимому ветром, куда ему будет угодно. Но Господь не допускает, чтобы душа столь от Него зависимая и столь Ему преданная, была обманута.

Я полагаю, что многие люди неблагоразумны в том, что с готовностью вверяют себя какому–либо человеку, считая это предусмотрительностью. Они верят людям, которые ничего собой не представляют и смело говорят: «Такой человек не может обмануть». Но если речь идет о душе полностью преданной Богу, которая верно за Ним следует, они восклицают: «Этот человек обманут в своем посвящении». О божественная Любовь! Нужна ли тебе сила, верность, любовь, или мудрость, чтобы вести тех, кто тебе верит и кто является твоими самыми дорогими детьми? Я видела, как люди достаточно смело заявляли: «Следуй за мной и ты не собьешься с пути». Как печально видеть тех, которые ввели себя в заблуждение, самонадеянно положившись на себя! Я скорее обратилась бы к тому, кто будет бояться ввести меня в заблуждение, и кто не доверяя ни своим знаниям, ни опыту, будет полагаться только на Бога! Наш Господь показал мне во сне два пути, которые души выбирают для своего следования, отобразив их в двух каплях воды. Одна казалась мне каплей несравненной красоты, яркости и чистоты, а другая хоть и яркая, имела в себе много маленьких прожилок. Обе капли были пригодны для утоления жажды, но первая была приятна на вкус, тогда как вторая не обладала столь совершенным вкусом. Первая капля представляла собой путь чистой и обнаженной веры, очищенной и лишенной всякого самолюбия, что более всего угодно Супругу. Путь эмоций и дарований не таков, однако, именно ему отдают предпочтение многие просвещенные души. Именно на этот путь им удалось склонить Отца ля Комба.

Бог показал мне, что Он даровал его мне, чтобы обратить на путь чистоты и совершенства. Однажды в его присутствии я говорила сестрам о пути веры. Я говорила о том, каким славным является этот путь в глазах Божьих, и сколько преимуществ в нем кроется для души, нежели во всех тех дарах, эмоциях и ощущениях, которые всегда побуждают нас жить для себя. Это сначала разочаровало как его, так и сестер. Я чувствовала, что они испытывали муки, да и они сами признались мне в этом позже. Больше в этот день я не говорила об этом. Но,

будучи человеком великого смирения, Отец ля Комб попросил меня раскрыть больше из того, что я хотела ему донести. Я рассказала ему часть своего сна о двух каплях воды, однако тогда он не смог глубоко проникнуться моими словами, ибо еще не пришло время.

В Гекс с целью уединения он прибыл позже. Когда я рассказала ему о событиях, происшедших некоторое время тому назад, он вспомнил, что это было время сверхъестественного прикосновения Господня, и что тогда он был преисполнен раскаяния. Это принесло ему такое внутреннее обновление, что, удалившись помолиться и пребывая в возбуждении разума, он был исполнен радости и охвачен сильнейшим чувством, которое позволило ему встать на тот путь веры, о котором я говорила. Я сообщаю эти факты по мере того, как они приходят мне на память, не заботясь о порядке, в котором они следовали.

После Пасхи, в 1682 году, Епископ приехал в Тонон. У меня была возможность побеседовать с ним. Господь дал мне такие слова, что епископ казался абсолютно убежденным в моей правоте. Но люди, которые ранее оказывали на него влияние, вернулись. Тогда он сильно убеждал меня возвратиться в Гекс и занять пост Настоятельницы. Я привела ему доводы против этого. Также я обратилась к нему как к епископу, прося его во всех наставлениях взирать лишь на Божью волю. В этот раз он ощутил некое замешательство и затем сказал мне: «Поскольку вы говорите со мной, таким образом, я не могу вам давать советы. Не ради себя я прошу вас поступить вопреки вашему призванию, но я умоляю вас сделать это ради блага этой общины». Я пообещала ему сделать это. Получив свою пенсию, я отослала им сотню пистолей с намерением поступать так все время, пока буду находиться в епархии. Епископ сказал мне: «Я люблю Отца ля Комба. Он истинный слуга Божий и он сказал мне многие вещи, с которыми я вынужден был согласиться, ибо я чувствовал их в своем сердце. Но, — добавил он, — когда я рассуждаю так, то мне говорят, что я ошибаюсь, и что не пройдет и шести месяцев, как Отец ля Комб сойдет с ума». Епископ сказал мне, что одобрил духовный уровень монашек, которые получали наставления от Отца ля Комба, увидев, что они действительно отвечают тем характеристикам, которые он о них слышал. Поэтому я воспользовалась случаем, чтобы сказать ему, что он во всем должен советоваться со своей собственной душой, или с повелениями, получаемыми ею, а не с другими людьми. Он согласился с тем, что я сказала, признав мои суждения верными, но стоило ему возвратиться к себе, как он ощутил сильное недомогание и вернулся к своим прежним взглядам. Он направил того же самого священника убеждать меня остаться в Гексе, ибо он считал это верным решением. Я ответила, что решила последовать его совету, когда он говорил со мной от имени Бога, но теперь его вновь вынуждают говорить, исходя из его человеческих убеждений.

Глава 8

Моя душа пребывала в состоянии абсолютной покорности и великого удовлетворения посреди такой жестокой бури. Священник и его единомышленники рассказывали мне сотни невероятных историй, пытаясь настроить меня против Отца ля Комба. Но чем более они чернили его, тем большее уважение я испытывала к этому человеку. Я отвечала им: «Возможно, я больше никогда его не увижу, но я всегда буду счастлива поступать справедливо по отношению к нему. Не он является тем, кто удерживает меня оттого, чтобы обосноваться в Гексе. Меня удерживает знание о том, что это совершенно не соответствует моему призванию лучше чем епископ?» Далее они говорили мне: «Вы обмануты, и ваше состояние никуда не годится». Но такие слова не причиняли мне беспокойства, ибо я отдала Богу заботу о том, что от меня требовалось, об уточнении деталей и способе исполнения Его требований. В таком состоянии душа не ищет чего–либо для самой себя, но лишь того, что угодно Богу. Некоторые могут сказать: «Что же тогда остается делать душе?» Она предает себя водительству Божьего провидения и Божьих творений. Внешне ее жизнь выглядит обычной, но внутри она полностью покорена божественной воле. Чем более враждебным и даже отчаянным кажется положение, тем в большем покое она пребывает, несмотря на неприятности и страдания исходящие от чувств и человеческих творений, которые некоторое время вначале новой жизни, привносят в нее некую облачность и определенные помехи. Но когда душа полностью перешла в свой Первоисточник, все эти явления уже не вызывают ее разделения с Богом. Ее уже больше не оскверняет все то, что исходит от искания своего блага, от человеческой манеры поведения, от небрежности в словах, от всякого живого чувства или стремления. Ибо именно все это вызывало тот туман, который невозможно было ни предотвратить, ни удалить. Душа убедилась, что собственные усилия бесполезны и даже приносят вред, ибо они не производят ничего кроме дальнейшего осквернения. В таком случае нет иного средства или способа, кроме как ожидать, чтобы Солнце Правды рассеяло эту мглу. Весь труд очищения исходит только от Бога. Впоследствии такое поведение становится естественным, и тогда душа может сказать вместе с царственным пророком: «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться». Ибо тогда, даже осаждаемая со всех сторон, она продолжает быть непоколебимой как скала. Имея лишь волю для исполнения Божьих повелений, какими бы они ни были, высшими или низшими, великими или маленькими, сладкими или горькими, требующими отдать почет, богатство, жизнь, или что–либо иное, что может поколебать ее мир? Это правда, что наша плоть столь хитра, что находит себе лазейки везде.

Эгоистичное отношение похоже на василиска, и эгоистичный взгляд разрушает как василиск. Испытания всегда подстроены под состояние души, производятся ли они с помощью озарения, даров, экстаза, или же посредством полного уничтожения своего «я» путем следования за простой верой. Оба эти состояния мы видим в жизни апостола Павла. Он говорит нам: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился». Он трижды молился, и ему было сказано: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». Но он также свидетельствовал

и о другом состоянии, когда он говорил: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» На что он сам же и отвечает: «Благодарю Бога (моего) Иисусом Христом, Господом нашим». Именно Он, Иисус, побеждает в нас смерть посредством Своей собственной жизни. Тогда уже больше нет жала смерти, или колючих игл во плоти, способных причинять боль и страдания. Действительно, в самом начале и еще какое–то время, душа видит, как во время испытаний стремится проявить себя плоть. Именно тогда верность души проявляется в ее удержании, чтобы, не давая ей ни малейшей поблажки, предать, наконец, весь ход жизни Богу и жить в исходящей от Него чистоте. Пока душа пребывает в этом состоянии, она всегда загрязняет действия Бога собственной сущностью, подобно тем речушкам, которые набираются грязи в тех местах, через которые протекают. Но, протекая в чистом месте, они пребывают в чистоте своего источника. Если Бог не научит душу Своему водительству посредством переживаемого ею опыта, то она сама никогда не будет в состоянии его понять. О, если бы души имели достаточно мужества предать себя труду очищения, не проявляя к себе слабой и глупой жалости, какой превосходный, быстрый и счастливый прогресс они бы совершили! Но немногие решаются расстаться с благами земли. Стоит им сделать всего несколько шагов, как море возмущается, и они бросают якорь, чувствуя себя подавленными. В результате они часто отказываются от совершения плавания. Такому беспорядочному поведению мы обязаны эгоистичным интересам и проявлению самолюбия. Посему очень важно не слишком углубляться в собственное состояние, не терять мужества, не давать пищи своему самолюбию, которое коренится слишком глубоко, чтобы его владычество можно было легко уничтожить. Часто ложное представление человека о величии его следования путем божественного опыта вызывает у него желание быть известным и искать в других то же самое совершенствование. Он слишком низкого мнения о других и слишком высокого о самом себе. Затем ему становится даже мучительно общаться с людьми, в которых так много человеческого, в то время как душа, истинно умершая и смиренная, желает скорее общаться с людьми худшего порядка, подчиняясь повелению Провидения, нежели с людьми лучшего порядка, следуя своему собственному выбору. Она желает видеться и говорить лишь с теми, к которым Провидение ее направляет, хорошо понимая, что всем остальным помочь невозможно. Им можно лишь навредить, так как их обращение может оказаться неэффективным. Что же составляет абсолютное удовлетворение такой души? Она не стремится узнать и не знает ничего, кроме того, к чему Бог ее призывает. Таким образом, она наслаждается Божьим покоем, наблюдая внешние события во всей их обширности, громадности и независимости. Она более удовлетворена, когда все творения уничижают и противостоят ей, действуя по повелению Провидения, нежели когда пребывает на троне собственного выбора. Именно так начинается жизнь апостола. Но все ли достигают подобного состояния? Очень немногие, насколько я понимаю. Есть путь озарения, даров и благодати, жизнь в святости, в которой творение выглядит восхитительным. Поскольку такая жизнь видна окружающим, то она и вызывает больше уважения у тех, кто не имеет такого чистого света. А души, идущие по другому пути, часто малоизвестны, ибо так же было долгое время с Иисусом Христом, вплоть до последних лет Его жизни. О, если бы я могла сказать то, что думаю об этот состоянии! Но мне под силу говорить о нем лишь с помощью бессвязных слов.

Глава 9

Находясь с Урсулинками в Тононе после разговора с Епископом Женевы, и увидев изменения, вызванное воздействием на него других людей, я написала ему и Отцу де ля Моту. Но все мои усилия казались тщетными. Чем больше я пыталась улучшить сложившееся положение дел, тем больше священник стремился расстроить его, поэтому вскоре я перестала вмешиваться. Однажды я узнала, что священник одержал победу над той хорошей девушкой, которую я так нежно любила. Мне слишком дорого обошлось мое сильное желание способствовать ее совершенствованию. Смерть своего собственного ребенка я бы не переживала так остро, как ее потерю. В то же самое время мне сказали, каким образом можно было бы помешать злому умыслу, но этот человеческий способ действия был неприемлем для моего внутреннего человека. Тогда в моем сердце всплыли слова: «Если Господь не созиждет храма, напрасно трудятся строящие его». И действительно, Он Сам совершенно удивительным образом позаботился об этой ситуации, удержав девушку от подчинения этому лживому человеку и совершенно расстроив как его планы, так и планы его сообщников.

Пока я была рядом, девушка все еще казалась колеблющейся и испуганной. Но как велика бесконечная благость Божья, способная уберечь и без нашей помощи то, что без Его помощи мы бы неизбежно потеряли! Как только я рассталась с ней, ее дух стал непоколебим. Что касается меня, то не проходило и дня, чтобы мне не наносились все новые оскорбления, ибо их атаки обрушивались на меня совершенно неожиданно. Новые Католики, по наущению Епископа Женевы, священник и сестры в Гексе настраивали против меня всех набожных людей. Но моя собственная участь беспокоила меня очень мало. Если я и могла иметь некоторые переживания, то они касались лишь Отца ля Комба, которого, несмотря на его отсутствие, так низко оклеветали. Они даже пользовались его отсутствием, чтобы извратить все благо, принесенное им стране посредством многих миссий и благочестивых трудов, значение которых было непостижимо огромным. Поначалу у меня возникало желание его защищать, ибо я считала это вполне справедливым. Я делала это вовсе не для себя, но наш Господь показал мне, что я должна прекратить это делать даже для Отца ля Комба, для того чтобы способствовать его абсолютному уничижению. Ибо именно из поражения он сможет извлечь большую славу, нежели ту, которую он извлекал из своей хорошей репутации. Каждый день они изобретали какую–нибудь новую хитрость. Они не упускали ни единой уловки, ни одного злобного приема, осуществить которые было в их власти. Они даже стали улавливать меня в моих собственных словах. Но Бог столь зорко меня хранил, что и в этом они обнаружили лишь свое собственное злорадство.

Я не видела утешения ни в ком из творений. Женщина, на попечении у которой была моя дочь, поступала со мной грубо. Таковы люди, которые в своей жизни полагаются лишь на собственные способности и чувства. Они не видят удачи в делах, оценивая их лишь по степени успешности. Когда совершают ошибки, то, не желая допустить оскорбления своих притязаний, они начинают искать поддержку извне.

Что до меня, то я ни на что не претендовала, и для меня все было успешным, тем более, что все происходящее способствовало моему уничижению. С другой стороны, служанка,

которую я привезла с собой, и которая оставалась со мной все это время, окончательно измучилась. Желая вернуться назад, она донимала меня своими жалобами, расстраивая и попрекая меня с утра до ночи, браня меня за то, что я все оставила, а теперь ни на что не гожусь. Я была вынуждена сносить ее дурное настроение и болтовню. Мой брат, Отец ля Мот, писал мне, что я восстаю против воли Епископа, и причиняю ему боль, даже просто оставаясь в его епархии. Я понимала, что мне действительно нечего здесь делать, тем более, что Епископ настроен против меня. Я делала все, что было в моих силах, чтобы завоевать его расположение, но это было невозможно ни при каком другом условии кроме требуемого им пострига и исполнения обязанностей, которые не были для меня предназначены. Все это вместе с плохим воспитанием моей дочери, тревожило мое сердце. Когда появлялся мерцающий луч надежды, он вскоре исчезал, и я набиралась силы из своего же отчаяния.

В течение этого времени Отец ля Комб находился в Риме, где его приняли с такими почестями, а его учение было оценено так высоко, что Священная Конгрегация охотно приняла его рекомендации по некоторым доктринальным вопросам. Посчитав их весьма ясными и справедливыми, они даже последовали им. В то же время вышеупомянутая сестра и вовсе перестала заботиться о моей дочери. Но стоило мне самой заняться ею, как она выказывала свое недовольство. Я никоим образом не могла ее заставить дать мне обещание в том, что она будет стараться предотвращать развитие плохих привычек у моей дочери. Однако я надеялась, что Отец ля Комб, по своем возвращении, все поставит на свои места и снова принесет мне утешение. Я все предала Богу.

Примерно в июле 1682 года, моя сестра, которая была Урсулинкой, получила разрешение приехать. Она привезла с собой служанку, что было как нельзя кстати. Теперь моя сестра помогала мне в воспитании дочери, но у нее случались частые ссоры с ее преподавательницей, и я напрасно пыталась их помирить. На примере некоторых случаев, с которыми я здесь сталкивалась, я ясно видела, что великие дарования не освящают, если только они не сопровождаются глубоким смирением. Я также поняла, что умереть для всего намного более благотворно. Здесь была одна особа, которая считала себя достигшей вершины совершенства, но когда на нее стали обрушиваться испытания, она обнаружила, что еще слишком далека от него. О мой Бог, как истинно то, что, обладая Твоими дарованиями, мы можем быть так несовершенны и исполнены своего я! И сколь узки врата, ведущие к жизни в Боге! Насколько человеку нужно быть умаленным, чтобы пройти через них, ибо это есть ни что иное, как смерть для самого себя! Но когда мы прошли через них, какая обширная картина раскрывается перед нашим взором! Давид сказал: «Он вывел меня на пространное место» (Псалом 17:20). Именно посредством уничижения и смирения он был приведен туда.

По своем прибытии Отец ля Комб пришел повидать меня. Первое, что он сказал мне, касалось его собственной слабости. Также он говорил мне о необходимости вернуться. Он добавил: «Все выглядит слишком мрачно, и не похоже, чтобы Бог желал употребить меня в этой стране». Епископ Женевы написал Отцу ля Моту о том, чтобы он уговорил меня вернуться, и тот в свою очередь говорил то же самое. Во время первого Великого Поста, который я провела с Урсулинками, я страдала от сильной боли в глазах. Тот самый нарыв, который был у меня раньше между глазом и носом, воспалялся три раза. Затхлость и шумная комната, в которой я

жила, также этому способствовали. Мое лицо ужасно распухла, но внутренняя радость была велика. Так удивительно было видеть много добрых творений, которые, не будучи осведомленными, любили и жалели меня, в то время как остальные были исполнены против меня ярости. Большая часть этой ненависти основывалась на абсолютно ложных слухах, ибо они не знали меня и не понимали причины своей ненависти ко мне. Вдобавок ко всем моим скорбям, моя дочь заболела и уже была близка к смерти. Когда ее воспитательница также слегла, то оставалось слишком мало надежды на выздоровление. Но моя душа, предоставив все Богу, продолжала пребывать в состоянии мира и покоя. О главный и единственный предмет моей любви! Не будь в этом мире никакого другого воздаяния за те небольшие поступки, которые мы совершаем или за те знаки поклонения, которые мы Тебе оказываем, разве не достаточно для нас этого прочного умиротворения перед лицом превратностей жизни? Чувства действительно иногда желают отойти в сторону или удалиться в своей праздности, но перед душой, полностью подчиненной Богу, неизменно идет страдание. Говоря о прочном умиротворении, я не имею ввиду человека, который неспособен уклониться в сторону или упасть, ибо совершенное умиротворение возможно только на Небесах. Я называю его прочным и постоянным в сравнении с теми состояниями, которые ему предшествовали, исполненные превратностей и изменчивости. Я не исключаю того, что чувства могут подвергаться страданиям, не исключаю также пробуждения поверхностной неправедности, ибо ее еще необходимо победить. Это может быть сравнимо с очищенным, но тусклым золотом. Оно уже не нуждается в очищении огнем, пройдя через эту операцию, но нуждается только в дополнительной полировке. Как раз это со мной тогда и происходило.

Глава 10

Моя дочь заболела оспой. Они послали в Женеву за врачом, который затем оставил ее. Тогда Отец ля Комб прибыл с визитом, чтобы помолиться с ней. Он дал ей свое благословение, после которого она вскоре чудесно выздоровела. Гонения Новых Католиков против меня продолжались и даже усиливались. Но, несмотря на это, я не переставала делать для них все то доброе, что было в моих силах.

Воспитательница моей дочери часто приходила со мной побеседовать, но в ее высказываниях было видно много несовершенства, хоть она и говорила на религиозные темы. Отец ля Комб все устраивал для моей дочери, и это вызвало такую сильную досаду у воспитательницы, что ее прежнее дружелюбие превратилось в холодность. Она обладала милостивым характером, но слишком часто природа преобладала над ним. Я поделилась с ней своими мыслями по поводу ее недостатков, ибо внутренне чувствовала побуждение к этому. Бог вразумил ее, чтобы она могла увидеть истинность моих слов, и с этого времени она стала более просветленной. Однако вскоре последовало возвращение ее холодности по отношению ко мне. Споры между нею и моей сестрой становились более острыми и резкими. Моя дочь, которой тогда было всего шесть с половиной лет, с помощью своих маленьких хитростей находила способ угодить им обоим, стараясь делать вдвое больше, нежели от нее требовалось. Сначала она общалась с одной, затем с другой, что продолжалось недолго. Ибо поскольку преподавательница обычно пренебрегала ею, один раз занимаясь, а в другой раз нет, ей оставалось учиться лишь тому, чему учили ее я и моя сестра.

Изменчивость моей сестры была такой сильной, что без употребления благодати человеку было трудно угодить ей. Однако мне казалось, что она во многом себя превозмогала. Раньше я бы едва перенесла ее манеры, но с тех пор, как я научилась любить все в Боге, Он даровал мне способность легко переносить недостатки ближнего. Вместе с этим Он дал мне готовность угождать и делать одолжение всякому, а также такое сострадание к их бедствиям или переживаниям, которого у меня не было раньше. Мне не трудно снисходить людям несовершенным, и меня втайне мучит совесть, если я этого не делаю. Но по отношению к душам исполненным благодати, я не могу употреблять эту человеческую манеру поведения, как не могу и переносить долгих и частых бесед. На это способны немногие. Некоторые религиозные люди говорят, что эти беседы оказывают большую помощь. Я думаю, что для некоторых это действительно так, но не для всех. Ибо бывает время, когда это приносит вред, особенно когда мы делаем это по собственному выбору, ибо человеческая склонность портит все. Те же самые вещи, которые могут быть полезны, когда их совершает Бог, Святым Духом, становятся совершенно иными, когда мы сами являемся их инициаторами. Мне это кажется столь очевидным, что я предпочитаю провести весь день с худшими из людей, повинуясь Богу, нежели провести один час с лучшими, руководствуясь лишь своим собственным выбором или наклонностями. Божественное провидение полностью руководит и направляет душу преданную Богу. И до тех пор, пока она будет верно предоставлять себя Ему, все будет получаться правильно и хорошо. Душа будет иметь все, в чем нуждается, не прилагая к этому собственных усилий. Ведь Бог, которому она доверилась, побуждает ее каждое мгновение исполнять то, что

Он требует, и устраивает соответствующие для этого обстоятельства. Бог любит то, что исходит из Его собственного порядка и воли, а не то, что является результатом идей обычного разумного или даже просвещенного человека. Он прячет одних людей от взоров других для того, чтобы сохранить их для Себя в сокрытой чистоте. Но как случается, что такие души могут совершать проступки из–за своей неверности, отдавая себя власти настоящего мгновения? Зачастую питая к чему–либо сильную склонность, или желая показать свою чрезвычайную верность, они впадают во многие грехи, которые им не под силу предвидеть или избежать. Но оставляет ли Бог души, доверившиеся Ему? Разумеется, нет. Он вскоре совершил бы чудо, если бы они смирились под Его руку. Они могут смиряться в общем, но не умеют смиряться в каждый конкретный момент времени. И находясь вне Божьего порядка, они терпят поражение. Такие падения повторяются вновь и вновь до тех пор, пока они пребывают за пределами божественного порядка. Когда же они возвращаются в него, все снова идет правильно и хорошо. Можно сказать с уверенностью, что если бы такие души были достаточно верны в том, чтобы не допускать своего выхода из Божьего порядка в каждый момент своей жизни, они бы не терпели поражений. Мне это кажется ясным как день. Подобно тому, как кость, вывихнутая из того места, куда поместила ее божественная мудрость, причиняет постоянную боль до тех пор, пока не будет вправлена на свое место, многие жизненные неприятности случаются, если душа не пребывает на должном месте, не будучи довольна ни порядком Божьим, ни теми возможностями, которые ей время от времени предоставляются. Если бы люди знали этот секрет, они бы были совершенно удовлетворены и вполне счастливы. Но, увы! Вместо того чтобы быть довольными тем, что имеют, они всегда желают того, что не имеют, в то время как душа, вошедшая в божественный свет, начинает испытывать райское блаженство.

Но в чем же состоит это райское блаженство? Это порядок Божий, делающий всех святых бесконечно довольными, хоть они и не равны во славе! Как получается, что многие очень бедные люди весьма довольны, а принцы и властелины, наслаждающиеся изобилием, столь жалки и несчастны? Это оттого, что человек, недовольный тем, что имеет сейчас, никогда не избавится от страстных желаний. Будучи жертвой неутоленного желания, он никогда не сможет быть довольным. Все души имеют более или менее сильные и страстные желания, за исключением тех, чья воля потеряна в воле Божьей. Некоторые имеют хорошие желания, такие как принять мученичество для Бога. Другие жаждут спасения своего ближнего, а некоторые мечтают увидеть Бога в Его славе. Все это превосходно. Но тот, кто покоится в божественной воле, даже будучи лишенным всех этих желаний, бесконечно более доволен и больше прославляет Бога. Об Иисусе Христе, когда он изгонял из храма оскверняющих его людей, написано: «Ревность по доме Твоем снедает Меня» (Иоанна 2:17). Именно в тот момент Божьего порядка данные слова возымели свое действие. Сколько раз Иисусу Христу приходилось бывать в храме и раньше, когда он не вел себя подобным образом? Не случалось ли Ему говорить, что Его час еще не настал?

Глава 11

После возвращения отца ля комба из Рима, где он получил поддержку и много свидетельств о жизни и учении, он как обычно исполнял свои обязанности проповедника и исповедника. Я рассказала ему о том, что я делала и пережила в его отсутствие, и как Бог позаботился обо всех моих проблемах. Я видела, как Провидение беспрестанно проявляло себя даже в мельчайших делах. Не имея в течение нескольких месяцев никаких новостей о моих бумагах, когда некоторые люди торопили меня с письмами и винили за небрежность, невидимая рука удерживала меня, и мой мир и уверенность были велики. Дома я получила письмо от священника, из которого узнала, что ему поручено приехать и встретиться со мной, так как у него были мои бумаги.

Я послала в Париж за охапкой вещей для своей дочери. Но вскоре я услышала, что они утонули в озере, и не могла узнать больше никаких подробностей. Но я не сокрушалась по этому поводу, так как всегда верила, что они найдутся. Человек, который взялся найти вещи, искал их во всех окрестностях целый месяц, ничего о них не слыша. По окончании трех месяцев мне их привезли, найдя в доме одного бедняка, который не открывал их и даже не знал, каким образом они к нему попали. Как только я послала за суммой денег, которой мне должно было хватить на целый год, человек, обязавшийся получить их по чеку наличными, положив деньги в два мешка на лошади, забыл о том, что они там были, и доверил вести лошадь какому–то мальчишке. Мешки с деньгами упали с лошади посреди рынка в Женеве. В тот момент я там оказалась, идя с противоположной стороны. Первое что я обнаружила, посветив фонарем, были мои деньги. Удивительно, что большая толпа народу так их и не заметила. Со мной происходили многие подобные вещи. Но и этих рассказов достаточно, чтобы показать постоянную защиту Бога.

Епископ Женевы продолжал меня преследовать. Когда он писал мне, его письма были исполнены вежливости и благодарности за все мои благодеяния в Гексе, но в то же самое время он говорил другим, что я «ничего не оставила этой обители». Он писал против меня Урсулинкам, с которыми я жила, повелевая им запрещать мне встречаться с Отцом ля Комбом. Игумен обители, достойный человек, и настоятельница, равно как и вся община, были столь раздражены всем этим, что не могли не сообщить ему об этом. Тогда он принес извинения с видимым уважением, говоря, что не имел в виду ничего плохого. Они написали ему, что «видят в Отце лишь исповедника, а не собеседника, а мое присутствие оказывает столь созидающее действие, что они счастливы меня принимать, почитая это великим благом Божьим». Но то, что было сказано ими из чистого милосердия, не было приятно Епископу, ибо, видя меня, окруженную любовью в этой обители, он сказал, что я привлекла всех на свою сторону, и что он желал бы меня видеть за пределами епархии. Несмотря на то, что мне было известно все это, и добрые сестры были этим встревожены, я не испытывала беспокойства по причине стойкого умиротворения, в котором пребывала. В воле Божией все мне виделось в одном свете. Какими бы неразумными или несдержанными не казались творения, человек веры рассматривает их не самих по себе, но видит их в Боге без различий. Поэтому, когда я вижу недоумение бедных душ, вызываемое спорами, смущающими их объяснениями, мне их становится жаль. Я знаю, что у

них есть на то свои причины, которые под действием самолюбия выглядят очень справедливыми.

Для того чтобы немного отдохнуть от утомительных постоянных бесед, я попросила Отца ля Комба об уединении. Именно тогда я позволила себе быть поглощенной любовью весь день напролет. Также я ощущала в себе качества духовной матери, ибо Господь даровал мне то, что я даже не могу выразить, ибо это служит для совершенствования душ. Я не могла это скрыть от Отца ля Комба. Мне казалось, что я вошла в тайники его сердца. Наш Господь показал мне, что Отец является Его слугой, избранным из тысячи исключительно для Его прославления. Но Он проведет его через абсолютную смерть и полное крушение человека в старости. Господь желал, чтобы в этом был и мой вклад, дабы я послужила инструментом, направляющим его на путь, на который и он меня когда–то поставил. А для того, чтобы я была в состоянии вести других, я должна была рассказывать им о пути, которым мне самой довелось пройти. Господь желал видеть нас соответствующими друг другу, чтобы мы стали единым целым в Нем. Хоть моя душа теперь ушла немного вперед, ему было суждено опередить ее однажды в смелом и быстром полете. Богу известно, с какой радостью я наблюдала, когда мои духовные дети опережали свою мать.

Находясь в уединении, я чувствовала сильное желание писать, но сопротивлялась ему, пока не заболела. Я не знала о чем писать, не было ни единой мысли, с которой можно было бы начать. Но это был толчок свыше, столь исполненный благодатью, что ее трудно было вместить. Я открыла свое настроение Отцу ля Комбу. Он ответил мне, что у него было сильное побуждение повелеть мне писать, но он еще не осмеливался сказать мне о нем по причине моей слабости. Я сообщила ему, что «эта слабость и является результатом моего сопротивления, и что она уйдет, стоит мне только взять перо». Он спросил: «Но что же ты напишешь?» Я ответила: «Я ничего не знаю об этом, и даже не желаю знать, предоставляя Богу во всем меня направлять». Он повелел мне так и поступить. Когда я взяла перо, я не знала даже первого слова, которое я должна написать, но когда начала, то мысль потекла обильно, безостановочно и стремительно. По мере того как я писала, я постепенно успокоилась, и мне стало лучше. Я написала целый трактат о внутреннем движении веры, сравнивая его с потоками, течениями и реками. Поскольку тот путь, которым теперь Бог вел Отца ля Комба, очень отличался от того, по которому он ранее следовал (где были знание, весь свет, пыл, уверенность, чувство), теперь же бедность, унижение, презираемая тропинка веры, и обнаженность души, ему было очень сложно покориться такому пути. Кто бы мог сказать, через что довелось пройти моему сердцу, прежде чем оно покорилось воле Божьей? В то же самое время владение Господом моей душой становилось с каждым днем все сильнее, так что я проводила целые дни не в состоянии проронить хотя бы слово. Господу было угодно посредством моего абсолютного внутреннего преобразования поместить меня в Себя полностью. Он все более становился абсолютным хозяином моего сердца до такой степени, чтобы не позволять мне ни единого собственного движения. Но это состояние не мешало мне снисходить к моей сестре и к другим людям в обители. Тем не менее, те бесполезные вещи, которыми они были заняты, не могли меня интересовать. Именно это побудило меня просить об уединении, чтобы отдать себя во владение Тому, кто совершенно невыразимым образом держал меня так близко к Себе.

Глава 12

Это время у меня было столь ревностное желание способствовать совершенствованию Отца ля Комба и видеть его абсолютно умершим для своего я, что я желала ему всех крестных испытаний и мук, которые только можно было себе представить. Я надеялась, что они смогут привести к желанной и благословенной цели. Если он в чем–то проявлял неверность или смотрел на вещи в ином свете, нежели в свете истинном, и это препятствовало полному умерщвлению, я чувствовала себя как на иголках, что меня очень удивляло, ибо до сих пор я была ко всему безучастна. Я пожаловалась моему Господу, и Он милостиво меня ободрил, как в этом вопросе, так и в отношении дарованной мне полной от Него зависимости, которая была во мне подобна состоянию новорожденного младенца.

Моя сестра привезла мне служанку, которую Богу было угодно послать мне для моего дальнейшего изменения согласно Его воле, не без предназначенного мне распятия. Я верю, что не может быть, чтобы Господь посылал мне кого–то из людей, не побуждая их причинять мне страдания, будь это с целью привлечь их к духовной жизни или же с целью не лишать меня испытаний. Она была человеком, на которого Господь излил совершенно особые милости. В этой стране она слыла женщиной высокой репутации, и все считали ее святой. Наш Господь привел ее ко мне, дабы она смогла увидеть разницу между святостью, заключенной и выражаемой в дарах, которыми она была наделена, и святостью, которая обретается путем полного уничтожения, даже если это сопровождается потерей тех самых даров и всего того, что подымает нас в человеческих глазах. Наш Господь даровал ей ту же самую зависимость от меня, которую я имела в отношениях с Отцом ля Комбом.

Однажды эта девушка серьезно заболела. Я старалась оказать ей всякую помощь, которая была в моих силах, но вскоре поняла, что мне остается только запретить ее телесному недугу или подавленному умственному состоянию. Все что я сказала, совершилось. Вот тогда я узнала, что значит, повелевать Словом и повиноваться Слову. Во мне пребывал Иисус Христос, который в равной степени повелевал и повиновался. Тем не менее, она еще оставалась слабой некоторое время. Однажды после ужина у меня было побуждение ей сказать: «Встань, и больше не будь больной». Она встала и была тотчас исцелена. Монашки были поражены. Они ничего не знали о случившемся, но видели в добром здравии ту, которая еще утром, казалось, находилась на исходе сил. Они приписали ее недомогание слишком живому воображению.

Я во многих случаях испытала и ощущала в самой себе, насколько Бог чтит свободу человека, всегда требуя его добровольного согласия. Ибо когда я говорила: «Будь исцелен», или «Будь свободен от своих мучений», если люди соглашались, то Слово производило свое действие, и они исцелялись. Если же они сомневались, или противились, даже основываясь на разумных предлогах, и, говоря: «Я исцелюсь, если это будет угодно Богу, но не исцелюсь, пока Он этого не пожелает». Или же если они находились в отчаянии, говоря: «Я не могу быть исцелен, ибо мое состояние никогда не изменится». Тогда Слово не имело действия. Я чувствовала в себе, что божественная сила во мне отступала. Я испытала то, о чем сказал наш Господь, когда к Нему прикоснулась женщина, измученная истечением крови. Он немедленно

спросил: «Кто прикоснулся ко мне?» Апостолы сказали: «Наставник! народ окружает Тебя и теснит, и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?» Но Он ответил: «Ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Луки 8:45,46). Иисус Христос побуждал эту исцеляющую силу течь через меня посредством Его Слова. Но когда эта сила не встречала согласия в человеке, я ощущала, что она задерживалась в своем источнике. Это причиняло мне некоторое страдание. Как и следовало, я была недовольна такими людьми, но когда не было сопротивления, а было полное согласие, то божественная сила производила свое совершенное действие. Исцеляющая сила имеет огромную власть над вещами неодушевленными, и все же даже малейшее сопротивление в человеке способно ограничить или полностью остановить ее.

Одна добрая монашка была очень болезненной и измученной искушениями. Она пошла рассказать о своем положении одной сестре, которую она считала весьма духовной и способной оказать ей помощь. Но совершенно не найдя поддержки, она была весьма разочарована и подавлена. Упомянутая сестра отнеслась к ней с пренебрежением и оттолкнула от себя, сказав ей презрительным и безжалостным тоном: «Не вздумай ко мне подходить, если ты такая». Эта несчастная девушка, в страшном отчаянии пришла ко мне, считая себя погибшей из–за того, что ей сказала эта сестра. Я успокоила ее, и наш Господь немедленно ее освободил. Но я не могла не сказать ей, что та монашка теперь будет наказана и окажется в состоянии еще худшем, чем она. Эта сестра, которая поступила с первой, таким образом, также пришла ко мне, весьма довольная своим поступком. Она сказала, что «ей отвратительны такие искушаемые творения. Что до нее самой, то она полностью неподвластна искушениям такого рода, ибо у нее никогда не появлялось плохой мысли». Я сказала ей: «Сестра моя, питая к Вам дружеское чувство, я желаю Вам тех же мучений, о которых она говорила, и даже больших, нежели ее мучения». Она сказала высокомерно: «Если бы вы попросили этого для меня у Бога, а я бы попросила о противоположном, я верю, что Господь услышал меня скорее, чем Вас». Я ответила с большой твердостью: «Если бы в том, чего я прошу, была доля моего личного интереса, я бы не была услышана, но если это только в интересах Бога и Ваших, я буду услышана скорее, нежели вы думаете». В ту же самую ночь она впала в такое сильное искушение, что едва ли было известно о подобном. Именно тогда у нее появилось предостаточно возможности осознать свою слабость и понять, кем бы она была без благодати. Сначала она затаила против меня жестокую ненависть, говоря, что я являюсь причиной ее страдания. Но это послужило ей подобно брению, которое просветило того, кто был рожден слепым. Вскоре она очень хорошо поняла, что привело ее к такому ужасному состоянию.

Как–то я очень серьезно заболела. Но болезнь оказалась лишь средством для прикрытия тех великих таинств, которые Богу было угодно во мне совершить. Едва ли заболевание бывало когда–либо более необычным, а кризис до такой степени длительным. Несколько раз во сне я видела Отца де ля Мота, возбуждающего против меня гонения. Наш Господь уведомил меня, что это произойдет, и что Отец ля Комб оставит меня во время гонений. Я написала ему об этом, и мое письмо надолго лишило его покоя. Он считал, что его сердце соединено с волей Божьей и исполнено слишком большого желания служить мне, дабы ему было возможно оставить меня. Однако прошло время, и это оказалось правдой. Сейчас же он должен был проповедовать во время Великого Поста, и его проповеди пользовались таким огромным успехом, что люди

приходили за пять лье, не боясь потратить несколько дней ради его служения. Затем я услышала, что он заболел и был при смерти. Я молилась Господу о восстановлении его здоровья и укреплении сил для проповеди людям, которые жаждали его услышать. Моя молитва была услышана, ибо вскоре он выздоровел и возобновил свои благочестивые труды.

В течение этой необычной болезни, которая длилась больше шести месяцев, Господь постепенно научил меня, что между душами, полностью принадлежащими Ему, существует иной способ общения, нежели просто человеческая речь. Ты позволил мне постичь, о Божественное Слово, что подобно тому, как Ты говоришь и действуешь в глубине души, где Ты являешь себя в глубокой тишине, в такой же невыразимой тишине возможно общение и между Твоими творениями. Тогда я услышала язык, который ранее был мне неизвестен. Когда вошел Отец ля Комб, я постепенно ощутила, что больше не могу говорить. В моей душе в отношениях с ним сформировалось такое же молчание, которое у меня было и в отношениях с Богом. Я осознавала, что Бог желал показать мне, как люди еще в этой жизни могут научиться языку ангелов. Постепенно мое общение с ним было сведено к общению в молчании. Именно тогда мы стали понимать друг друга в Боге, что было совершенно неописуемо и божественно. Наши сердца говорили друг с другом, передавая друг другу благодать, которую не могут выразить никакие слова. Это походило на новую страну, существующую лишь для нас двоих, и страна эта была столь небесного качества, что мне не под силу ее описать. По началу это совершалось настолько ощутимо, ибо Бог проницал нас Собой в сладостной чистоте, что мы могли проводить целые часы в этом глубоком молчании, всегда исполненном общения, не имея сил произнести хотя бы слово. Именно в нем мы на собственном опыте познали, как небесное Слово сводит души в единство с самим собой, а также, какую чистоту все это производит в человеке еще в этой жизни. Мне было дано общаться таким образом и с другими добрыми душами, но несколько отличным образом. Я лишь передавала им благодать, которой они наполнялись, находясь рядом со мной в этом священной молчании. Это вливало в них сверхъестественную силу и блаженство, но я ничего не получала от них. В то время как с Отцом ля Комбом происходил как прилив, так и отлив общения благодати, которую он получал от меня, а я получала от него в состоянии величайшей чистоты.

Во время этой длительной болезни любовь Божья, и только она одна, занимала все мое существо. Мне казалось, я настолько глубоко, полностью потеряна в Нем, что совершенно не вижу саму себя. Мне также представлялось, что мое сердце никогда не выходило из этого божественного океана, погруженное в него в результате опыта глубоких уничижений. О блаженство потери, осуществляющее счастье, хоть оно и достигается путем крестных мук и умирания! Во мне теперь жил Иисус, и я уже больше не жила. Эти слова были выгравированы во мне, как то истинное состояние, к которому мне должно было прийти, когда «лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мтф.8:20). Я пережила эту реальность во всей ее полноте, не имея ни верного пристанища, ни убежища среди друзей, которые меня стыдились и открыто от меня отрекались. Всеми порицаемая, я не имела убежища и среди родственников, большинство из которых объявили себя моими врагами и были моими злейшими гонителями, в то время как остальные смотрели на меня с презрением и возмущением. Я могла бы сказать подобно Давиду: «Ибо ради Тебя несу я

поношение, и бесчестием покрывают лице мое. Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей». Бог показал мне, что весь мир ополчился против меня. Ибо никто не пришел ко мне и не утвердил меня в невыразимом молчании Его вечного Слова в том, что Он дарует мне множество детей, которых я смогу родить в крестных страданиях. Я предоставила Ему совершать то, что Ему угодно, считая, что меня должно интересовать единственно только то, что есть в Его божественной воле. Он также дал мне увидеть, как Дьявол собирался возбудить ожесточенное гонение против молитвы. Однако именно это и должно было подтвердить истинность источника этой молитвы, или же скорее средства, которыми Бог воспользуется, чтобы ее установить. Он дал мне увидеть дальше, как Он поведет меня в пустыню, где будет питать меня некоторое время. Крылья, принесшие меня туда, были смирением всего моего существа перед Его святой волей.

Я думаю, что и сейчас нахожусь в этой пустыне, отделенная от всего мира в моем заключении. То, что было мне показано, уже частично совершилось. Смогу ли я когда–нибудь описать все те милости, которые мой Бог на меня излил? Нет. Они должны навсегда остаться в Нем Самом, обладая неописуемой в своей безмерности и чистоте природой. По всем признакам я часто была на пороге смерти. От жестоких болей меня мучили судороги, которые продолжали неистово владеть мною долгое время. Отец ля Комб совершил для меня причастие, так как Настоятельница Урсулинок попросила его сделать это. Я была вполне согласна умереть, равно как и он, ожидая моего ухода. Ибо смерть не могла разлучить тех, которые были слиты в Боге таким чистым духовным образом. Напротив, она бы еще теснее связала нас. Отец ля Комб, стоявший на коленях у моего ложа, увидев изменение моего лица и угасание глаз, казалось, был готов со мной расстаться. Но вдруг Бог вдохновил его поднять руки и сильным голосом, который был услышан всеми людьми, находящимися в комнате, приказал смерти разжать свои тиски. Она была остановлена в то же мгновение. Таким образом, Богу было угодно вновь восстановить меня, хоть я еще находилась в чрезвычайной слабости долгое время, в течение которого наш Господь дал мне новые свидетельства Своей любви.

Сколько раз Он употреблял Своего слугу, чтобы вернуть меня к жизни, когда я была на грани абсолютного угасания! Поскольку окружающие увидели, что мой недуг и боли полностью не прекратились, они рассудили, что воздух озера, на берегу которого был расположен монастырь, был слишком вреден для моего организма. Тогда они пришли к выводу, что мне необходимо переехать. Во время моей болезни наш Господь положил на сердце Отцу ля Комбу открыть на этом месте больницу для страдающих от болезней бедняков. Также Он побудил его открыть общество для женщин, которые не в состоянии оставить свои семьи и поехать в больницу. Здесь они могли бы получать средства для существования на время их болезни, так как это было во Франции, ибо в этой стране еще не было подобного заведения. Я с огромным желанием присоединилась к этому проекту, и мы начали его осуществлять, не имея никакого другого источника средств, кроме Провидения и нескольких нежилых комнат, которые дал нам один джентльмен из города. Мы посвятили заведение святому младенцу Иисусу, ибо Ему было угодно даровать первые кровати из моей пенсии. Он настолько благословил нас, что к нам в этом благотворительном деле присоединились еще несколько человек. Через небольшое время мы уже имели двенадцать кроватей, и три очень набожных человека изъявили желание служить в

больнице. Они безо всякой платы посвятили себя на служение бедным пациентам. Я обеспечивала больницу мазями и лекарствами, которые бесплатно поставлялись нуждающимся беднякам города. Добрые женщины так искренне относились к исполнению дела, что благодаря их милосердию и заботе в этой больнице поддерживался прекрасный порядок и обслуживание. Эти женщины решили вместе заботиться о бедняках, которые не могли лечь в больницу. Я дала им некоторые советы из того, что мне удалось наблюдать во Франции, которым они продолжали следовать с нежностью и любовью. Успеху всех этих мелочей, стоивших такую малость, мы были обязаны Божьему благословению, но этим самым мы навлекли на себя новые гонения.

Епископ Женевы был более чем когда–либо оскорблен моим поведением, в особенности видя, что подобные незначительные действия снискали мне всеобщую любовь. Он говорил, что я завоевала всех. Он открыто заявлял: «Я не могу переносить ее присутствия в епархии», несмотря на то, что я делала одно лишь добро, или скорее Бог совершал его через меня.

Епископ распространил свои гонения также и на этих добрых религиозных женщин, которые были моими помощницами. Настоятельница, в частности, получила в гонениях свою долю, хоть это и не длилось слишком долго.

После того, как я, после двух с половиной лет пребывания на этом месте, по причине неподходящего климата была вынуждена переехать, они жили в большем мире и покое. С другой стороны, моя сестра слишком устала от обители, и когда приближалось время паводка, они, воспользовавшись им, отослали ее вместе со служанкой, которую я брала с собой, и которая чрезвычайно меня донимала во время моей последней болезни. Я держала возле себя только ту, которую Провидение послало мне через мою сестру. Я всегда думала, что Бог тогда устроил поездку моей сестры единственно для того, чтобы она привезла ее мне, как Им избранную и соответствующую тому состоянию, которое Ему было угодно мне дать. Пока я еще была очень слабой, Урсулинки вместе с Епископом Версаля, весьма просили Отца настоятеля Варнавитов найти среди набожных людей достойного человека, равно благочестивого и образованного, которому бы он доверял, и кто бы мог послужить ему, как помощник и советник. Сначала он обратил внимание на Отца ля Комба, но прежде чем тот приступил к этому служению, он написал ему письмо, чтобы узнать, не имеет ли он возражений против такого служения. Отец ля Комб ответил, что его воля состоит единственно в послушании настоятелю, и что он может располагать им так, как посчитает лучше всего в этом случае. Отец рассказал мне об этой ситуации и о том, что мы будем полностью разлучены. Я была рада узнать, что наш Господь желает его использовать под началом епископа, знакомого с ним и склонного поступать по справедливости. Однако до его отъезда не все вопросы еще были улажены.

Глава 13

Позже я покинула урсулинок. Они нашли для меня жилье недалеко от озера. Там был только один пустой дом, вид которого говорил о крайней нищете. Дымоход был только в кухне, через которую приходилось проходить. Я взяла с собой свою дочь и отвела ей и ее служанке самую большую комнату. Сама же расположилась на соломе на маленьком чердаке, куда я поднималась по лестнице. Поскольку кроме кроватей у нас не было другой мебели, хотя бы даже самой простой и незатейливой, я привезла несколько плетеных стульев и голландскую глиняную и деревянную утварь. Никогда мне не приходилось быть более довольной, чем на этом маленьком чердаке, который казался столь уютным для положения Иисуса Христа. Мне все представлялось намного вкуснее на деревянной посуде, нежели на тарелках. Я запаслась необходимыми продуктами, надеясь оставаться здесь долгое время. Но дьявол не оставил меня надолго в таком сладостном мире. Мне сложно описать те гонения, которые были против меня возбуждены. В мои окна бросали камни, и они падали у моих ног. Мне удалось привести в порядок мой маленький садик. Тогда они пришли ночью и уничтожили его, сломав беседку и, перевернув в ней все, как если бы там бесчинствовали солдаты. Каждую ночь они приходили под дверь, выкрикивая оскорбления, устраивая такой грохот, как будто собирались проломать дверь. Позже эти люди признались мне, кто повелел им заниматься таким делом.

Несмотря на то, что время от времени я продолжала оказывать благотворительную помощь Гексу, меня преследовали из–за него не меньше. Они дали распоряжение одному человеку принудить Отца ля Комба остаться в Тононе, думая, что в противном случае, он будет для меня поддержкой во время гонений. Но мы воспрепятствовали этому. Тогда мне были неведомы планы Божьи, и что вскоре Он вытащит меня из этого одинокого бедного жилища, где я радовалась в сладостном и стойком удовлетворении, невзирая на оскорбления. Здесь я ощущала себя счастливее, нежели любой монарх на земле. Для меня это было гнездом отдыха, и Христос желал, чтобы в этом я уподобилась Ему.

Как я уже говорила, дьявол, возбуждал моих гонителей. Они послали передать мне, что изгонят меня из епархии. Все то добро, которое Господь побудил меня здесь совершить, осуждалось более чем величайшие преступления. Они были терпимы к преступлениям, но не могли вынести моею присутствия. В течение всего этого времени у меня не возникало беспокойства или сожаления по поводу того, что я все оставила, но вовсе не из–за того, что я видела в этом волю Божию. Такая уверенность была бы слишком для меня непосильна. Но я ничего не видела и ничего не ценила, принимая все одинаково из руки Бога, Который наделял меня этими крестными испытаниями по справедливости или по милости. Маркиза Прюне, сестра главного Статского Секретаря Его Королевского Величества и премьер–министра Графа Савуа, во время моей болезни прислала мне срочное письмо из Турина, приглашая посетить ее и говоря, что если я подверглась таким преследованиям в этой епархии, я смогу найти у нее убежище на некоторое время, в течение которого положение дел может улучшиться. А когда она будет готова, то возвратится вместе со мной и присоединится ко мне с одной из моих подруг из Парижа, которая также хотела потрудиться здесь согласно воле Божьей. В то время я была не в

состоянии исполнить просимое ею и намеревалась продолжать сотрудничать с Урсулинками, пока ситуация не изменится. Позже она более не писала мне об этом. Эта дама обладала чрезвычайной набожностью, ибо она оставила великолепие и шум Двора, отдав предпочтение спокойному удовольствию уединенной жизни и посвятив себя Богу. Обладая всеми природными дарованиями, она продолжала оставаться вдовой в течение двадцати двух лет, отказавшись от всех предложений замужества, посвятив всю себя нашему Господу без остатка. Когда она узнала, что мне пришлось оставить Урсулинок, при этом ничего не зная о том, как там со мной обращались, она прислала письмо, обязав Отца ля Комба ради ее собственного блага провести несколько недель в Турине, куда он должен был привезти и меня. Нам не было известно что привело ее к принятию такого решения. Как она рассказала нам позже, некая сила свыше побудила ее к этому, ибо цель была ей неизвестна. Если бы она намеренно размышляла об этом, будучи такой предусмотрительной женщиной, она возможно и не сделала бы всего этого, ибо гонения, которые устраивал против нас Епископ Женевы, стоили ей больше, чем просто мелкие унижения. Наш Господь позволил Епископу преследовать меня совершенно удивительным образом, так как он проникал везде, где мне приходилось бывать. Я же никогда не причиняла ему зла. Напротив, я готова была отдать свою жизнь за благо его епархии.

Поскольку эти приглашения пришли к нам безо всяких наших планов на этот счет, мы без колебания подумали, что это было в воле Божьей. Мы решили что, возможно, Он желает вытащить нас из тех порицаний и преследований, среди которых мы трудились, гонимые с одной стороны и приветствуемые с другой. Было решено, что Отец ля Комб сопроводит меня в Турин, а оттуда отправится в Версаль. Кроме него я взяла с собой одного набожного достойного человека, который последние четырнадцать лет преподавал богословие, дабы лишить наших врагов всякой возможности клеветать. Также я взяла с собой одного мальчика, которого я вывезла из Франции. Они взяли лошадей, и я наняла коляску для своей дочери, служанки и себя. Но все меры предосторожности напрасны, если Богу угодно их разрушить. Наши противники немедленно написали в Париж. Вокруг нашей поездки уже витала сотня нелепых историй, и удовольствия ради ставились всевозможные комедии, настолько же лживые насколько это возможно в мире. Именно мой брат, Отец ля Мот, так активно занимался распространением этих слухов. Если бы он считал это правдой, то из милосердия должен был бы держать все в тайне, а тем более, когда все было чистой ложью. Рассказывали, будто я уехала одна с Отцом ля Комбом, бродяжничая по стране от провинции к провинции, и много других подобных басен, столь нелепых и злых, бессвязных и дурно состряпанных. Мы все терпеливо сносили, не оправдывая себя и никому не жалуясь.

Как только мы приехали в Турин, Епископ Женевы написал направленное против нас письмо. Поскольку он не мог нас преследовать иным способом, то делал это с помощью писем. Отец ля Комб направился в Версаль, а я оставалась в Турине с Маркизой Прюне. Но какие крестные испытания обрушивались на мою собственную семью со стороны Епископа Женевы, Варнавитов и большого числа людей со стороны! После смерти моей свекрови мой сын приехал ко мне, что еще больше увеличило мои неприятности. Затем мы услышали все его рассказы о продажах всего движимого имущества, лучших слуг и подписании документов без согласования этого со мной. Оказалось, что я была абсолютно им не нужна. Мое возвращение расценили

нецелесообразным, принимая во внимание суровость времени года. Маркиза Прюне, которая поначалу с такой теплотой ко мне относилась, видя мои великие испытания и бесчестие, стала ко мне холодна. Моя детская непосредственность, в которой держал меня Бог, казалась ей глупостью. Ибо когда речь шла о помощи кому–либо или каком–нибудь требовании Бога ко мне, вместе со слабостью ребенка Он давал мне очевидные качества силы свыше. В течение всего времени моего пребывания здесь ее сердце было совершенно закрыто для меня. Однако наш Господь дал мне предсказать события, которые должны были произойти с ней, с ее дочерью и с благочестивым священником, жившим в ее доме.

Они действительно исполнялись со времени моего предсказания. В конце концов, она стала питать ко мне более дружеские чувства, видя, что Христос действительно живет во мне. Именно сила самолюбия и страх перед гонениями закрывали ее сердце. Более того, она считала свое духовное состояние намного более сильным, нежели оно было в реальности, так как ей не пришлось пройти через испытания. Но вскоре она на своем собственном опыте убедилась, что я говорила ей правду. По семейным обстоятельствам ей пришлось оставить Турин и переехать в свое собственное поместье. Она упрашивала меня поехать вместе с ней, но образование моей дочери не позволяло мне сделать этого. Оставаться в Турине без нее казалось неразумным, так как, живя в этом месте очень уединенно, я не завела себе никаких знакомств. Я не знала, куда мне идти дальше. Епископ Версаля, где находился Отец ля Комб, весьма любезно написал мне, всерьез упрашивая меня приехать, обещая мне свою защиту и убеждая меня в своем уважении, добавив: «Я буду относиться к вам как к своей сестре и непременно желаю видеть вас здесь». Ему написала обо мне его родная сестра, которая была одной из моих лучших подруг, а также один его знакомый джентльмен из Франции. Но вопрос чести удерживал меня от поездки. Я бы не допустила, чтобы все говорили о моем следовании за Отцом ля Комбом, и что я приехала в Турин лишь только для того, чтобы затем отправиться в Версаль. Его репутацию нужно было хранить, и это была одна из причин его возражения против моей поездки, как бы Епископ на этом не настаивал. Если бы мы считали это волей Божьей, мы бы оба закрыли глаза на подобные рассуждения. Бог держал нас обоих в зависимости от Его повелений, не давая нам знать о них заранее, но божественное действие Его провидения определяло ход дела.

Это очень помогло Отцу ля Комбу, который долгое время полагался на свои убеждения, но теперь должен был умереть как для них, так и для самого себя. Бог посредством Своей благости забрал их все у него, чтобы он смог умереть без остатка. В течение всего моего пребывания в Турине, наш Господь даровал мне много великих благостей. Каждый день я преображалась в Нем, мое познание о состоянии душ постоянно возрастало, и я никогда ни в чем не ошибалась и не обманывалась, хотя некоторые и старались убедить меня в обратном. Я даже пыталась заставить себя мыслить по–другому, но это причиняло мне немалые страдания. Когда я рассказывала или писала Отцу ля Комбу о состоянии некоторых душ, которые казались ему более совершенными и зрелыми, нежели я предполагала о них, он приписывал это моей гордости. Он гневался на меня и ощущал предубеждение против моих взглядов. Я же не испытывала беспокойства по поводу его заниженного обо мне мнения, ибо я не заботилась о том уважает он меня или нет. Он не мог совместить мою готовность к послушанию в большинстве вопросов с моей сверхъестественной твердостью, которую он в некоторых случаях считал даже

преступной. Он допускал недоверие по поводу благодати, пребывающей во мне, ибо еще не был достаточно утвержден на своем пути и не осознавал должным образом, что от меня не зависело быть тем или иным человеком. Если бы это было в моей власти, я бы подстроила свои взгляды к его словам, дабы уберечь себя от испытаний, которых мне стоило мое упорство. Или же, по меньшей мере, я бы искусно скрывала свои истинные чувства. Но мне было не под силу ни то, ни другое. Даже рискуя совершенно погубить себя, я была до такой степени скована, что не могла запретить себе говорить ему об этих вещах, так как наш Господь повелевал мне говорить о них. В этом Он даровал мне нерушимую верность до самого конца.

Никакие крестные муки или страдания не заставили меня смириться хотя бы на мгновение. Все эти факты, которые ему казались предвзятостью моего самонадеянного мнения, сделали его моим оппонентом. Хоть он и не показывал этого открыто, но напротив старался скрыть от меня, однако, как бы далеко он от меня не находился, я не могла не понимать этого. Мой дух в разной степени ощущал, когда оппозиция усиливалась или ослабевала, уменьшалась или вовсе сходила на нет, ибо тогда моя боль, вызванная ею, прекращалась. Отец ля Комб со своей стороны испытывал нечто подобное. Он снова и снова писал и говорил мне: «Когда я в правильном положении перед Богом, тогда я и в правильном положении перед тобой». Таким образом, он ясно видел, что когда Бог принимает его, то это всегда в единении со мной, как если бы Он не принимал ничего лично от него, но только в этом союзе.

Пока он был в Турине, одна вдова, верно служившая Богу, испытывая остроту чувств, пришла к нему на исповедь. Она поведала ему чудесные вещи о своем духовном состоянии. Я тогда находилась на другом конце исповедальни. Он сказал мне: «Я встретился с душой, истинно преданной Богу, ибо беседа с ней сильно меня утвердила. Я редко наблюдаю подобное состояние, беседуя с Вами, ибо вы моей душе сообщаете лишь смерть». Поначалу я радовалась его встрече с такой святой душой. Мне всегда доставляет величайшую радость видеть, как прославляется мой Бог. Но когда я возвращалась домой, Господь ясно показал мне состояние этой души, где лишь зарождалось начало молитвенной жизни, смешанное с эмоциональностью и тишиной, наполненной новыми ощущениями. Я была обязана написать ему об этом и обо всем остальном, что мне было показано. Прочитав мое письмо первый раз, он увидел в нем печать истины, но вскоре после этого, допустив свои прежние размышления, оценил все написанное мною в свете гордыни. Он все еще помнил усвоенные нами правила смирения. Что касается меня, то я позволяла направлять себя как ребенка, который говорит и поступает не раздумывая, так, как ему было велено. Я позволяла вести себя туда, куда было угодно моему небесному Отцу, вверх или вниз, ибо все это было для меня в равной степени благом. Он написал мне, что при первом прочтении моего письма, оно показалось ему истинным, но, читая его снова, он нашел его исполненным гордыни и моего предпочтения собственных откровений откровениям других людей. Через некоторое время он все же был более просвещен по поводу моего состояния. Тогда он говорил: «Продолжайте верить, как Вы верили, я советую и призываю Вас к этому». Пришло время, когда он в достаточной мере увидел из поступков той женщины, что она была слишком далека от его первоначального о ней впечатления. Я привожу это как один из примеров. Я могла бы привести много других, но этого достаточно.

Глава 14

Однажды во сне наш Господь показал мне, что Он очистит служанку, которую Он дал мне, приведя ее к истинной смерти для самой себя. Я добровольно решилась страдать за нее, как и раньше за Отца ля Комба. Поскольку она сопротивлялась Богу больше чем он, находясь в большей степени под властью самолюбия, она подлежала более активному очищению. Мне трудно было переносить ее собственное мнение о самой себе. Я ясно понимала, что дьявол может вредить нам, только если мы сохраняем хоть какую–то долю любви к своему испорченному я. Это было видение от Бога. Он дал мне дар различения духов, в котором я принимала только то, что было от Него, и отвергала то, что не было от Него. Мое знание не исходило из общепринятых методов рассуждения или какой–то внешней информации, но поступало ко мне посредством внутреннего принципа, который является единственно Его даром. Здесь необходимо упомянуть, что души, покоящиеся в самих себе, какой бы степени озарения или ревности они не достигли, все еще не готовы принять этот дар. Они часто думают, что уже имеют это различение, в то время как это всего лишь симпатия или антипатия плоти. Наш Господь уничтожил во мне любой след плотской антипатии. Душа должна быть очень чистой и зависимой только от Бога, чтобы иметь способность ощущать все это только в Нем. По мере того, как моя служанка очищалась изнутри, боль внутри меня уменьшалась, пока Господь не дал мне знать, что ее состояние изменится. Вскоре это счастливым образом совершилось. Внутренняя боль за души не сравнится с внешними гонениями, даже порой весьма жестокими, ибо они едва ли причиняли мне боль.

Епископ Женевы слал письма разным людям. Он писал обо мне благоприятные отзывы тем, которые, как он считал, покажут его письма мне, и совершенно противоположные отзывы были в тех письмах, которые я никогда не увижу. Но случилось так, что люди, получавшие от него письма, показав их друг другу, исполнились негодованием, обнаружив в нем такую постыдную двойственность натуры. Они послали эти письма мне, чтобы я приняла необходимые меры предосторожности. Я хранила их в течение двух лет, а затем сожгла, дабы случайно не навредить прелату. Самое сильное оскорбление он мне нанес, используя Статского Секретаря, который занимал этот пост вместе с братом маркизы Прюне. Он предпринял все мыслимые попытки, чтобы сделать меня ненавистной в их глазах. Для этой цели он таким образом задействовал некоторых аббатов, что, несмотря на мои редкие выезды за границу, я была очень хорошо там известна по тому, как меня описал епископ.

Но это не произвело должного действия, как могло бы, если б он пользовался большим авторитетом при королевском дворе. Некоторые его письма, направленные против ее королевского величества, найденные ею после смерти принца, повлияли на принцессу таким образом, что вместо того, чтобы обратить внимание на его слова против меня, она оказала мне великие почести. Она обратилась ко мне, прося посетить ее. Естественно, я покорилась ее воле. Она уверила меня, что обеспечит мне защиту и будет рада принять меня в своих владениях. Здесь Богу было угодно употребить меня для обращения двух или трех священников. Но мне пришлось пострадать от их противоречивого поведения и неверности. Один из них сильно меня

очернил и даже после своего обращения свернул на свой прежний путь. Со временем Бог милостиво восстановил его.

Пока я не могла определиться, оставлять ли свою дочь в Турине или поступить как–то иначе, я была чрезвычайно удивлена приезду Отца ля Комба из Версаля, когда я менее всего этого ожидала. Он сказал мне, что я немедленно должна вернуться в Париж. Это было вечером, и он сказал: «Отправляйтесь следующим утром». Я призналась, что это внезапное известие меня встревожило. Вернуться на то место, где меня так сильно унизили, и где моя семья относилась ко мне с таким презрением, представлялось мне двойной жертвой. Они считали мою поездку, которая была мне необходима, жестоким поступком, вызванным моими чисто человеческими привязанностями. Но я готова была отправиться в путь, не сказав ничего в ответ, со своей дочерью и служанкой и без какого–либо проводника или помощника.

Отец ля Комб решил не сопровождать меня, даже при переходе через горы. Епископ Женевы сообщил всем, что я поехала в Турин за Отцом. Но священник из провинции, человек весьма достойный и прекрасно знавший добродетели Отца ля Комба, сказал ему, что будет нехорошо, если я рискну отправиться в горы одна, без знакомого провожатого, тем более что со мной будет моя маленькая дочь. Поэтому он велел Отцу ля Комбу сопроводить меня. Отец ля Комб признался мне, что несколько колебался это делать, и лишь послушание и опасность, которой я подвергалась, помогла ему преодолеть эту нерешительность. Он должен был сопроводить меня только до Гренобля, а оттуда вернуться в Турин. Так я отправилась в Париж, готовая принять там все крестные страдания и испытания, которые Богу будет угодно на меня навлечь. Я решила путешествовать через Гренобль, чтобы провести два или три дня с женщиной, преданно служившей Богу и которую я могла назвать своим другом. Когда я находилась там, Отец ля Комб и эта женщина уговаривали меня не идти дальше. По их словам Бог будет прославлять Себя во мне и через меня на этом месте.

Отец вернулся в Версаль, а я, как дитя, предала себя водительству Провидения. Эта женщина поселила меня в доме одной доброй вдовы, так как в гостинице не было места. Поскольку мне было велено остановиться в Гренобле, я осталась пока жить в ее доме. Свою дочь я поместила в монастырь и решила употребить все это время для уединения в молчаливом общении с абсолютным Властелином моей души. Живя здесь, я никого не посещала. Подобным же образом я не наносила визиты и в других местах. Я была весьма удивлена, когда через несколько дней после моего прибытия ко мне пришло несколько человек, которые заявили о своем исключительном даре общения с Богом. Тогда я сразу же поняла суть дара, ниспосланного мне Богом. Он состоял в том, чтобы предписывать каждому то, что соответствовало его состоянию. Я ощутила себя внезапно наделенной апостольским статусом. Я могла различать состояние душ людей, которые говорили со мной, и это приходило ко мне с такой легкостью, что они удивлялись и говорили друг другу, что я давала каждому из них «именно то в чем они нуждались». Именно ты, о мой Бог, совершал все это. Некоторые из них присылали ко мне своих знакомых. Это приняло такой оборот, что обычно с шести утра до восьми вечера я была вовлечена в беседы о Господе.

Люди стекались отовсюду, как жившие рядом, так и приходившие издалека: монахи, священники, миряне, служанки, жены, вдовы — все приходили по очереди. Господь совершенно

чудесным образом снабдил меня необходимыми знаниями, которые бы всех удовлетворяли, без моего предварительного исследования или размышления об этом. От меня ничего не могло укрыться в их внутреннем состоянии или настроении. О мой Бог, здесь Ты совершил бесконечное число завоеваний, известное только Тебе. Все эти люди мгновенно получали чудесную способность к молитве. Бог обильно изливал на них Свою благодать и производил в них чудесные изменения. Самые духовно зрелые из этих душ, пребывая в молчании наедине со мной, принимали сообщаемую им благодать, которую они не в состоянии были'постичь и которой не переставали восхищаться. Другие находили в моих словах помазание и затем поступали, руководствуясь моими советами. Ко мне приходили монахи разных орденов и достойные священники, которым наш Господь даровал великие милости, как Он дарует всем без исключения, ходящим в чистоте.

Было удивительно то, что я не смогла произнести ни звука перед теми, кто пришел подслушать и покритиковать мои слова. Даже когда я старалась пообщаться с ними, я ощущала, что не могу, и что Бог не даст мне этого сделать. Некоторые из них сказали в свою очередь: «Люди безумны в том, что ищут встречи с этой женщиной. Она не может говорить». Другие же отнеслись ко мне как к глупой простачке. После того как они ушли, некто сообщил мне: «Я не успел прийти к вам вовремя, чтобы известить вас, что вам не следует говорить с этими людьми. Они пришли от одного человека, желая поймать вас на слове и употребить ваши слова вам во вред». Я ответила: «Наш Господь предупредил ваше доброе намерение, ибо я была не в состоянии промолвить им хотя бы слово». Я чувствовала, что сказанные мной слова, исходили из источника. Я была лишь инструментом Того, Кто побуждал меня говорить.

Посреди этого всеобщего одобрения Господь объяснил мне сущность апостольского положения, которым Он меня почтил. Ибо оно заключалось в том, чтобы в чистоте Его Духа отдавать себя до остатка вспоможению душам, подвергаясь самым жестоким гонениям. Именно эти слова были выгравированы на моем сердце: «Посвятить себя на служение своему ближнему значит отправиться на виселицу. Говорящие сегодня «благословен грядущий во имя Господне», скоро будут восклицать 'долой его, распни его"». Когда одна из моих знакомых говорила мне о всеобщем уважении ко мне людей, я сказала ей: «Запомни то, что я сейчас говорю тебе, ибо ты услышишь проклятия из тех самых уст, которые сейчас меня благословляют». Наш Господь дал мне понять, что я должна уподобиться Ему во всех Его состояниях, ибо если бы Он продолжал жить со своими родителями, то никогда не был бы распят. Так, когда Он побуждает кого–либо из своих слуг к распятию, то Он этим самым употребляет их в служении и вспоможении их ближним. Это правда, что все души, задействованные таким образом в Божьем апостольском служении, и которые действительно пребывают в апостольском состоянии, призваны к суровым страданиям. Я не говорю о тех, которые сами втягивают себя в страдания, ибо, не будучи призваны Богом особенным образом, и не имея благодати апостольского служения, они не несут ни одного из его крестов. Но я говорю только о тех, кто отдает себя Богу без остатка, о тех, которые ради Него от всего сердца готовы подвергнуться страданиям без пощады.

Глава 15

Среди такого великого числа добрых душ, на которые наш Господь воздействовал, используя меня, некоторые мне были даны подобно растениям, которые нужно выращивать. Мне было открыто их состояние, но у меня не было с ними такой близкой связи или влияния, которыми я обладала над другими. Именно тогда мне стала ясна сущность истинного материнства помимо того, что я делала раньше: ибо многие из этих душ были мне доверены как дети, некоторые из которых оказались верными. Я знала, что они станут такими, ибо они были тесно связаны со мною посредством чистой любви. Другие же оказались неверны, и о них я знала, что они никогда не вернутся из своей неверности, а позже они были забраны от меня. Некоторые же восстанавливались после падения. И те и другие весьма огорчали меня и причиняли мне внутреннюю боль, когда из–за недостатка мужества умереть для самих себя, они упускали возможность и восставали против того прекрасного начала, которым были благословлены.

Наш Господь имел всего лишь горстку Своих истинных детей среди множества тех, кто следовал за Ним на земле. Почему он и сказал Своему Отцу: «Тех, которых Ты дал Мне, я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели», показывая, что Он никого не потерял из Своих апостолов или учеников, хоть иногда они и делали неверные шаги. Среди приходивших ко мне монахов, были монахи из одного ордена, которым удалось более чем другим раскрыть доброе действие благодати. Но некоторые члены того же самого ордена раньше были весьма активны в маленьком городке, где Отец ля Комб совершал свою миссию. Возбужденные ложной ревностью, они производили гонение на все добрые души, искренне посвятивших себя Богу, нападая на них самым немыслимым образом. Они сжигали все их книги, где говорилось о молчании и внутренней молитве, отказываясь отпускать грехи тем, кто это практиковал. Также они приводили в смятение и отчаяние всех, кто ранее вел грешную жизнь, но теперь изменился, посредством молитвы пребывая в благодати и становясь все более безупречным и совершенным в своем поведении. Эти монахи дошли до такого бесчинства в своей необузданной ревности, что подняли мятеж в том городе. Во время этого мятежа один священник часовни, человек выдающийся и во всех отношениях достойный, был избит палками посреди улицы за то, что молился по вечерам своими словами, а по Воскресеньям совершал краткую пламенную молитву, которая незаметно передавалась и другим добрым душам.

Теперь же я получала столько утешения, видя в этом маленьком городке так много набожных душ, которые, соперничая друг с другом, отдавали свои сердца Богу. Среди них были девочки двенадцати и тринадцати лет, которые усердно совершали свою работу, и во время своих занятий наслаждались общением с Богом, приобретя в этом стойкую привычку. Поскольку эти девочки были бедны, то они садились парами, и умеющие читать читали тем, кто не умел. В этом можно было увидеть возрождение целомудрия первых христиан. В городе была также одна бедная прачка с пятью детьми и мужем–паралитиком, имевшим иссохшую правую руку. Нрав ее мужа был гораздо более невыносим, нежели увечность тела. Его ничтожной силы хватало лишь на то, чтобы избивать свою жену. Бедная женщина переносила это с кротостью и ангельским терпением, содержа его и пятерых детей. Она обладала чудесным даром молитвы, и посреди

своих великих страданий и крайней нищеты, пребывая в присутствии Божьем, хранила умиротворенность разума.

Один хозяин лавки и мастер, делающий замки, испытали на себе великое действие силы Божьей. Эти двое были близкими друзьями. Когда кто–то из них читал для прачки, то они изумлялись, видя, что она была научаема Самим Господом всему тому, что они ей читали, рассуждая обо всем языком духовного человека. Монахи послали за этой женщиной и строго пригрозили ей наказанием, если она не прекратит молиться. Они сказали ей, что только представители духовенства имеют право молиться, и что она проявляет великую дерзость, практикуя молитву. Она ответила, что Христос велел ей молиться, ибо Он сказал: «А что вам говорю, говорю всем» (Марк. 13:33,37), не уточняя, должны ли это быть только монахи и священники. Она также сказала, что не сможет переносить без молитвы свои крестные страдания и бедность, ибо раньше она жила без молитвы, и была весьма нечестивой. С того времени, как она стала ее практиковать, она полюбила Бога от всего сердца, так что оставить молитву для нее равносильно отказу от спасения, чего она сделать не может. Она добавила, что они могут взять двадцать человек, никогда не практиковавших молитву и двадцать из тех, которые живут, практикуя ее. Затем, сказала она, разузнайте о жизни обеих групп людей и вы увидите, имеете ли вы право выступать против молитвы.

Можно было бы подумать, что подобные слова, сказанные такой женщиной, должны были быть вполне убедительны, но вместо этого они лишь раздражали их до предела. Монахи заверили ее, что не дадут ей отпущения грехов до тех пор, пока она не пообещает им отказаться от молитвы. Она ответила, что это не от нее зависит, ибо Христос является единственным хозяином всего того, что Он говорит Своим творениям и того, что Ему будет угодно сделать со своими повелениями. Они отказали ей в отпущении грехов и, отругав одного доброго портного, который служил Богу от всего своего сердца, приказали принести все без исключения книги, в которых обсуждались вопросы молитвы. Они сожгли их своими руками на публичной площади. Это представление привело их в бурный восторг, но весь город тут же поднялся в возмущении. Самые именитые люди пошли к Епископу Женевы и пожаловались ему на безобразия этих новых миссионеров, которые так отличались от всех прежних. Вспоминая об Отце ля Комбе, который был здесь со своей миссией раньше, они сказали, что монахи, казалось, были посланы с целью уничтожить все то доброе, что он сделал. Епископ был вынужден лично приехать в этот город, и, поднявшись на кафедру, опровергнуть факт своего участия в этом деле. Он сказал, что отцы слишком переусердствовали в своей ревности. Те со своей стороны заявили, что все делали лишь из желания следовать данным им повелениям.

В Тононе были также молодые женщины, которые, будучи бедными деревенскими жительницами, уединились вместе, чтобы зарабатывать себе на жизнь и служить Богу. Одна из них читала им время от времени, тогда как другие занимались работой, и ни одна из них не выходила в город без разрешения самой старшей. Они делали ленты или же пряли. Сильные всегда поддерживали более слабых. Монахи разогнали этих бедных девушек и другие подобные группы в некоторых деревнях, отлучив их от церкви. Именно монахов этого самого ордена Господь теперь употребил, чтобы установить молитву (не знаю уже каким образом) во многих местах. Везде, где им удавалось путешествовать, они приносили в сотни раз больше книг о

молитве, нежели тех, которые были сожжены их братьями. Во всем этом я видела чудесное действие руки Божьей.

Однажды, когда я была больна, один брат, одаренный в исцелении болезней, проходил неподалеку, собирая пожертвования. Услышав о моей болезни, он пришел ко мне и дал лекарства, помогающие при моем недуге. Затем у нас завязалась беседа, обнаружившая его любовь к Богу, которая, как он признавал, часто подавлялась его занятостью. Я объяснила ему, что нет занятия, которое бы ему мешало любить Бога и сосредотачиваться в своем духе. Он с готовностью мне поверил, так как ему уже была свойственна набожность внутреннего характера. Наш Господь излил на него много благословений и сделал его одним из моих истинных детей. В это время я видела или скорее ощущала, на каком основании Бог отвергает грешников от Своего сердца. Причина Божьего отвержения — в воле грешника. Если эта воля покоряется, то Бог в Своей любви очищает грешника и принимает его в Свою благодать, каким бы ужасным он не был. Но до тех пор, пока его воля будет сопротивляться, отвержение будет продолжаться. Не имея способности держать себя в руках, ему трудно не совершать греха, к которому склонен. Но он не может быть принятым в лоно благодати, пока не будет устранена первопричина, заключающаяся в грешной воле, противящейся Божьему закону. Если эта воля смирится, тогда Бог полностью удалит все последствия загрязняющего душу греха, омывая все его скверны. Если же грешник умрет во время своего противления и обращения ко греху, тогда смерть навсегда запечатлевает состояние души, и причина ее нечистоты существует вечно. Такая душа уже никогда не может быть принята в лоно Божье. Ее отвержение должно длиться вечно, ибо существует абсолютное противостояние между сущностью чистоты и скверны. И в то время, как эта душа по своей природе обязательно стремится к своему источнику, она постоянно отвергается Господом, по причине своей нечистоты, которая присутствует не только в последствиях греха, но также и в его первоисточнике. Этот первоисточник в течение всего своего существования абсолютно преграждает путь действию благодати Божьей в самой душе. Но если грешнику случится умереть в истинном покаянии, тогда удаляется первоисточник, грешная воля, и остаются только последствия греха или ими вызванная нечистота. Бог в своей бесконечной милости предоставил баню любви и справедливости, которая призвана очищать душу посредством страданий. И чем больше осквернение, тем больше боль страдания, но когда первоисточник совершенно удален, то и боль полностью исчезает. Души принимают благодать, как только причина греха перестает существовать. Но они не переходят в Самого Господа, пока все последствия греха не будут омыты. Если у людей не хватит мужества позволить Ему по Своему изволению совершенно очистить и убелить их, они никогда не смогут в этой жизни войти в чистую божественную сущность. Господь неустанно побуждает волю человека к прекращению сопротивления и ничего не жалеет со Своей стороны для достижения этой благой цели. Человеческая воля свободна, но благодать всегда за ней следует. Как только воля перестает сопротивляться, она у своих дверей обретает благодать, готовую преподнести ей свои неизъяснимые благословения. О Господня благость и низменность грешника, как они поразительны при близком рассмотрении!

До моего прибытия в Гренобль, женщина, моя подруга, видела во сне, что наш Господь даровал мне бесчисленное количество детей. Все они были одинаково одеты и обладали

искренностью и невинностью, которые проявлялись в их поведении. Она подумала, что я собираюсь взять на свое попечение детей из больницы. Но как только она рассказала мне свой сон, я поняла, что сон значил вовсе не это. Он значил, что наш Господь даст мне посредством взращивания духовного плода великое число детей, которые не будут моими родными детьми, но будут детьми, разделяющими мою простоту, искренность и невинность. Ибо мне отвратительно всякое проявление хитрости и двуличия.

Глава 16

Тот врач, о котором я говорила, испытал потребность открыть мне свое сердце. Наш Господь даровал ему через меня все необходимое, ибо он был расположен к духовной жизни, но за недостатком мужества и верности не мог должным образом духовно возрастать. У него была возможность привести ко мне некоторых своих товарищей монахов, и Господь занялся всеми ими. Это было как раз в то время, когда другие монахи того же ордена творили бесчинства, о которых я рассказывала, изо всей силы сопротивляясь Святому Духу нашего Господа. Я могла лишь восхищаться, видя, как Господу было угодно исправлять то, что прежде было повреждено, в изобилии изливая Свой Дух на этих людей.

В это же время другие яростно боролись против Него, делая все возможное, чтобы уничтожить Его владычество и действие в подобных им смертных. Но эти добрые души вместо того, чтобы пошатнуться из–за гонений, лишь укреплялись в них. Игумен и руководитель послушников обители, где служил этот доктор, даже не будучи знаком со мной, высказался против меня. Они были чрезвычайно огорчены тем фактом, что все так ревностно сходятся к какой–то женщине, слепо ища с ней встречи. Глядя на факты сами по себе, а не с позиции Господа, Который делает то, что Ему угодно, они презирали дар, помещенный в таком недостойном инструменте, вместо того, чтобы ценить Господа и Его благодать. Однако этот добрый брат со временем убедил своего игумена в необходимости встретиться со мной и поблагодарить меня за то добро, которое, по его словам, я творила. Наш Господь так устроил, чтобы в беседе со мной что–то тронуло и захватило его сердце. Через некоторое время он был полностью переубежден. Именно он был тем человеком, повсюду распространявшим купленные за свои средства книги, которые другие в свое время так яростно пытались уничтожить.

О как Ты прекрасен, мой Бог! Как мудры Твои пути и сколь исполнены любви все Твои поступки! Как умело Ты расстраиваешь всякую ложную человеческую мудрость, восторжествовав над тщетными человеческими притязаниями! Среди тамошних послушников было много новичков. Самый старший из них стал ощущать такое беспокойство по поводу своего призвания, что не знал, как поступить дальше. Его переживания были столь сильны, что он не в состоянии был ни читать, ни учиться, ни молиться, ни даже исполнять какие–либо из своих обязанностей. Его товарищ привел его ко мне. Мы поговорили какое–то время, и Господь раскрыл мне как причину его расстройства, так и средство для восстановления. Я сказала ему о них, и он начал практиковать молитву, включая также и молитву сердца. Внезапно с ним произошли изменения, и Господь весьма его благословил. Когда я беседовала с ним, то благодать работала в его сердце, а его душа впитывала ее, подобно тому, как пересохшая земля впитывает благодатный дождь. Он ощутил себя избавленным от своей боли прежде, чем вышел из комнаты. После этого он с великой готовностью и радостью идеально исполнял все свои обязанности, которыми до этого занимался неохотно и даже с отвращением. Теперь ему было легко учиться и молиться, выполняя все поручения настолько тщательно, что его не узнавали окружающие. Более всего его поразил замечательный дар молитвы. Он увидел, что ему так просто было даровано то, чего он никогда прежде не мог получить, как бы мучительно не добивался. Этот

оживляющий дар и был той основной движущей силой, которая побуждала его к действиям, давала ему благодать для занятий. Внутреннее осуществление Божьей благодати несло в себе исполнение всякого благословения. Постепенно он привел ко мне всех послушников, которые получили действие благодати, каждый по–разному соответственно их различным характерам. Никогда прежде нельзя было наблюдать такого расцвета среди этих людей. Игумен и наставник не могли не восхищаться такой великой переменой в своих послушниках, хоть им и не вполне была известна ее причина. Однажды, когда они говорили об этом со сборщиком пожертвований, ибо они весьма его уважали, зная его добродетели, он сказал: «Отцы мои, если позволите, я расскажу вам причину этого изменения. Это та женщина, против которой вы так сильно высказывались, не зная ее. Именно ее Бог употребил для совершения всего этого».

Они были весьма удивлены, и как наставник, так и игумен, смиренно посвятили себя практике молитвы, согласно учению о ней в одной маленькой книге, которую Господь вдохновил меня написать. Я далее расскажу о ней более подробно. Они смогли пожать такие блага из этого, что игумен сказал мне однажды: «Я стал совершенно новым человеком. Я не мог прежде практиковать молитву, так как моя мыслительная способность была притуплена и истощена, но теперь я делаю это так часто, как захочу, с легкостью, с большими результатами и совершенно иным ощущением Божьего присутствия». Наставник сказал: «Я был монахом все эти сорок лет, и могу честно признаться, что никогда не знал, как правильно молиться. Кроме того, я никогда не мог познать или вкусить Божье присутствие подобно тому, как у меня это получается после прочтения этой маленькой книги».

Многие были также призваны Богом, и я считала их своими детьми. Он также даровал мне трех известных монахов из ордена, который всегда устраивал против меня сильные гонения. Господь побудил меня послужить великому числу монашек, добродетельных молодых женщин и даже мирских людей, среди которых оказался один прекрасный молодой человек. Он оставил орден Мальтийских рыцарей, дабы заняться служением священника. Будучи связанным с Епископом, он ожидал получить от него возможность для продвижения в служении. Этот юноша тогда был весьма благословлен Господом и проявлял постоянство в молитве. Я не в состоянии описать то великое множество душ, которые были мне дарованы. Среди них были служанки, жены, священники и монахи. Были также три викария, каноник и великий викарий, посланные ко мне особенным образом. Также был один священник, за которого я много пострадала из–за его нежелания умереть для самого себя и огромного самолюбия. С великим сожалением я наблюдала его отпадение и крушение. Другие же продолжали стоять непоколебимо и невозмутимо. Некоторых из них немного истерзала буря, но не сокрушила окончательно. И хоть они начинали, было, удаляться, в конце концов, все же возвращались. Однако те, кто позволял увести себя слишком далеко, уже не возвращались.

Также мне была дарована одна истинная дочь, благодаря которой наш Господь завоевал для Себя многих других. Когда я впервые ее увидела, она пребывала в странном состоянии умирания, но Бог через меня вернул ей жизнь и мир. Впоследствии она почувствовала себя весьма больной. Врачи сказали, что она умрет, но у меня была уверенность в обратном, и я не сомневалась, что Бог использует ее для приобретения душ, как Он в свое время и сделал. В одном монастыре находилась некая молодая женщина, пребывающая в состоянии безумия. Я

увидела ее, расспросила и поняла, что это не было то, что о ней думали. Стоило мне поговорить с ней, как она пришла в себя. Но настоятельнице не нравилось, что я высказала ей свои соображения о ее состоянии, ибо особа, которая привезла женщину в монастырь, была ей подругой. Эту женщину стали мучить больше, чем прежде и вернули ее в прежнее расстройство. Сестра из другого монастыря в течение восьми лет пребывала в глубокой меланхолии, от которой никто не мог ее избавить. Ее наставница только усугубляла эту подавленность, практикуя средства, вредящие ее состоянию. Мне никогда не приходилось бывать в этом монастыре, ибо я не посещала подобные места, разве только с определенной миссией. Я не считала справедливым вторгаться куда–либо по собственной инициативе, позволяя себе быть ведомой лишь Провидением. Я была весьма удивлена, когда в восемь часов вечера ко мне пришли от настоятельницы. Так как тогда стояли долгие летние дни, а я жила поблизости, то я решилась пойти.

Там я встретилась с сестрой, которая рассказала мне свою историю. Она дошла до такого кризисного состояния, что не находя средства от него избавиться, взяла нож, желая себя убить. Нож все–таки выпал из ее рук, и сестра, посетившая ее в тот момент, посоветовала ей встретиться со мной. Сначала наш Господь дал мне понять, в чем была проблема, а также то, что Он требовал ее полного смирения вместо сопротивления, к которому ее побуждали в течение восьми лет. Я послужила инструментом, приведя ее в такое смирение, что она тут же ощутила райское умиротворение. Все ее мучения и бедствия в то же мгновение исчезли и больше никогда не возвращались. В этой обители она обладала самыми выдающимися способностями. Она так изменилась, что стала предметом восхищения всей общины. Наш Господь дал ей великий дар молитвы и Своего постоянного присутствия, а также способность и желание исполнять всякое дело. Служанка, которая беспокоила ее в течение предыдущих двадцати двух лет, была избавлена от всех своих недостатков. Все это способствовало установлению весьма дружественных отношений между мной и настоятельницей. Ее чрезвычайно удивило чудесное изменение и мир в сердце этой сестры после стольких лет ужасной печали. Также у меня завязались и другие подобные отношения в этом монастыре, где под особым присмотром Господа находились души, которые Он привлекал к Себе с помощью избранных Им Самим средств.

У меня было особенное побуждение читать Священное Писание. Когда я начинала читать, то ощущала внутреннее желание записать текст. В то же мгновение мне открывалось и толкование текста. Его я также записывала, продвигаясь дальше с немыслимой быстротой, ибо озарение сходило на меня таким образом, что я ощущала в себе скрытые сокровища мудрости и знания, о которых я и не подозревала раньше. Пока я не начинала, мне было неизвестно, о чем я буду писать. Но после написания я уже не помнила содержания написанного и не могла использовать хотя бы его часть для оказания помощи душам. Господь давал мне во время моей беседы с ними (безо всякого моего изучения или размышления) все, что им было необходимо. Таким образом, Господь побуждал меня к толкованию священного внутреннего смысла Писаний. У меня не было иной книги кроме Библии, так как я никогда ничего не использовала кроме нее, даже не пытаясь искать что–то иное. Когда в моих толкованиях по Ветхому Завету я использовала места из Нового, дабы подтвердить сказанное мной, я не искала их специально —

они давались мне вместе с толкованием. И в толковании Нового Завета, где необходимо было использование Ветхого, эти места давались мне подобным же образом. Письменной работой я занималась только ночью, отводя всего лишь час или два для сна. Господь побуждал меня писать с такой аккуратностью, что я вынуждена была начинать заново, когда Ему было угодно. Когда я писала днем и часто, внезапно прерывая работу, оставляла слово незаконченным, Он позже давал мне дописать именно то, что Ему было угодно. Если я допускала собственное размышление, то бывала за это наказываема и не могла больше продолжать. Однако иногда я не была должным образом внимательна к божественному Духу, думая, что продолжу позже, когда буду иметь время, не ощущая Его немедленного импульса или озаряющего влияния, во время которого так легко видеть ясность и последовательность некоторых мест. В другое же время не было ни вкуса, ни помазания, ибо таково отличие Духа Божия от духа природного и человеческого. Несмотря на то, что написанное мною остается в первоначальном виде, я готова, если мне будет велено, поправить его соответственно моим нынешним познаниям.

Разве Ты, мой Бог, не направлял меня на сотни путей, проводя через всевозможные испытания, дабы проверить, предана ли я Тебе без остатка, или желая узнать, нет ли во мне хотя бы доли личного интереса? Посредством всего этого моя душа стала податливой на всякое открытие божественной воли, готовая принять любые унижения, которые должны были уравновесить число Господних благословений, пока все высокое и низкое не становилось для меня одинаковым. Мне кажется, что Господь поступает со Своими лучшими друзьями подобно тому, как море поступает с волнами. Иногда оно толкает их на скалы, где они разбиваются в мелкие брызги, иногда катит их по песку, или бросает в болото. Затем оно мгновенно забирает их снова в глубины своего сердца, куда они поглощаются с той же быстротой, с которой вначале были извергнуты. Даже среди самых добрых душ большинство обращено к милости, что, несомненно, хорошо, но сколь редки и сколь величественны те из них, кто стремится к божественной справедливости! Творения всегда наделяются благословениями, но справедливость разрушает в творении все, ничего не щадя.

Одна женщина, которая была моим другом, стала испытывать некоторую зависть в отношении моей извесности. Бог допустил в ней эту слабость и страдания для большего очищения ее души. Некоторые исповедники стали проявлять недовольство, говоря что это вовсе не мое дело завоевывать их провинцию и вмешиваться в оказание помощи душам, ибо были некоторые кающиеся, которые питали ко мне весьма большую привязанность. Мне было легко увидеть разницу между этими исповедниками, которые в своем водительстве душ искали только Бога и теми, которые искали своего блага. Первые, приходя ко мне, весьма радовались благодати Божьей, которая изливалась на их подопечных, не сосредотачивая своего внимания на инструменте, через который это делалось. Другие же, напротив, старались тайком возбудить против меня город. Я знала, что они были бы правы, противостоя мне, если бы я вмешивалась самовольно. Но я ничего не делала без Господнего на то повеления.

Иногда некоторые приходили поспорить со мной и оказать мне сопротивление. Однажды пришли два монаха, один из которых был человеком глубоко образованным и великим проповедником. Они пришли отдельно от других, исследовав и предложив мне затем несколько сложных вопросов. Несмотря на то, что это были вопросы для меня недосягаемые, Господь дал

мне ответить на них настолько правильно, как если бы я изучала их всю свою жизнь, после чего я говорила с ними по Его вдохновению. Оба они ушли не только переубежденными и удовлетворенными, но пораженными любовью Божьей.

Я все еще продолжала вести записи с потрясающей быстротой, ибо рука едва поспевала писать под диктовку Духа. В течение всего процесса этой длительной работы я никогда не меняла свою манеру и не использовала никакой другой книги кроме самой Библии. Переписчик, как ни усердствовал, не мог за пять дней переписать того, что я записывала за одну ночь. Все благо в этих записях исходит только от Бога. То, что, так или иначе, исходит от меня, имею в виду смешение мыслей, получилось из–за моего недостаточного внимания, а также в результате соединения моего собственного несовершенства с Его чистым и целомудренным учением.

Днем у меня едва хватало времени для трапезы по причине огромного числа людей, которые толпами стекались ко мне. За полтора дня мне удавалось написать гимны и, кроме того, принять нескольких визитеров. Здесь я хотела бы еще добавить к сказанному мною о письменных занятиях, что значительная часть книги Судей потерялась каким–то образом. Желая иметь полное толкование на эту книгу, я снова написала, то, что было ранее утрачено. Позже, когда люди уходили из моего дома, потерянные части нашлись. Мои прежние и последующие толкования в сравнении оказались абсолютно одинаковыми по смыслу, что весьма удивило этих образованных и достойных людей, которые засвидетельствовали истинность данного факта.

Однажды меня посетил советник парламента, слуга Божий, который, найдя на моем столе трактат о молитве, написанный мною намного раньше, попросил у меня одолжить его на время. Прочтя и высоко оценив сей труд, он одолжил его каким–то своим друзьям, которым, как он полагал, трактат может оказать большую помощь. Все желали иметь его копию. Поэтому он решил его напечатать. Процесс печати был начат, и было дано соответствующее разрешение. Меня попросили написать предисловие, что я и сделала. Таким образом, была напечатана маленькая книжечка. Советник был одним из моих близких друзей и являлся образцом набожного человека. Эта книга уже была переиздана пять или шесть раз, и наш Господь даровал ей великое благословение. Добрые монахи взяли около тысячи пятисот экземпляров книги. Дьявол так ополчился против меня по поводу того завоевания, которое Бог совершал через меня, что я была уверена в приближающихся жестоких гонениях с его стороны. Но все это не причиняло мне беспокойства. Пусть он всегда возбуждает против меня эти страшные гонения. Я знаю, что все они послужат славе моего Бога.

Глава 17

Одна бедная девушка, наделенная редкой простотой и зарабатывающая на жизнь своим трудом, духовное состояние которой Господь обильно благословил, пришла ко мне опечаленная и сказала: «О матушка, какие странные вещи я видела!» Я спросила, что же именно она видела? «Увы, — сказала она, — я видела вас, как ягненка посреди огромной стаи взбешенных волков. Также я видела огромное множество людей всех рангов и во всевозможных одеяниях, разного возраста, пола и сословий, священников, монахов, женатых мужчин, служанок и жен, вооруженных копьями, алебардами и мечами, готовых убить вас в ту же минуту. Вы не затрагивали их, пребывая без движения, ничему не удивляясь и не пытаясь как–то себя защитить. Я смотрела по сторонам, не придет ли кто–нибудь к Вам на помощь, дабы Вас защитить, но не видела никого».

Через некоторое время после этого, люди, которые из зависти наносили мне личные оскорбления, усилили свою деятельность. Повсюду распространялась клевета. Завистливые люди, даже не знающие меня, писали на меня доносы. Они называли меня ведьмой, говоря, что я привлекаю людей с помощью магический силы, так как все во мне дьявольское. Они говорили, что я занимаюсь благотворительностью, используя махинации и жертвуя фальшивые деньги. Я вынуждена была терпеть от них и другие грубые обвинения, в равной степени лживые, беспочвенные и абсурдные. По мере того как буря с каждым днем все усиливалась, некоторые мои друзья советовали мне удалиться. Прежде чем я буду рассказывать о моем отъезде из Гренобля, я должна поведать еще кое–что о моем состоянии в то время. Мне казалось, что Господь побуждал меня делать для многих душ, было в единстве с волей Иисуса Христа. В этом божественном единении мои слова оказывали чудесное воздействие, как и формирование образа Иисуса Христа в душах этих людей. Я никоим образом не была способна говорить что–либо от себя самой. Тот, Кто направлял меня, побуждал меня говорить то, что Ему было угодно и сколь долго Ему было угодно. Некоторым мне не было позволено промолвить даже слова, а по отношению к другим благодать как будто текла потоком. Однако эта чистая любовь не допускала никакого излишества или возможности праздного развлечения. Когда мне задавали вопросы, отвечать на которые было бесполезно, то ответ мне и не был дан. То же самое происходило но отношению к людям, которых Господь желал провести через опыт смерти своего я, и которые приходили ко мне в поисках человеческого утешения. Для них у меня было лишь самое необходимое, и далее я не имела права продолжать. Я бы могла говорить об обычных вещах в допустимой Богом свободе, для того чтобы угождать каждому и не прослыть необщительной или невежливой. Но это было Его собственное слово, единственным даятелем которого являлся Он сам. О, если бы проповедники были должным образом внимательны, говоря только то, что исходит от духа, какие плоды они бы производили в жизни своих слушателей! Со своими истинными детьми я лучше всего могла общаться в тишине на духовном языке божественного Слова.

Меня весьма утешило, когда мне рассказали об общении Св. Августина со своей матерью. Он жаловался на необходимость возвращаться от божественного языка к словам. Иногда я говорила: «О моя Любовь, даруй мне такие большие сердца, чтобы они могли принимать и

хранить всю изливаемую мне полноту благодати». Подобным же образом, когда Святая Дева приблизилась к Елизавете, то между Иисусом Христом и Св. Иоанном Крестителем была установлена чудесная связь. Ибо позже Иоанн не изъявлял желания встретиться со Христом, но был побуждаем удалиться в пустыню, дабы там получать наставления в великом изобилии. Когда он вышел для проповеди покаяния, то сказал, что сам лично не является Словом, но лишь Гласом, посланным проложить путь или открыть вход в людские сердца Слову Христа. Он крестил лишь в воде, ибо такова была его роль. Голос, когда он прозвучал, не оставляет ничего после себя, подобно воде, стекающей вниз. Но Слово крестило Святым Духом, так как Оно запечатлевало Себя на душах, общаясь с ними посредством этого Святого Духа. Не было известно, чтобы Иисус Христос сказал что–нибудь в течение той части своей жизни, которая прошла в тени, хоть и правда то, что ни одно из Его слов не должно быть утеряно. О Любовь, если бы все сказанное или сделанное Тобой в тишине было записано, я думаю, что весь мир не вместил бы этих книг (Иоанна 21:25). Все, что я пережила, было мне показано в Священном Писании. Я с восхищением наблюдала, что в моей душе не происходило ничего, чего бы не было в Иисусе Христе и в Священном Писании. Я должна умолчать о многих вещах, ибо они будут недоступны для понимания или восприятия и их невозможно выразить словами.

Часто мне приходилось много терпеть за Отца ля Комба, который еще не утвердился в состоянии внутренней смерти, но часто воскрешал и уклонялся в другие стороны. Я ощущала, что Отец ля Комб был предизбранным сосудом, которого Бог выделил для прославления Своего имени среди язычников. Он также явил ему, сколько он должен пострадать за это имя. Плотской мир судит по плотскому, принимая проявление чистой благодати за человеческую привязанность. Если этот союз посредством какого–либо отклонения нарушается, тем чище и совершеннее он становится, но тем более болезненным является ощущение. Ибо разделение души с Богом из–за греха хуже, нежели отделение души от тела посредством смерти.

Что касается меня самой, то я в любом состоянии находилась в постоянной зависимости от Бога, ибо моя душа желала быть послушной всякому движению Святого Духа. Я думала, что во всем мире нет такого требования, которое бы я не выполнила охотно и с огромным удовольствием. Личных интересов у меня не было. Когда Бог чего–то требует от этого жалкого ничтожества, то я не нахожу в себе сопротивления к исполнению Его повеления, каким бы жестоким оно мне не казалось. Если во всем мире существует сердце, которым Ты владеешь абсолютно безраздельно, то им является именно мое сердце. Твоя воля составляет всю его жизнь и наслаждение, какой бы суровой она не была.

Дабы подытожить описание моей истории, Епископ Гренобльской обители убедил меня поехать на некоторое время в Марсель, пока успокоится буря. Он сказал мне, что там меня хорошо примут, ибо это была его родина, и там проживало много достойных людей. Я написала Отцу ля Комбу, спрашивая его согласия. Он тут же дал его. Я могла бы поехать в Версаль, так как тамошний Епископ писал мне весьма обязывающие письма, серьезно настаивая на моем приезде. Но общественное мнение и страх дать зацепку своим врагам, крайне отвратили меня от этой поездки. Кроме всего вышеперечисленного маркиза Прюне, которая со времени моего отъезда из ее дома стала более просвещенной опытом, пережила некоторые вещи, мной предсказанные. Теперь она начала питать ко мне сильные дружеские чувства и близкое духовное

единство, так, что не могло быть двух сестер, более близких, чем мы. Она весьма желала моего возвращения, как я и обещала ранее. Но я не могла на это решиться, дабы не допустить мысли, что я еду вслед за Отцом ля Комбом. Я никому не давала повода обвинять себя хоть в какой–нибудь косвенной к нему привязанности. Если бы продолжение отношений с ним зависело от меня, я бы и дальше их поддерживала.

Епископ Женевы не преминул написать против меня в Гренобль, подобно тому, как он писал в другие места. Его племянник переходил от дома к дому, говоря обо мне унизительные вещи. Все это не причиняло мне беспокойства, и я не переставала оказывать его епархии всякое благо, которые было в моих силах. Я даже писала ему с глубоким уважением, но его сердце было слишком закрытым, дабы прислушиваться к чему–либо. До моего отъезда из Гренобля, добрая девушка, о которой я упоминала, пришла ко мне со слезами, жалуясь, что я уезжаю, скрыв это от нее. Я же никому не хотела об этом сообщать, зная, что дьявол будет предшествовать мне везде, где я окажусь. Так, едва мне случится прибыть в какой–нибудь город, как он возбудит против меня весь этот город и постарается причинить мне все зло, на которое он способен. Страх быть обремененной визитами и заверениями в дружбе со стороны многих хороших людей, которые питали ко мне большую привязанность, побуждал меня скрывать факт своего отъезда.

Затем со своей служанкой и одной молодой женщиной из Гренобля, которую Господь весьма благословил через меня, я отправилась на корабле по Роне. Епископ Гренобльской обители также сопровождал меня с еще одним весьма достойным священником. На пути мы пережили много тревожных происшествий и чудесных спасений. Но эти минутные опасности, которые так ужасали всех остальных, совершенно меня не беспокоили, а напротив, увеличивали мое умиротворение. Епископ Гренобльской обители был очень поражен. Он пребывал в отчаянном страхе, когда корабль ударился о скалу, и от удара образовалась пробоина. В состоянии крайнего переживания он внимательно посмотрел на меня и заметил, что выражение моего лица нисколько не изменилось, ибо я даже не моргнула, сохраняя полнейшее спокойствие. У меня было всего лишь некоторое удивление, которое естественно для всякого человека в подобных обстоятельствах, ибо в этом эмоции не зависят от нас самих. Именно мое полное смирение перед Богом сохраняло мой мир в опасностях, которые ужасали других. Смерть была для меня намного более приятна, нежели жизнь, если бы на то была Его воля, которой я всегда терпеливо подчиняюсь.

Один знатный человек, слуга Божий и один из моих близких друзей, дал мне письмо для весьма посвященного мальтийского рыцаря, которого я очень уважала со времени моего с ним знакомства. Это был человек, предопределенный Господом для служения Мальтийскому ордену, будучи его гордостью и поддержкой посредством своей святой жизни. Я сказала, что ему следует ехать на Мальту, так как Бог обязательно употребит его для воспитания духа благочестия во многих рыцарях. Он действительно отправился на Мальту, где ему были предоставлены наилучшие возможности служения. Этот знатный человек также послал ему мою маленькую книгу о молитве, напечатанную в Гренобле. Там был один капеллан, весьма противящийся духовному образу жизни. Он взял эту книгу и, с самого начала осудив ее, пошел,

чтобы возбудить против нее часть города и группу людей, которые называли себя «семидесятью двумя учениками Св. Кирана».

Я прибыла в Марсель в десять часов утра, и в тот же день после полудня вокруг меня разгорелись страсти. Некоторые ходили беседовать с Епископом о том, что меня необходимо изгнать из города как автора этой маленькой книги. Они дали ему экземпляр, который он просмотрел вместе с одним из своих обладателей пребенды. Книга весьма понравилась Епископу. Тогда он послал за господином Малавалем и Отцом Реколлектом, которые собирались со мной встретиться вскоре после моего прибытия. Он желал разузнать у них, кто мог быть инициатором этой суматохи, которая не вызывала у меня ничего кроме улыбки, ибо я наблюдала сколь быстро исполняется предсказанное ранее молодой женщиной. Господин Малаваль и добрый отец сказали Епископу, какого они мнения обо мне, после чего он выразил свое беспокойство по поводу оскорблений, которые мне были нанесены.

Я была обязана с ним встретиться. Епископ принял меня с необычайным уважением и просил прощения за все происшедшее. Заверив в своей готовности оказать защиту, он убеждал меня остаться в Марселе. Епископ даже спросил, где я остановилась, чтобы иметь возможность со мной встречаться. На следующий день Епископ Гренобльской обители вместе с другим священником, прибывшим с нами, отправился на встречу с ним. Епископ Марселя снова засвидетельствовал им свое сожаление по поводу нанесенных мне без всякой причины оскорблений и сказал им, что таким людям свойственно оскорблять тех, кто не примыкает к их заговорам, и что в свое время они даже оскорбляли его самого.

Но эти люди не успокоились на этом. Они писали мне самые отвратительные письма, несмотря на то, что совершенно меня не знали. Я начала опасаться, что наш Господь начинал лишать меня всякого пристанища, и в моем разуме вновь всплыли слова: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет где приклонить голову».

За короткое время моего пребывания в Марселе, я послужила инструментом поддержки некоторых добрых душ, среди которых был также священник, который до сих пор не был со мной знаком. Закончив свою молитву благодарения в церкви и видя, что я ухожу, он последовал за мной в дом, где я остановилась. Затем он сказал мне, что Господь вдохновил его обратиться ко мне, дабы открыть мне свое внутреннее состояние. Он сделал это с большой непосредственностью и смирением, и тогда Господь даровал ему через меня все, в чем он нуждался. После этого он исполнился радости и благодарности Богу. Несмотря на то, что там находилось много духовных людей, и даже его близких друзей, он никогда не испытывал побуждения раскрывать им свои мысли.

Он был служителем Божьим, ибо Господь благословил его своим драгоценным даром молитвы. В течение восьми дней моего пребывания в Марселе, я встретилась там со многими добрыми душами. Во время всех моих гонений, наш Господь всегда совершал некоторые удары Своей десницей и в результате добрый священник был избавлен от беспокойства, которое мучило его в течение многих лет.

После моего отъезда из Гренобля, ненавидящие меня люди, которые не знали меня лично, распространяли обо мне всякие клеветнические слухи.

Одна женщина, которой я помогла освободиться от тягостных отношений с одним человеком, позволила своему разуму быть вновь вовлеченной в эту пагубную связь. Она стала ненавидеть меня из–за разрушения этой связи. Несмотря на то, что я не сковывала теперь ее свободу, она все же пошла к Епископу Гренобля, жалуясь, что я посоветовала ей совершить несправедливый поступок. Далее она ходила от одного исповедника к другому, повторяя одну и ту же историю, настраивая их против меня. Поскольку они подозрительно относились ко всем подобным предрассудкам, огонь вскоре полыхал во всех местах. Лишь те, кто меня знал и любил Бога, встали на мою сторону. Они теснее сблизились со мной, проявляя ко мне любовь во время этих гонений.

Мне было бы очень просто разрушить клевету, как и наговоры на меня Епископу Гренобля. Мне необходимо было лишь сообщить о человеке, сделавшем это, показав плоды ее беспорядочного образа жизни. Но я не могла объявить виновную, не сообщив также о ее сообщнике. Он же теперь, ощутив прикосновение Божье, пребывал в состоянии абсолютного раскаяния. Поэтому я подумала, что лучше мне пострадать, храня его имя в тайне. Был также один благочестивый человек, которому ее история была известна от начала до конца. Он написал ей, говоря, что если она не заберет назад свои лживые наговоры, то он обнародует рассказ о ее грешной жизни, сообщив, как о ее великом согрешении, так и о моей невиновности. Она некоторое время продолжала свое преступное поведение, написав, что я являюсь колдуньей и придумывая многие другие ложные факты. Вскоре она испытывала по этому поводу такие жестокие угрызения совести, что написала как епископу, так и другим людям, взяв назад все свои слова. Она попросила одного человека сообщить мне, что она в отчаянии по поводу содеянного и что Бог ее сурово наказал.

После всех этих публичных покаяний негодование против меня уменьшилось. Епископ был выведен из заблуждения и засвидетельствовал мне свое великое почтение. Эта особа кроме всего прочего сказала, что я побуждала людей поклоняться мне, а также другие невозможно лживые вещи. Я не знала, куда и каким образом мне направиться дальше из Марселя. Я не видела возможности возвратиться и оставаться в Гренобле, где в монастыре я оставила свою дочь. Отец ля Комб писал, что не считает для меня разумным ехать в Париж. Я же испытывала сильное неприятие при мысли об отъезде, что побуждало меня думать о неподходящем для этого времени. Однажды утром я ощутила внутреннюю необходимость куда–то ехать. Я наняла экипаж, попросив отвезти меня к маркизе Прюне, дом которой являлся самым лучшим для меня убежищем в настоящем положении. Я думала, что проеду через Ниццу по пути к ее имению, как некоторые мне говорили. Но когда я прибыла в этот город, то была весьма удивлена, узнав, что экипаж не может пройти через горы.

Я не знала что делать, в какую сторону отправиться, одна, всеми оставленная, без Божьих повелений. Мое смятение и крестные муки, казалось, возрастали. Я видела себя скитающейся, как бродяга, без убежища или крыши над головой. Все торговцы в своих лавках виделись мне такими счастливыми, имея собственное жилище, в котором они могли укрыться. Ничто в мире не было столь тягостным для той, которая привыкла соблюдать благопристойность и этикет, как эта жизнь скитальца. Пока я пребывала в этой неуверенности, не зная, что предпринять, один человек пришел сказать мне, что на следующий день отплывает лодка, которая обычно следует в

Геную. Если я пожелаю, они высадят меня в Савоне, откуда я смогу добраться до имения маркизы Прюне. Я согласилась принять это предложение, так как не могла ожидать инной помощи. Я испытывала некоторую радость, отправляясь в плавание морем. Я говорила себе: «Если я являюсь изгоем земли, презрением общества и ошибкой природы, то теперь я отправляюсь транспортом, являющимся самым коварным из всех других. Так что, если Господу будет угодно отправить меня в морские волны, то мне останется лишь погибнуть в их пучине». В одном опасном для маленькой лодки месте разыгрался шторм, а моряки оказались одними из самых грешных людей. Раздражение волн доставляло моему разуму большое удовлетворение. Я утешала себя, думая, что эти мятежные морские валы могут послужить мне могилой. Возможно, я слишком погрузилась в это наслаждение, видя себя окруженной и обмываемой водами. Находившиеся рядом со мной заметили мое бесстрашие, но не знали о его причине. Я просила высадить меня на каком–нибудь маленьком скалистом берегу, где бы я могла жить вдали от всех творений. Я представляла себе, что какой–нибудь необитаемый остров мог бы закончить все мои страдания и поместить меня в состояние неукоснительного исполнения Твоей воли. Но Ты приготовил для меня тюрьму совершенно отличную от скалы, и ссылку совершенно иного характера, нежели необитаемый остров. Ты определил мне быть побиваемой валами более яростными, нежели валы морские. Клеветнические наветы оказались не утихающими волнами, под удары которых, я немилосердно была поставлена.

Из–за бури мы задержались в пути и вместо одного дня мы плыли в Геную одиннадцать дней. Сколь великим был мир в моем сердце посреди этого жестокого волнения! Мы не могли пристать к Савоне, поэтому должны были отправиться к Генуе. Наконец, мы прибыли туда в начале недели перед Пасхой. Находясь там, я должна была все время терпеть оскорбления от местных жителей, вызванные их неприязнью по отношению к французам из–за поражения в результате недавнего артиллерийского обстрела. Дож недавно покинул город, увезя с собой все экипажи. Поэтому я не могла найти никакого транспорта и была вынуждена оставаться там несколько дней, тратя на пропитание огромные деньги. Люди требовали от нас непомерные суммы, беря с одного человека столько, сколько бы в Париже взяли с целой компании в лучшей харчевне.

У меня осталось очень мало денег, но мое обеспечение в Провидении не могло истощиться. Я с большой настойчивостью просила дать мне экипаж за любую цену, надеясь провести праздник Пасхи, до которого оставалось три дня, в доме маркизы Прюне. Но меня понимали с трудом. Сдавшись моим мольбам, мне в конце концов дали жалкую повозку с немощными мулами и сказали, что охотно доставят меня до Версаля. Приближение Пасхи и недостаток денег в стране, где практиковалось всякое насилие и вымогательство, не оставляли мне возможности выбирать. Мне было совершенно необходимо смириться с такой поездкой в Версаль. Так рука Провидения вела меня даже и против моей воли. Наш погонщик мулов был человеком самого грубого склада. В довершение моих страданий я послала в Версаль сопровождавшего нас священника, дабы он предупредил их о моем неожиданном приезде, ибо вначале я дала отрицательный ответ на приглашение приехать.

Этот священник во время путешествия весьма пострадал от ненависти, которую здесь питали к французам. Они заставили его проделать часть пути пешком, так что, несмотря на его

более ранний отъезд, он прибыл на место всего лишь за три часа до меня. Что касается сопровождавшего нас мужчины, видя, что на его попечении одни женщины, он обращался с нами самым оскорбительным и хамским образом. Однажды нам случилось проезжать через лес, полный грабителей. Погонщик боялся, сказав нам, что если мы их встретим на дороге, то нас наверняка убьют. Обычно они не щадили никого. Не успел он промолвить эти слова, как появилось четверо вооруженных мужчин. Они немедленно нас остановили.

Погонщик перепугался насмерть. Я лишь слегка опустила голову, улыбаясь, ибо у меня не было страха.

Я была настолько покорна Провидению, что для меня не имело разницы, умереть так или иначе, в море или от рук разбойников. Когда опасности казались неизбежными, тогда моя вера, равно как и бесстрашие, возрастали более всего. Я не имела способность желать чего–либо другого, чем того, чему предстояло случиться, будь это гибель на скалах, вероятность утонуть или погибнуть иным образом. Все в воле Божьей было для меня одинаково равным. Люди, которые сопровождали или посещали меня, говорили, что никогда не видели мужества, подобного моему. Самые большие опасности и вероятность близкой смерти, казалось, доставляли мне наибольшее удовольствие. Разве не Тебе было угодно, о мой Бог, хранить меня во время всякой нависшей надо мной опасности и удерживать меня от падения в пропасть в момент, когда я уже скользила по ее шаткому краю? Чем проще я относилась к своей жизни, которую имела только потому, что Тебе было угодно ее хранить, тем более Ты оказывал попечения по поводу ее сохранности. Между нами как будто происходило взаимное соперничество, в котором я отдавала жизнь, а Ты ее поддерживал.

Когда разбойники приблизились к повозке, я даже не успела с ними поздороваться, как Бог побудил их изменить свои планы. Толкнув друг друга, чем они намекали не причинять никому зла, они уважительно меня поприветствовали и удалились с сочувственным видом, совершенно нехарактерным для людей подобного рода. В то же мгновение я ощутила в своем сердце, что это было действием Твоей десницы, ибо Ты имел для меня другие планы, нежели принять смерть от рук разбойников. Твоя суверенная сила удаляет всякое зло от тех, кто преданно Тебя любит, но безжалостно и нещадно разрушает жизни, исполненные своего я.

Погонщик мулов видел, что я путешествую с двумя другими молодыми женщинами, и поэтому поступал со мной по своему усмотрению, ожидая вытянуть из меня как можно больше денег. Так, вместо того чтобы привезти нас в гостиницу, он привез нас на мельницу, где жила одна женщина. Там была лишь одна комната с несколькими кроватями, где спали мельники и погонщики мулов. Они заставляли меня расположиться на ночлег в этой комнате. Я сказала погонщику, что я не в состоянии спать в таком месте и прошу его отвезти меня в гостиницу. Он не хотел этого делать. Тогда я была вынуждена отправиться туда пешком в десять часов вечера. Я несла часть своей одежды, идя добрую четверть мили в незнакомом и темном месте, не зная пути. Также мне пришлось пройти через лес, переполненный разбойниками, пытаясь таки добраться до гостиницы. Погонщик, видя нас покинувшими место ночлега, улюлюкал нам вслед совершенно унизительным образом. Я переносила это унижение с радостью, но конечно не бесчувственно. Моя покорность воле Божьей все делала для меня легким.

Нас прекрасно приняли в гостинице и добрые люди сделали все возможное, чтобы дать нам отдохнуть от усталости, в которой мы пребывали. Они сказали нам, что место, откуда мы ушли, было очень опасным. На следующее утро мы были вынуждены вернуться за своей поклажей, ибо погонщик не собирался привозить ее нам. Напротив, он окатил нас градом новых оскорблений. Дабы еще более усугубить свое низкое поведение, он пересадил меня в почтовую коляску, где я была вынуждена путешествовать до конца пути. На этом транспорте я прибыла в Александрию, пограничный городок в ведомстве Испании, по другую сторону Миланезе.

Наш возница отвез нас по своему обыкновению на почту. Я была весьма удивлена, когда увидела хозяйку, которая вышла чтобы воспрепятствовать нашему въезду, вместо того, чтобы пропустить. С другой стороны возница решился проехать, несмотря на ее протест. Их спор достиг такого накала, что на этот шум вместе с толпой сбежались многие офицеры гарнизона, удивляясь странной настроенности женщины, которая отказывалась нас принимать. Я настойчиво попросила почтового служащего отвезти нас в какой–нибудь другой дом, но он не желал этого делать, ибо упорно хотел добиться своей цели. Он убеждал хозяйку, что мы люди честные и набожные, что было заметно по нашему внешнему виду. Наконец, он вынудил ее познакомиться с нами. Как только она посмотрела на нас, она повела себя подобно разбойникам, сразу же успокоившись и пригласив в дом. Не успела я еще сойти с повозки, как она сказала: «Пойдите, хорошенько закройтесь в той комнате и не высовывайтесь, чтобы мой сын не узнал о вашем пребывании здесь, ибо если он узнает, то убьет вас». Она и служанка сказали это с такой убежденностью, что если бы смерть не представляла для меня огромного блага, я бы возможно умирала бы от страха, услышав эти слова. Две ехавшие со мной бедные девушки были исполнены ужасных ожиданий. Когда слышался какой–нибудь шум или кто–то открывал дверь, они боялись, что их сейчас убьют. Они продолжали все это время пребывать в смертельной неизвестности, между жизнью и смертью до начала следующего дня, когда мы узнали, что этот молодой человек поклялся убить всякую женщину, которая остановится в доме. За несколько дней до этого произошло одно событие, которое могло бы его погубить. Одна негодная женщина убила в этом доме уважаемого человека, за что хозяин должен был заплатить большой штраф. Поэтому он не без причины опасался, как бы в их дом не приехали люди подобного злого нрава.

Глава 18

После этих и других приключений, рассказывать о которых было бы очень утомительно, я прибыла в Версаль. Там я отправилась в гостиницу, где меня не очень хорошо приняли. Затем я послала за Отцом ля Комбом, который, как я думала, должен был быть извещен о моем приезде через священника, и который мог бы мне весьма помочь. Но священник прибыл лишь недавно. Насколько лучше бы со мной обращались в дороге, если бы он был со мной! Ибо в этой стране на женщин, сопровождаемых священниками, смотрели с почтением, как на людей честных и благочестивых.

Отец ля Комб пришел в состояние странного трепета, узнав о моем прибытии, ибо на то была воля Божья. Он сказал, что все думали, будто я приеду вслед за ним, и что это может повредить его репутации, которая была в этой стране у него очень высокой. Мне было не легче согласиться на эту поездку. Лишь необходимость заставила меня смириться для выполнения такой неприятной задачи. Отец принял меня холодно, дав мне почувствовать все свои переживания, чем только удвоил мои страдания. Я спросила его, не требует ли он моего возвращения, добавив, если это так, я могу уехать сию же минуту, сколь бы измученной и подавленной я себя не чувствовала, будучи изнуренной усталостью и постами. Он сказал, что еще неизвестно, как Епископ Версаля воспримет мое прибытие, после того, как он так долго меня ожидал, а я так долго и упорно отказывалась принимать его обязывающие приглашения. С того времени Епископ больше не выражал желания меня видеть. Мне тогда показалось, что я отвергнута с лица земли и не имею возможности найти убежище, как если бы все творения объединились в стремлении меня уничтожить. Всю следующую ночь я провела без сна, не зная, что предпринять, будучи гонимой моими врагами и находясь в немилости даже у своих друзей.

Когда в гостинице узнали, что я являюсь знакомой Отца ля Комба, то стали обращаться со мной с большим уважением и добротой. Здесь его почитали за святого. Отец не знал, как сообщить епископу о моем приезде, и я ощущала его страдания больше, нежели свои собственные. Как только этот прелат узнал о моем прибытии, он послал свою племянницу, которая посадила меня в свою карету и отвезла к себе домой. Все это, конечно, делалось лишь для соблюдения внешних правил приличия. Епископ, еще не встретившись со мной, не знал, что и думать о таком неожиданном моем приезде, после трехкратного отказа, несмотря на то, что он даже посылал за мной экипаж. Он был не очень расположен по отношению ко мне.

Тем не менее, поскольку ему сообщили, что в моих планах не было оставаться в Версале, но отправиться дальше в имение маркизы Прюне, он отдал распоряжения, чтобы обо мне хорошо позаботились. Он смог принять меня лишь после Пасхального Воскресенья, так как весь день и весь вечер был занят отправлением служб. После того, как они закончились, он приехал в коляске к дому своей племянницы, чтобы встретиться со мной. Хоть он с трудом понимал французскую речь, не намного лучше, чем я итальянскую, он был весьма удовлетворен беседой со мной. Казалось, что теперь он проявлял ко мне столько же благосклонности, сколько до сих пор испытывал безразличия. Он стал питать ко мне такие дружеские чувства, как будто я была его сестрой. Его единственным развлечением среди многих постоянных обязанностей, было приезжать сюда, чтобы провести полчаса, беседуя со мной о Боге. Затем он написал Епископу

Марселя, благодаря его за оказанную мне защиту от гонений. Также он написал Епископу Гренобля и сделал все, чтобы выразить уважение, которое он ко мне питает. Теперь он только и думал, каким образом задержать меня в своей епархии. Он и слышать не хотел о моей поездке к маркизе Прюне. Напротив, он написал ей, прося ее приехать и пожить со мной некоторое время в его епархии. К ней он отправил Отца ля Комба, с целью убедить ее приехать, уверяя ее, что здесь он объединит нас всех, создав свою паству.

Маркиза и ее дочь охотно приняли такое предложение. Они могли бы приехать вместе с Отцом ля Комбом, но в то время маркиза была больна. Епископ активно действовал, стремясь собрать и организовать из нас сообщество. Также он нашел нескольких благочестивых особ и некоторых весьма преданных Богу молодых женщин, готовых к нам присоединиться. Но воле Божьей было угодно не утвердить мое пребывание здесь, а напротив, еще больше меня распять. Усталость от путешествия привела меня к болезни. Девушка, которую я привезла из Гренобля, также заболела. Ее скупые родственники взяли себе в голову, что если она умрет у меня на службе, то я добьюсь, чтобы она написала завещание в мою пользу. Они весьма заблуждались на этот счет. Так как я отказалась от своей собственности, то была слишком далека от того, чтобы желать чужой. Ее брат, исполненный таких опасений, пришел весьма поспешно, и первое, о чем он начал с ней говорить, несмотря на то, что нашел ее выздоровевшей, было написание завещания. Это наделало много шума в Версале. Он желал, чтобы она вернулась с ним, но она отказалась. Я посоветовала ей сделать то, чего хотел ее брат. Он подружился с некоторыми офицерами из гарнизона, которым рассказал совершенно нелепые истории том, что я, якобы, хотела злоупотребить его сестрой. Он всех убеждал, что она из знатного рода. Затем они разгласили слух о том, что я приехала вслед за Отцом ля Комбом. Они даже стали его преследовать из–за меня. Епископ был весьма обеспокоен, но не мог исправить положения. Дружеские чувства, которые он питал ко мне, возрастали с каждым днем, ибо любя Бога, он любил также и всех остальных любящих Его. Узнав о моем недомогании, он, проявив прилежание и милосердие, пришел навестить меня, освободившись от дел.

Он преподнес мне небольшие угощения из фруктов. Его родственники были исполнены зависти. Они говорили, что я приехала уничтожить его и увезти его деньги во Францию, что было совершенно несовместимо с моим образом мыслей. Епископ терпеливо переносил все эти оскорбления, все еще надеясь удержать меня в своей епархии, когда я поправлюсь от болезни. Отец ля Комб получал пребенду и был духовником епископа. Он питал к нему большое уважение. Бог употребил его для обращения некоторых офицеров и солдат, которые из людей ведущих скандальный образ жизни превратились в людей образцового благочестия. В этом месте все было исполнено крестных испытаний, но Бог завоевывал души людей. Некоторые здешние монахи по примеру Отца возрастали в своем духовном совершенстве. Несмотря на то, что я не понимала их языка, как и они не понимали моего, Господь дал нам возможность понять друг друга в том, что касалось Его служения.

Ректор Иезуитов выделил время во время отъезда Отца ля Комба, чтобы испытать меня. Он всю свою жизнь исследовал теологические проблемы, которые были мне непонятны. Мне он предложил обсудить несколько вопросов. Господь вдохновил меня ответить ему таким образом,

что он ушел от меня удовлетворенный и удивленный моими познаниями. Он не мог не говорить об этом повсюду.

Варнавиты из Парижа, а точнее Отец де ля Мот, взялись за то, чтобы привлечь Отца ля Комба к проповедям в Париже. Он написал об этом Отцу–наставнику, сообщив, что община в Париже осталась без поддержки, а церковь была в заброшенном состоянии. Так что было бы жаль оставлять такого человека, как Отец ля Комб в месте, где он зря тратил бы свои способности проповедника. Несмотря на важность представления его таланта в Париже, он в одиночку не смог бы понести бремя общины, если ему не предоставили бы помощника с соответствующими способностями и опытом. Кто бы ни поверил в искренность этого предложения? Епископ Версаля, который был большим другом Отца–наставника, узнав об этом предложении, противостал ему, ответив, что ему будет нанесен огромный ущерб, если у него заберут настолько полезного человека именно в тот момент, когда он более всего в нем нуждается. Отец–наставник Варнавитов не мог согласиться с просьбой Отца де ля Мота, боясь обидеть Епископа Версаля.

Что касается меня, то мое заболевание усугубилось. Крайне вредный воздух тамошних мест вызывал у меня постоянный кашель с частыми приступами лихорадки. Мне стало настолько плохо, что все опасались моей неспособности победить эту болезнь. Епископу было больно это видеть. Проконсультировавшись с врачами, он узнал, что тамошний воздух был для меня смертелен, после чего сказал мне: «Я предпочел бы знать, что вы живы, пусть даже и вдалеке от меня, нежели увидеть вас здесь умершей». Он отказался от своих планов по созданию общины, ибо моя приятельница также не хотела оставаться без меня. Эта женщина из Генуи не могла так просто оставить свой город, где она пользовалась большим уважением. Генуэзцы умоляли ее организовать то, что просил ее организовать Епископ Версаля. Это была община подобная общине мадам де Мирамон. Когда Епископ впервые предложил ей эту идею, у меня было предчувствие, что проект не будет иметь успеха, каким бы привлекательным он не казался. Я также понимала, что это не то, чего от меня требовал Господь, несмотря на смирение, с которым я принимала все хорошие предложения, желая отдать должное благосклонности этого прелата. Я была убеждена, что Господь прекрасно знает, как предотвратить то, что от меня сейчас требовали. Когда этот добрый прелат понял, что должен согласиться на мой отъезд, он сказал мне: «Вы хотели находиться в Женевской епархии, и там вас жесткого преследовали и отвергали; но даже я, который желал бы оставить вас у себя, не в состоянии вас удержать». Он написал Отцу ля Могу, что я уеду весной, как только будет позволять погода. В своем письме он выражал сожаление о необходимости меня отпустить. Но он все же надеялся, что удержит Отца ля Комба, что было бы возможно, если бы смерть Отца–наставника не придала делу иной поворот.

Получилось так, что я писала об Апокалипсисе, и мне была дана большая уверенность по поводу гонений, которые будут сопровождать самых верных слуг Божьих. Находясь здесь, я испытала сильное побуждение написать Мадам де Ш. Я сделала это с большой непосредственностью. Написанное мной было похоже на закладывание основания того, что Господь требовал от нее в будущем, пожелав использовать меня для привлечения ее на Свои

пути. Она стала человеком, с которым у меня установились тесные связи, что способствовало возникновению связей также и с другими людьми.

Друг Епископа Версаля, Отец–наставник Варнавитов, ушел из этой жизни. Как только он умер, Отец ля Мот написал Главному Викарию, который теперь должен был занять этот пост до официальных выборов. В своем письме он вновь просил прислать ему в помощники Отца ля Комба. Отец ля Мот, узнав, что по причине своей болезни я вынуждена была вернуться во Францию, послал повеление Отцу ля Комбу вернуться в Париж и сопровождать меня в моем путешествии. Это сопровождение, избавило бы их бедную общину в Париже от расходов на длительное путешествие. Отец ля Комб, не раскусив яда, который находился под этой безобидной оболочкой, согласился на эту просьбу, зная, что обычно со мной всегда путешествует какой–нибудь священник. Он выехал в дорогу на двенадцать дней раньше меня, чтобы, устроив кое–какие дела, ожидать меня у перехода через горы, ибо именно в этом месте я больше всего нуждалась в спутнике.

Я отправилась в путь во время Великого Поста в прекрасную погоду. Для Епископа это расставание было весьма печальным. Мне было жаль его, ибо он был расстроен, лишившись как Отца ля Комба, так и меня. Он оплатил мои расходы до самого Турина, дав мне также в сопровождающие некоего джентльмена и одного из своих священников. Как только было решено, что Отец ля Комб будет меня сопровождать, Отец ля Мот сообщил повсюду, что он был вынужден организовать это сопровождение, чтобы вернуть его во Францию. Он везде распространялся о моей привязанности к Отцу ля Комбу, якобы жалея меня. На что многие говорили, что мне следует предоставить себя водительству Отца ля Мота. В то же самое время он искусно скрывал злонамеренность своего сердца, отправляя Отцу ля Комбу и мне исполненные уважения и нежности письма. В них он говорил, что желает, чтобы он привез его дорогую сестру, служа ей в ее немощах и трудностях такого длительного путешествия, и что он будет ему весьма обязан за проявленную заботу, а также много других подобных излияний.

Я не могла решиться на отъезд, не повидав, несмотря на трудности дорог, своего дорогого друга маркизу Прюне. Я попросила отвезти меня, так как из–за горной местности едва ли было возможно отправиться туда иным способом. Она была чрезвычайно рада моему приезду. Не было более сердечных отношений, чем те, которые установились между нами. Именно тогда она признала, что с ней произошло все то, что я в свое время предсказывала. Один добрый священник, проживающий при ней, сказал мне то же самое. Мы вместе сделали целебные мази и пластыри, и я рассказала ей секреты моих снадобий, посоветовав ей, как и Отец ля Комб, организовать в той местности лечебницу, что и было сделано, пока мы там находились. Я пожертвовала на это и свою лепту средств, которая всегда оказывалась благословением для всех больниц, организованных по воле Провидения.

Я думаю, что забыла упомянуть о том, как Господь употребил меня в организации одной такой больницы в Гренобле. Эта больница продолжает существовать и поныне, имея своим источником лишь поддержку Провидения. Мои враги позже использовали это с целью меня оклеветать, говоря, что я истратила состояние своих детей на создание больниц. Но и в мыслях не имея растрачивать их состояние, я даже отдала им свое. Все эти больницы были созданы на средства, полученные посредством божественного Провидения, источники которого

неисчерпаемы. Однако было предопределено, чтобы все, что Господь велел мне делать для Его славы, превращалось для меня в крестные страдания.

Как только было решено, что я поеду во Францию, Господь дал мне знать, что эта поездка повлечет за собой еще большие испытания, нежели те, которые я когда–либо имела. У Отца ля Комба было похожее предчувствие. Он советовал мне покориться воле Божьей и стать жертвой, добровольно предлагающей себя на алтарь новых жертвоприношений. Он также написал мне: «Не будет ли это прекрасным прославлением Бога, если Он в этом великом городе даст нам послужить позорищем, как для ангелов, так и для людей?» Так, я отправилась в путь с жертвенным духом, ютовая предложить себя на новые виды наказаний, если таковые будут угодны моему дорогому Господу. В течение всего пути что–то внутри меня повторяло именно эти слова Св. Павла: «И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; Только Дух Святым по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня, Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедовать Евангелие благодати Божией» (Деян. 22:22–24). Я не могла не засвидетельствовать это моим самым близким друзьям, которые старались остановить меня и воспрепятствовать моей поездке. Все они желали поделиться со мной своим кровом, предоставляя мне свое жилище и мешая моему переезду в Париж. Но я считала своим долгом не сходить с избранного пути и принести себя в жертву Тому, Который ранее пожертвовал Собой ради меня.

В Шамберри мы встретили Отца ля Мота, который ехал на выборы Отца–наставника. Несмотря на то, что он проявлял видимость дружеских отношений, было не трудно заметить, что его мысли отличались от слов, и что он строил против нас свои темные планы. Я рассказываю о его намерениях, лишь желая следовать данному мне повелению не упускать ничего из своей истории. Поэтому мне необходимо будет часто упоминать о нем. Я всем сердцем сожалею, что не в моей власти не упоминать о нем. Если бы его поступки касались только меня одной, я бы охотно предала все забвению, но я думаю что обязана рассказать все ради торжества истины и невиновности Отца ля Комба, так жестоко и долго подавляемого и сокрушаемого посредством злой клеветы, тюремного заключения в течение нескольких лет, которые, вероятно, продолжались бы в течение всей его жизни. Хоть Отец ля Мот может показаться глубоко виновным во всем, что я о нем рассказываю, я серьезно протестую против этого, как и против того, что я в присутствии Бога умалчиваю о многих его плохих поступках.

Глава 19

Стоило мне прибыть в Париж, как я сразу же узнала о темных планах как против Отца ля Комба, так и против меня самой. Отец ля Мот, который был инициатором всей этой трагедии, по своему обыкновению искусно скрывал все, говоря мне в лицо весьма лестные слова, но при этом замышляя сильнейшие удары мне в спину. Он и его сообщники, преследуя свои собственные интересы, хотели убедить меня отправиться в Монтаржи (мои родные места), надеясь взять под опеку моих детей и таким образом избавиться, как от меня, так и от последствий моей деятельности. Все гонения со стороны Отца ля Мота и со стороны моих родственников были связаны с достижением их интересов. Те же, что совершались против Отца ля Комба, исходили из ненависти и мести, равно как и из–за зависти, ибо он, будучи моим наставником, не заставлял меня исполнять их повеления. Здесь мне необходимо углубиться в детали, которых было бы достаточно, чтобы убедить всех. Но я буду стремиться избегать многословия. Я только упомяну, что они угрожали мне лишить меня той малости, которую я оставила для себя. Я отвечала на это, что не пойду в суд. Ибо если они решились забрать у меня эти небольшие деньги (небольшие по сравнению с тем, что я отдала), то я полностью откажусь от них, будучи свободной не только в том, чтобы быть бедной, но даже крайне нуждаться, следуя примеру нашего Господа Иисуса Христа.

Я прибыла в Париж в вечер Св. Магдалины, 1686 года, ровно через пять лет после моего отъезда из этого города. Отец ля Комб после своего прибытия стал пользоваться большим вниманием и популярностью. Вслед за этим я заметила некоторую зависть со стороны Отца ля Мота, но не верила, что это заведет их так далеко. Большая часть Варнавитов, живших в Париже и окрестностях объединились, выступая против Отца ля Комба, что было вызвано несколькими причинами, связанными именно с их орденом. Но все их наговоры и злонамеренные предприятия разбивались о его незапятнанное благочестие и то благо, которое многие люди получали от его трудов.

С согласия его игумена я передала в его руки небольшую сумму денег для вступления в обитель одной монашки. Моя совесть побудила меня к этому. Эта женщина с моей помощью ушла из общины Новых Католиков. Я упоминала о ней ранее, говоря, что над ней хотел возобладать священник из Гекса. Поскольку она была очень красива, равно как и благоразумна, то всегда оставалась причина опасаться, как бы она снова не попала под мирское влияние. Отец ля Мот желал заполучить эти деньги. Он намекнул отцу ля Комбу, что если тот не внушит мне передать эти деньги для строительства стены, которую ему нужно было заново реконструировать в своем монастыре, то он отплатит ему за это. Но последний, будучи всегда честным, ответил, что по своей совести не сможет советовать поступить в противоречии с моим решением доставить благо этой молодой женщине. Тогда Отец ля Мог и священник прихода стали ревностно стремиться отомстить. Они употребили все свои умственные способности, придумывая способы осуществления своих планов. Один весьма нечестивый человек, задействованный для этой цели, написал клеветнические обвинения, заявляя, что Отец ля Комб был сообщником дела Молимо, нашумевшего в течение двух последних лет во Франции. Эти обвинения были распространены по всей округе. Отец ля Мот и священник прихода, действуя

как особы, преданные церкви, передали обвинения чиновнику или судье церковного суда, который присоединился к их темному заговору. Затем они были представлены Архиепископу со словами: «Мы поступаем так из ревности и крайне сожалеем, что некто из нашего братства оказался еретиком, и еретиком самым отвратительным».

Они также втянули меня, но более скромным образом, говоря, что Отец ля Комб почти жил в моем доме, что было абсолютной ложью. Я лишь изредка виделась с ним, во время исповедания, и то, на очень короткое время. Так же беспрепятственно они объявили несколько других ложных фактов, касающихся нас обоих. Позже они задумали еще одно дело, которое могло бы способствовать успеху их замысла. Им было известно о моем пребывании в Марселе, и они посчитали это прекрасным основанием для создания новой клеветы. Они подделали письмо, якобы написанное одним человеком из Марселя (я слышала о письме от Епископа) и адресованное Архиепископу Парижа, или его представителю. В этом письме обрисовывался самый отвратительный скандал. Отец ля Мот попытался заманить меня в ловушку, заставив сказать в присутствии приведенных им людей, что я действительно была в Марселе вместе с Отцом ля Комбом. Он сказал: «Епископ Марселя прислал шокирующие отчеты, говорящие против вас. Вы попали в совершенно скандальную историю вместе с Отцом ля Комбом. У нас есть надежные свидетели этого». Я ответила с улыбкой: «Эта клевета измышлена превосходно, но следовало бы сначала узнать, был ли Отец ля Комб в Марселе, ибо я не думаю, что он когда–либо бывал там в течение своей жизни. Во время моего пребывания там, Отец ля Комб трудился в Версале». Отец ля Мот смутился и вышел, говоря: «Есть свидетели правдивости этих фактов».

Он немедленно направился к Отцу ля Комбу спросить, бывал ли тот когда–нибудь в Марселе. Тот заверил его, что никогда там не бывал. Так, наших врагов постигло разочарование. Тогда они объявили, что все это происходило не в Марселе, а в Сейселе. Но теперь оказалось, что я никогда не бывала в Сейселе, и, к тому же, там нет епископа. Использовались все мыслимые изобретения для запугивания меня угрозами, поддельными письмами и подстроенными против меня летописями, где меня обвиняли в распространении ошибочных доктрин и в том, что ведение порочного образа жизни вынудило меня покинуть страну, дабы избежать последствий разоблачения. Потерпев неудачу во всех этих измышлениях, со временем Отец ля Мот снял маску и сказал мне в церкви, в присутствии ля Комба: «Именно сейчас, сестра моя, вам следовало бы подумать о побеге, ибо вы обвиняетесь в преступлениях самого тяжкого характера». Я нисколько не была этим взволнована, но со своим обычным спокойствием ответила: «Если я виновна в таких преступлениях, то не могу быть слишком строго наказана, поэтому я не буду убегать или сходить со своего пути. Я открыто исповедую свое абсолютное посвящение Богу. Если я совершила нечто оскорбительное для Того, Которого я всегда желала любить и побуждать весь мир любить Его, даже ценой своей собственной жизни, мне следует, приняв наказание, стать примером для этого мира. Но если я невиновна, то в случае побега никто не поверит в мою невиновность».

Были совершены похожие попытки с целью уничтожения Отца ля Комба. Он был представлен в ложном свете перед королем, в результате чего вышел указ о его аресте и заключении в Бастилию. Несмотря на то, что на суде он выглядел как совершенно невиновный человек, и они не могли найти основания для его приговора, однако они заставили короля

поверить, что он опасный в религиозном плане человек. Тогда он был пожизненно заточен в одной из крепостей Бастилии. Когда его враги узнали, что капитан этой крепости глубоко его уважает и мягко с ним обращается, его перевели в намного худшее место. Бог, Который видит все, воздаст всякому человеку по его делам. Но посредством внутреннего общения с Отцом я знаю, что он остается весьма довольным и полностью преданным Богу.

Ля Мот теперь пытался более чем когда–либо вынудить меня к побегу, убеждая, что если я отправлюсь в Монтаржи, то буду там в полной безопасности, но если этого не сделаю, то поплачусь за свое непослушание. Он настаивал, чтобы я взяла его себе в наставники, с чем я совершенно не могла согласиться. Он хулил меня везде, где бы ни был, и приказывал остальным своим братьям делать то же самое. Мне присылали весьма оскорбительные письма, уверяя меня, что если я не приму его наставничества, то буду уничтожена. У меня все еще есть эти письма. Один отец желал, чтобы в этом случае я совершила добродетель из необходимости. Другие даже советовали мне притвориться, будто я принимаю его наставничество, тем самым, обманув его. Мне была отвратительна даже сама мысль об обмане. Поэтому я переносила все с величайшим спокойствием, нисколько не заботясь о личном оправдании или защите, предоставив Богу распоряжаться мной, как Ему будет угодно. В этой ситуации Его милости было угодно увеличить мир в моей душе, в то время как все, казалось, противостали мне и смотрели на меня как на постыдное творение, за исключением лишь тех, кто в единении духа хорошо меня знал. В церкви я слышала, как люди за моей спиной восклицали против меня, и даже некоторые священники говорили, что меня нужно отлучить.

Я без остатка предала себя Богу, будучи готовой перенести самые ужасные страдания и пытки, если такова будет Его воля. Я никогда не совершала ходатайства ни за Отца ля Комба, ни за себя саму, хоть мне и ставили это в вину помимо всего прочего. Желая быть в полной зависимости от Бога, я не зависела ни от одного из творений. Я бы не сказала, что кто–нибудь другой, кроме Бога, в свое время обогатил Авраама (Быт. 14:23). Лишиться всего ради Него было моим лучшим приобретением, а приобрести все без Него было бы моей величайшей потерей.

Несмотря на всеобщее негодование, возбужденное против меня в то время, Бог не переставал употреблять меня для завоевания многих душ для Него Самого. Чем большие гонения поднимались против меня, тем больше у меня появлялось детей, на которых Господь через Свою слугу изливал великие благословения. Нельзя судить о слугах Божьих ни по тому, что говорят о них их враги, ни по клеветническим обвинениям без каких–либо источников. Иисус Христос обессиливал от таких страданий. Бог допускает подобное поведение по отношению к Своим самым дорогим служителям, дабы привести их в соответствие Своему Сыну, к которому Он всегда благоволил. Но лишь немногие помещают это соответствие туда, где оно уместно. Оно не в добровольных страданиях или аскетизме. Оно в тех страданиях, которые переносятся человеком в абсолютном подчинении воле Божьей, в отказе от своего я. Тогда Бог есть все во всем, ведя нас до самого конца согласно Своим взглядам, а не нашим собственным, которые обычно имеют противоположную направленность. Все совершенствование состоит в этом полном соответствии Иисусу Христу, а не во внешнем блеске, который так ценят люди. Только в вечности будет окончательно ясно, кто есть истинные друзья Бога. Он не благоволит ни

к чему, кроме Иисуса Христа. Он благоволит лишь к тому, что несет в себе Его черты или характер.

Меня постоянно склоняли к побегу, хоть Архиепископ уже поговорил со мной лично и просил не уезжать из Парижа. Но они с помощью моего побега желали придать оттенок преступности, как мне, так и Отцу ля Комбу. Они не знали, как заставить меня попасть в руки государственного служащего. Если они обвиняли меня в преступлениях, то это должно было происходить в присутствии других судий. Любой другой судья мог увидеть мою невиновность, и лжесвидетели рисковали быть наказанными. Обо мне постоянно распространяли истории ужасных преступлений, но государственный служащий уверял меня, что не слышал ни одной из них. Он опасался, как бы я не вышла из–под его юрисдикции. Тогда они заставили короля поверить, что я еретичка, которая вела переписку с Молино (это я, которая никогда не знала о существовании Молино, пока в газете не написали о нем). Также они уверяли, что я написала одну опасную книгу, и что, основываясь на всех этих фактах необходимо издать указ о помещении меня в монастырь, чтобы там меня проверить. Я считалась некоей опасной личностью, которую следовало изолировать, запретив общение с кем бы то ни было, поскольку я постоянно устраивала собрания, что на самом деле было абсолютной ложью. Чтобы подтвердить эту клевету, они подделали мой почерк и сфабриковали якобы мое письмо, в котором значилось, что у меня есть большие планы, но я боюсь, как бы они не провалились из–за заключения Отца ля Комба. По этой причине я якобы прекратила организовывать собрания в своем доме, находясь под пристальным наблюдением, но буду проводить их в домах других людей. Это сфабрикованное письмо они показали королю, и на его основании был издан указ о моем заключении в тюрьму. Этот указ был бы приведен в исполнение на два месяца ранее положенного срока, если бы я не заболела.

У меня начались немыслимые боли и лихорадка. Некоторые думали, что в моем мозгу нагноение. Боли, от которых я страдала в течение пяти недель, вызывали у меня приступы бреда. Также я мучилась от боли в груди и сильного кашля. Я дважды принимала причастие, так как все думали, что я умру. Одна из моих знакомых сообщила Отцу ля Моту (не зная о его участии в организации заключения Отца ля Комба), что она послала мне сертификат от инквизиции в пользу Отцу ля Комбу, так как его собственный был утерян. Это весьма помогло ему, ибо они в свое время заставили короля поверить, что Отец ля Комб избежал инквизиции, но сертификат подтверждал обратное.

В то время, когда я терпела ужасную боль, Отец ля Мот пришел ко мне, проявляя как только возможно ложную привязанность и нежность. Он сказал мне, что дело Отца ля Комба идет очень хорошо, ибо он близок к выходу из тюрьмы с почестями, и что он весьма рад за него. Он убеждал меня, что если бы только у него был этот сертификат, то его бы вскоре освободили. «Дайте мне его, — сказал ля Мот, — и он будет немедленно освобожден». Сначала мне было сложно сделать это. «Как! — сказал он. — Вы что, желаете стать причиной гибели несчастного Отца ля Комба, когда в вашей власти спасти его? Вы желаете причинить нам вред, лишив нас того, что находится в ваших руках?» Я уступила, приказав принести сертификат и отдать ему. Но затем он скрыл его и сказал, что сертификат был потерян. Его уже невозможно было забрать у него обратно.

Представитель Туринского Суда направил ко мне посыльного за этим сертификатом, планируя употребить его на благо Отцу ля Комбу. Я отправила его к Отцу ля Могу. Посыльный пошел к нему и попросил у него сертификат. Но тот отрицал, что я дала ему сертификат, говоря: «Ее разум расстроен, так что она все это себе лишь представила». Этот человек вернулся ко мне и передал его ответ. Бывшие в моей спальне люди, подтвердили, что я действительно отдала сертификат ля Моту. Однако все это было бесполезно, ибо было уже невозможно вырвать его из рук Отца ля Мота. Напротив, он оскорблял меня и отдавал повеления другим поступать так же, несмотря на то, что я была так слаба, пребывая почти на пороге смерти. Все они говорили мне, что ожидают лишь моего выздоровления, чтобы бросить меня в тюрьму. Отец ля Мот внушил своим братьям, что я дурно с ним обошлась. Тогда они написали мне, что я страдаю за свои грехи, и что мне следует подчинить себя контролю Отца ля Мота. В противном случае, мне придется раскаяться в том, что я была монстром гордыни и в своей грубости, не желая покориться наставничеству Отца ля Мота.

Мой ежедневный удел был в том, чтобы терпеть жестокую боль, будучи оставленной друзьями и угнетаемой врагами. Ибо первые стыдились меня из–за клеветы, которая была сфабрикована и умело распространена, а последние откровенно преследовали меня. Во время всего этого я хранила молчание, предавая себя Господу. Не было такой низости, заблуждения или святотатства, в котором бы меня не обвиняли. Как только стало возможным носить меня в церковь на стуле, мне было велено поговорить с обладателем пребенды. На самом деле это была сеть, расставленная Отцом ля Мотом и каноником, в доме которого я жила. Я разговаривала с ним весьма просто, и он одобрил все то, что я говорила. Однако через два дня после этого, было объявлено, что я, якобы, говорила многие вещи и обвиняла многих людей, с помощью чего они добились права отправить в ссылку некоторых людей, которые были им неугодны, большинство из которых я никогда не встречала и не знала.

Один их них был отправлен в ссылку, так как он похвалил мою маленькую книгу. Удивительно, что они ничего не сказали тем, кто выразил свое одобрение по поводу книги, благодаря чему, вместо ее порицания, она была заново напечатана во время моего пребывания в тюрьме. Объявления о ней были расклеены во дворце Архиепископа и по всему Парижу. Других людей, в чьих книгах были найдены ошибки, оставляли на свободе, хотя сами книги подлежали осуждению. Что же касается меня, то моя книга была одобрена, активно продавалась и распространялась, в то время как саму меня из–за нее заключили в тюрьму. В тот самый день, когда многих людей отправили в ссылку, я получила письмо с печатью, в котором мне предписывалось отправиться в Монастырь Посещения Св. Марии в окрестностях Сент–Антуана. Я приняла это со спокойствием, которое весьма поразило предъявителя. Он не мог не выразить своего удивления, наблюдая чрезвычайное огорчение всех тех, кого отправляли в ссылку. Здесь же он был до слез тронут моим отношением. Несмотря на то, что ему было приказано немедленно доставить меня на место, он не побоялся оказать мне доверие и предоставил мне еще целый свободный день, желая, чтобы я отправилась в Сент–Антуан вечером. В тот день многие мои друзья пришли навестить меня, найдя меня весьма оживленной, что удивило тех из них, которые знали о моем положении. Я еще не могла стоять, так как была весьма слаба, каждую ночь страдая от лихорадки, ибо прошло всего лишь две недели со дня,

когда я была на грани смерти. Я надеялась, что при мне оставят мою дочь и служанку, которая могла бы мне служить.

Глава 20

.. января 1688 года, я отправилась в Монастырь Св. Марии. Там мне сообщили, что мне не позволено держать при себе ни дочь, ни служанку, но я должна быть взаперти одна в комнате. Мое сердце разрывалось, когда они забрали мою дочь. Ей не было позволено ни оставаться в обители, ни сообщать мне о себе какие–либо новости.

Тогда мне пришлось пожертвовать своей дочерью, как если бы она больше мне не принадлежала. Люди монастыря были много наслышаны о моей страшной истории, так что смотрели на меня с ужасом. В тюремщики мне выбрали монашку, которая, как они надеялись, будет крайне грубо со мной обращаться. В этом они не ошиблись. Меня спросили, кто теперь является моим исповедником. Я назвала его имя, но он был исполнен такого ужаса, что сразу же от всего отрекся, несмотря на то, что я могла назвать многих людей, которые видели меня в его исповедальне. Тогда они сказали, что уличили меня во лжи, и что мне нельзя доверять. Одна моя знакомая затем сообщила мне, что одни попросту меня не знали, а другие изобретали разные истории и всячески меня злословили. Женщина, поставленная меня стеречь, была подкуплена моими врагами с целью донимать меня, обвиняя в ереси, фанатизме, сумасшествии и лицемерии. Одному Богу известно, что она заставила меня пережить. Поскольку она всегда старалась ловить меня на слове, я была осторожна в словах, стараясь говорить более точно, но на деле получалось еще хуже. Я совершала еще больше ошибок и давала ей больше преимущества над собой, помимо того, что я сама изводила себя беспокойством.

Тогда я оставила все, как есть, и решила, что, несмотря на способность этой женщины привести меня на плаху, посредством ложных доносов, которые она постоянно поставляла игуменье, я просто покорюсь своей судьбе. Таким образом, я возвратилась к своему прежнему состоянию. Месье Шарон, чиновник и доктор из Сорбонны приходили несколько раз, чтобы испытать меня. Но Господь благоволил ко мне, как Он и пообещал Своим апостолам, делая мои ответы намного лучше, нежели если бы я когда–либо училась (Луки 21:14–15). Они сказали мне, что если бы я объяснила свои взгляды в книге, озаглавленной «Краткий и Простой Способ Молитвы», что я и сделала, то я бы не находилась сейчас здесь. Мое последнее испытание касалось одного поддельного письма, которое они прочли мне и дали посмотреть. Я сказала, что почерк вовсе не похож на мой собственный. Они сообщили, что это всего лишь копия, оригинал которой находится у них. Я пожелала увидеть его, но никак не смогла у них этого добиться. Я сказала им, что никогда не писала ничего подобного, и даже не знала человека, которому письмо было адресовано, но они едва ли обратили внимание на мои слова. После прочтения этого письма, один из чиновников повернулся ко мне и сказал: «Вы понимаете, мадам, что после такого письма, у нас есть достаточное основание для заключения вас в тюрьму». «Да, господин, — ответила я, — если бы я действительно написала его». Я показала им всю его лживость и непоследовательность, но все было напрасно.

Меня оставили на два месяца, и обращались со мной все хуже и хуже, прежде чем кто–либо из них пришел увидеться со мной снова. До тех пор у меня все еще теплилась надежда, что, видя мою невиновность, они поступят со мной справедливо. Но теперь я поняла, что они не хотели устанавливать мою невиновность, но стремились выставить меня как виновную. В

следующий раз ко мне пришел сам государственный чиновник, говоря, что я больше не должна вспоминать о поддельном письме, так как это пустяк. «Как это пустяк! — возразила я. — Подделать почерк человека, чтобы выставить его врагом Государства!» Он ответил: «Мы разыщем автора». «Автор, — сказала я, — никто иной как писарь Готье». Тогда он спросил меня о бумагах, которые я писала на основании Писания. Я ответила ему: «Я отдам их, как только буду освобождена из тюрьмы». Но не хотела говорить, кому именно я отдала их на хранение.

Примерно за три–четыре дня до Пасхи он появился снова, вместе с доктором, и тогда против меня было возбуждено дело о сопротивлении, состоящем в сокрытии бумаг. Им были переданы копии моих трудов, ибо со мной не было оригиналов. Я не знаю, куда их спрятали те люди, которые взяли их у меня, но я твердо верю, что все они будут в сохранности, несмотря на эту бурю. Игуменья спросила чиновника о продвижении моего дела. Он сказал, что оно идет успешно, так что вскоре меня оправдают. Это было у всех на устах, но у меня было предчувствие обратного. В то же время я ощущала невыразимую радость в страданиях и заключении. Пленение моего тела позволяло мне больше высвобождать свой разум. День Св. Иосифа был для меня памятным днем, ибо тогда в моем состоянии было больше небесного, нежели земного, что было невозможно выразить никаким способом. За этим последовало, как и следовало ожидать, приостановление всех благословений, которыми я дотоле наслаждалась, и наделение новыми страданиями. Я должна была заново принести себя в жертву, испив до дна свою горькую чашу.

У меня никогда не было возмущения против моих гонителей, хоть я прекрасно знала их сущность, настроение и действия. Иисус Христос и святые в свое время видели своих гонителей, и в тоже время понимали, что им не дано никакой власти кроме той, что дана им свыше (Иоанна 19:11). Любя удары, производимые Богом, человек не может ненавидеть руку, с помощью которой эти удары производятся.

Несколькими днями позже, пришел чиновник и объявил, что он дает мне свободу в рамках монастыря, то есть возможность выходить и входить в обитель. Теперь они очень усердно старались склонить мою дочь к браку, который разрушил бы ее жизнь. Чтобы преуспеть в этом, они познакомили ее с одним джентльменом, за которого они хотели выдать ее замуж. Вся моя надежда была на Бога, Который не допустит этому свершиться, ибо этот человек не имел даже понятия о христианстве, отказавшись как от принципов, так и от морали. Принуждая меня отказаться от контроля над дочерью, они пообещали мне немедленное освобождение из тюрьмы и от всякого обвинения, которое надо мной довлело. Но если я откажусь, мне грозили пожизненным заключением и смертью на плахе. Несмотря на все их обещания и угрозы, я с твердостью отказалась.

Вскоре после этого, чиновник и доктор пришли сказать игуменье, что меня нужно держать взаперти. Она сообщила им, что моя комната была очень маленькой и только с одной стороны имела отверстие для света и воздуха. Через это отверстие солнце палило весь день, а поскольку был июль месяц, то это вскоре привело бы к моей смерти. Но они не обратили на это внимания. Она спросила, зачем есть необходимость держать меня взаперти. Они сказали, что я совершила ужасные вещи в ее обители, даже в течение последнего месяца, и все время шокирую монашек. Она твердила об обратном, уверяя их, что вся община получала от меня великое

назидание, и не могла не восхищаться моим терпением и сдержанностью. Но это все было напрасно. Бедная женщина не могла сдержать слез, слыша их слова, столь далекие от истины. Тогда они послали за мной и сказали мне, что в течение последнего месяца я совершила ужасно низкие поступки. Я спросила, о каких поступках идет речь? Но мне не отвечали. Тогда я ответила, что буду страдать столько, сколько будет угодно Богу, ибо это дело началось с подделок, направленных против меня, и таким же образом продолжается. Я сказала также, что Бог всему свидетель. Доктор возразил мне, что это преступление брать Бога в свидетели в таком деле. Я ответила, что ничто в мире не может удержать меня от обращения к Богу. После этого меня стали держать еще в большем заточении, чем в начале, пока я не оказалась при смерти, впав в сильную горячку и почти задыхаясь в удушливом помещении, не имея позволения получать помощь от кого–либо.

Во времена Ветхого Завета было несколько мучеников Господних, которые страдали за то, что заявляли о своей вере в единого истинного Бога. В ранней церкви Христа мученики проливали свою кровь за веру в распятого Иисуса Христа. Теперь же речь идет о мучениках за Святого Духа, которые страдают из–за своей зависимости от Него, из–за Его царствования в их душах и за то, что они являются жертвами Божественной воли. Именно этому Духу должно излиться на всякую плоть, как говорит пророк Иоиль. Мученики за Иисуса Христа были мучениками славы, так как Он сам до конца испил все поношение этого мученичества, но мученики за Святого Духа это мученики позора и бесчестья. Дьявол больше не применяет свою силу против их веры или убеждений, но напрямую атакует область владения Святого Духа, противостоя Его небесному движению в душах, и, изливая свою ненависть на тела тех, чьему разуму он повредить не в состоянии. О Святой Дух, Дух любви, позволь мне всегда покоряться Твоей воле, и подобно тому как листочек колышется под силой ветра, так пусть и я буду движима Твоим Божественным дыханием. Подобно тому как порывистый ветер сокрушает все, что ему противится, так да будет сокрушено все, что противостоит Твоему владычеству.

Хоть я и была вынуждена описывать действия моих гонителей, я не делала это из чувства возмущения, поскольку я люблю их от всего сердца и молюсь о них. Я предоставляю Богу заботу о моей защите и освобождении из их рук, не делая ни малейшего движения со своей стороны. Я предчувствовала и верила, что Бог даст мне возможность все искренне описать, дабы Его имя было прославлено, и чтобы все тайные дела против Его служителей были однажды оглашены на всех перекрестках. Ибо чем больше они стараются их скрыть, тем больше Бог сделает их явными. Стало известно, что 22 августа 1688 года, меня должны выпустить из тюрьмы, и все, казалось, к тому шло. Но Господь дал мне предчувствие, что, будучи далеки от того, чтобы предоставить мне свободу, они лишь расставляли мне новые сети, дабы, уничтожив меня более действенным способом, добиться у короля почестей для Отца ля Мота.

В упомянутый день, который был днем моего рождения, будучи в возрасте сорока лет, я проснулась с ощущением того, что Иисус Христос пребывает в мучении, находясь на организованном против него суде иудеев. Я знала, что только Бог может освободить меня из тюрьмы, и была вполне довольна тем, что Он однажды совершит это Своей десницей, хотя способ своего освобождения я предоставляла Ему Самому. По велению Святого Провидения мое дело было представлено Мадам де Ментенон, которая весьма заинтересовалась рассказом о

моих страданиях и со временем обеспечила мое освобождение. Несколько дней спустя у меня была первая встреча с Аббатом Фенелоном. Выйдя из монастыря Св. Марии я уединилась в обители Мадам Мирамйон, где пролежала в горячке три месяца и перенесла воспаление глаза. Вместе с тем в это же время меня обвиняли в постоянных выходах в город, организации подозрительных собраний, равно как и во многих других беспочвенных наговорах.

Из этой обители моя дочь вышла замуж за Мсье Николя Фуке, Графа де Во. Я переехала в дом своей дочери, и по причине ее крайней молодости жила с ней в течение двух с половиной лет. Но даже там мои враги постоянно изобретали против меня одну клевету за другой. Тогда я решила тайком уехать в обитель Бенедиктинцев в Монтаржи, на мою родину. Но об этом стало известно, и мои враги сообща этому помешали. Семья, в которой оказалась моя дочь после брака, относилась к числу друзей Аббата Фенелона, поэтому у меня была возможность часто встречаться с ним в нашем доме. У нас было несколько бесед на темы духовной жизни, во время которых он высказал некоторые возражения по поводу моего духовного опыта. Я ответила со своей обычной простотой, которая переубедила его, как я узнала позже. Поскольку дело Молино в то время наделало много шума, то недоверие высказывалось даже по поводу самых невинных вещей, а слова, используемые авторами–мистиками, были отвергнуты. Но я так просто ему все изложила, и так исчерпывающе разрешила все его сомнения, что никто в то время не разделял мои взгляды более искренне, нежели он, что в дальнейшем послужило основанием для его гонений. Его ответы Епископу Мо ярко демонстрируют это всем, кто прочел их. Теперь, следуя своей склонности к уединению, я поселилась в маленьком частном доме, где иногда имела удовольствие видеться со своей семьей и несколькими лучшими друзьями.

Когда некоторые молодые дамы из Св. Сира сообщили Мадам Ментенон, что в результате беседы со мной они ощутили влечение к Богу, она посоветовала мне продолжать наставлять их. Заметив приятную перемену в некоторых из них, которыми она ранее была недовольна, она признала, что не жалеет о своем совете. Тогда она стала обращаться со мной с огромным уважением, и в течение последующих трех лет, пока это продолжалось, я получала от нее всяческие знаки доверия и высокой оценки. Но именно это впоследствии привело к самым суровым гонениям против меня. Свободный вход в ее дом и доверие ко мне многих молодых придворных дам, известных благодаря своему положению и благочестию, не мешало тем людям, которые меня преследовали. Наставники этих дам затаили на меня обиду. Пользуясь моими неприятностями несколькими годами раньше, они привлекли Епископа Шартра, Игумена Св. Сира, к тому, чтобы донести до сведения Мадам Ментенон, что посредством своего наставничества, я, якобы, расстроила порядок обители. Молодые женщины обители настолько привязались ко мне и к моим словам, что уже больше не слушали своих наставников. Тогда я перестала посещать обитель Св. Сира. Молодым девушкам, которые мне писали, я отвечала только посредством незапечатанных писем, которые проходили через руки Мадам Ментенон.

Вскоре после этого я заболела. Врачи, напрасно испробовав обычный способ лечения, посоветовали мне отправиться на Бурбонские воды. Оказалось, моего слугу подкупили, чтоб он дал мне какой–то яд. Выпив его, я перенесла такие острые боли, что без немедленной помощи умерла бы через несколько часов. Человек, отравивший меня, сразу же сбежал, и я его никогда не видела. Когда я была в Бурбоне, то вода, которой меня иногда рвало, была подобна винному

спирту. Я и не думала, что меня отравили, пока врачи Бурбона не убедили меня в этом. Водолечение было малоэффективным. Я страдала в течение семи лет. Бог содержал меня в таком состоянии жертвенности, что я была вполне готова перенести все что угодно и принимать из Его рук любое выпавшее мне несчастье, ибо желание как–то оправдать себя в моем случае приносило тот же эффект, что и попытки толочь воду в ступе. Когда Господь желает дать человеку страдания, Он позволяет, чтобы даже самые благочестивые люди были легко ослеплены по отношению к нему. Я могу засвидетельствовать, что гонение со стороны нечестивого человека является весьма незначительным, если сравнить его с гонением со стороны служителей церкви, обманутых и возбужденных ревностью, которую они считают справедливой. Сейчас многие из них посредством различных хитростей весьма обмануты в отношении меня. Я была представлена им как некое странное творение. Но поскольку, о мой Господь, я должна соответствовать и быть угодной лишь Тебе, я более ценила свое унижение, будучи осуждаемой со всех сторон, нежели возможность быть вознесенной на вершину мирской славы. Как часто я говорила себе, даже ощущая горечь в своем сердце, что мне следует больше бояться угрызений собственной совести, чем негодования и осуждения всех людей!

Глава 21

В это время я познакомилась с Епископом города Мо. Меня представил один мой близкий друг, Граф Шеврез. Я дала ему вышеописанную историю своей жизни и он признался, что нашел в ней столько вкуса, сколько ему редко случалось находить в книгах. Он сказал, что провел за чтением ее три дня, ощущая присутствие Божие в своем разуме в течение всего этого времени. Я предложила епископу оценить все мои произведения, на что ему понадобилось четыре или пять месяцев. Затем он представил мне все свои возражения, на которые я ему ответила. Так как он был незнаком с внутренними путями духа, то я не могу убрать в сторону все те трудности, которые у него возникли в связи с их пониманием. Он утверждал, что, беря во внимание всю прошлую историю церкви, мы можем увидеть, как Бог иногда употреблял прихожан, и в частности женщин, для научения, наставления и вспоможения душам на их пути к совершенству. Я думаю, что одна из причин таких действий Бога состоит в том, что слава не должна быть приписываема никому, кроме Его одного. С этой целью, Он избрал немощные существа этого мира, дабы сокрушить сильных (1 Кор. 1:27). Будучи ревнителем в отношении того, чем люди обязаны лишь Ему, а приписывают друг другу, Бог парадоксально использует слабых людей, дабы Ему одному прославиться в Его делах. Я молюсь, чтобы Бог скорее окончательно сокрушил меня, уничтожив самым страшным образом, нежели я позволю себе присвоить хотя бы наименьшую похвалу за все то благо, которое Ему было угодно совершить через меня для других людей. Я всего лишь жалкое ничтожество. А Бог всемогущ. Ему нравится действовать и проявлять Свою силу посредством людей ничего не значащих. Когда я впервые написала историю своей жизни, она была очень короткой.

В ней я детально описывала свои ошибки и грехи, говоря мало о благословениях Божьих. Затем я ощутила побуждение сжечь ее и написать другую, в которой я бы не пропустила ничего значительного из того, что со мной случилось в жизни. Так я и поступила. Конечно, преступно предавать огласке тайны Короля, но это будет хорошо — рассказать о благословениях Господа нашего Бога и возвеличить Его милости.

По мере того как негодование против меня возрастало, даже мадам Ментенон выступила против меня. Я ей послала мою книгу через графа Бовилье, прося назначить соответствующих людей для проверки моей жизни и учения, и предлагая заключить меня в какую–нибудь тюрьму до окончательного оправдания. Мое предложение было отвергнуто. Тем временем скончался один из моих близких друзей и помощников, господин Фуке. Я весьма глубоко переживала его утрату, но радовалась его нынешнему блаженству. Он был истинным слугой Божьим.

Решившись удалиться так, чтобы никому не причинить обиды, я написала некоторым друзьям и окончательно с ними попрощалась. Я не знала, суждено ли мне умереть от моей болезни — постоянной лихорадки, длившейся в течение сорока дней, или мне удастся выздороветь от нее. Обращаясь к графине Г. и герцогине М., я писала: «Когда вы и подобные вам были вовлечены в суетность этого мира, наклеивая себе мушки и подкрашивая лица, а некоторые из вас были даже на пути разрушения своих семей, играя на деньги и расточая средства на наряды, никто не подавал своего голоса против этого, и все спокойно терпели ваше

поведение. Но когда вы порвали с этим образом жизни, то все вдруг стали высказывать свое негодование против меня, как будто я была орудием вашего уничтожения. Приведи я вас от набожности к роскоши, никто бы не устраивал такого возмущения». Герцогиня М. предала себя Богу, несмотря на то, что должна была оставить двор, который для нее был подобен опасной скале, посвятив все свое время воспитанию детей и заботе о семье, которыми она до сих пор пренебрегала. Я продолжала: «Поэтому я умоляю вас собрать все, что вы помните плохого относительно меня, и если я виновна в том, в чем они меня обвиняют, я должна быть наказана более чем кто–либо другой. Поскольку Бог дал мне познать и любить Себя, я вполне убеждена, что не существует ничего общего между Христом и Велиаром».

Я отослала им две мои напечатанные книжечки со своими комментариями на Святое Писание. Также по их просьбе я написала труд, облегчавший проверку моих взглядов, дабы избавить их от потери времени и сил, насколько это возможно. В этом труде я собрала большое число текстов признанных авторов, в которых было бы явлено соответствие моих высказываний словам святых писателей. Я попросила размножить их подобно тому, как они были написаны мною, для пересылки их трем разным членам комиссии. Также, по возможности я проясняла вызывающие сомнение непонятные места. Я писала им во время, когда дело Молино еще не наделало такого шума, используя осторожность в выражении своих мыслей, и не представляя себе, что когда–нибудь они будут обращены мне во зло. Труд был озаглавлен «ОПРАВДАНИЕ». Он был написан за пятьдесят дней и оказался достаточным для прояснения дела. Но Епископ Мо даже не удосужился его прочесть. После всех проверок, когда мне не было предъявлено никаких обвинений, кто бы подумал, что и на этот раз меня не оставят в покое? Но как раз напротив, чем более явной казалась моя невиновность, тем более те, кто старался сделать меня преступницей, для достижения своей цели приводили в действие все возможные рычаги.

Я сообщила Епископу Мо, что готова отправиться на некоторое время в любую обитель его епархии, чтобы он мог там лучше со мной познакомиться. Он предложил мне обитель Св. Марии де Мо, на что я согласилась. Отправившись в дорогу во время глубокой зимы, я едва не погибла в снегах, когда карета застряла в пути на четыре часа и едва не была погребена в глубокой лощине. Я выбралась через дверь с одной служанкой. Так мы сидели на снегу, покорившись милости Божьей и не ожидая ничего, кроме смерти. Я никогда не ощущала большего умиротворения разума, хотя дрожала, вся промокшая от снега, который таял на нас. Подобные ситуации показывают, совершенно ли мы смирились перед Богом или нет. Эта бедная девушка и я нисколько не беспокоились, находясь в состоянии полной покорности судьбе, хоть и были уверены, что умрем, если придется провести всю ночь в этом месте, так как не видели возможности, чтобы кто–то пришел к нам на помощь. Через некоторое время появились какие–то перевозчики, которые с трудом вытащили нас из снега.

Епископ, услышав об этом, был поражен и испытал немалое самодовольство, думая, что я так рисковала жизнью ради точного выполнения его повеления. Однако, позже он посчитал это хитростью и лицемерием. Действительно, иногда я сталкивалась с природными стихиями, но любовь Божья и Его милость делали сладостными даже самые горькие ситуации. Его незримая рука поддерживала меня, иначе бы я погибла в стольких испытаниях. Иногда я говорила себе: «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» (Пс. 41:8). «Натянул лук Свой и поставил

меня как бы целью для стрел; Послал в почки мои стрелы из колчана Своего» (Плач Иеремии 3:12,13). Мне казалось, что все были правы, причиняя мне зло и служили этим Богу. Тогда я поняла, что это и был путь страданий Иисуса Христа. Он был причтен к грешникам (Марка 15:28), Он был осуждаем первосвященником, священниками, учителями закона, и делегированными Римом судьями, которые считали себя вершителями справедливого суда. Блаженны те, кто, страдая по воле Божьей во всех подобных обстоятельствах, стоят так близко к страданиям Иисуса Христа!

В течение шести недель после моего прибытия в Мо, я находилась в беспрерывной лихорадке, еще не успев выздороветь от своей прежней болезни. В то время меня ожидал Епископ, который был готов заставить меня подтвердить, что я не верю в воплощенное Слово или Христа, явившегося во плоти. Я ответила ему, что посредством Божьей благодати, мне известно, что значит страдать, даже до смерти, но неизвестно как можно подписаться под такой ложью. Некоторые монашки, которые подслушали эту беседу и догадались о намерениях Епископа, свидетельствовали вместе с Игуменьей не только о моем добром поведении, но и о здравости моей веры.

Спустя несколько дней Епископ принес мне исповедание веры и приказ предоставить свои книги церкви, требуя от меня подписать его и обещая дать мне приготовленный им сертификат. Получив мою подпись, он отказался дать мне сертификат, несмотря на свое обещание. Через некоторое время, он пытался заставить меня подписать свое пасторское письмо, в котором я должна была признать, что допустила ошибки, которые он ставил мне в вину. Также он предъявлял ко мне многие подобные абсурдные требования совершенно необоснованного характера, угрожая гонениями в случае моего несогласия, которые мне впоследствии и пришлось претерпеть. Однако я решительно отказывалась ставить свое имя под лживыми заявлениями. Через некоторое время, после моего шестимесячного пребывания в Мо, он дал мне сертификат. Узнав, что Мадам Ментенон не одобрила этот предоставленный им, он хотел дать мне другой взамен. Но мой отказ вернуть первый сертификат возмутил его, и тогда я поняла, что они были намерены ускорить дело, идя на крайнюю жестокость.

Я думала, что, несмотря на свою покорность всему, что может случиться, я, все же, должна принять меры предосторожности, дабы избежать угрожающей мне бури. Мне предлагали много мест для убежища, но я не была вольна принять какое–либо из них, дабы никого не затруднять, не втягивать в проблемы своих друзей и их семьи, которых они могли обвинить в укрывательстве. Я приняла решение оставаться в Париже, живя там уединенно вместе со своими служанками, которые были надежными и верными, дабы скрыть себя от взоров этого мира.

Так продолжалось пять или шесть месяцев. Я одиноко проводила дни в чтении, в молитве Богу и в работе. Но 27 декабря 1695 года меня арестовали, несмотря на мое крайнее в то время недомогание и отвезли в Венсенн. В течение трех дней я находилась под опекой господина де Греза, который меня арестовал, так как король не давал своего согласия на помещение меня в тюрьму, говоря несколько раз, что монастыря в этом случае вполне достаточно. Его ввели в заблуждение, представив еще более сильную клевету. Они обрисовали меня ему в таких

мрачных красках, что он постеснялся проявления своей доброты и справедливости. Тогда он дал согласие поместить меня в Венсенн.

Я не буду рассказывать об этих длительных гонениях, которые наделали столько шума. Это был ряд тюремных заключений в течение десяти лет во всех видах тюрем, ссылка почти такой же продолжительности, которая еще не закончилась, крестные испытания, клевета, и все вообразимые виды страданий. Были слишком отвратительные факты поведения разных людей, о которых я умалчиваю из милосердия. Я перенесла долгие и острые томления, равно как и тяжелые и мучительные болезни. Также мне случалось в течение нескольких месяцев испытывать внутренние разочарования, так что я могла лишь сказать: «Боже мой, Боже мой! Для чего Ты меня оставил!» Казалось, все творения ополчились против меня. Тогда я встала на сторону Бога, противостоя самой себе. Возможно, некоторые удивятся тому, что я отказываюсь детально описывать самые жестокие и сильные испытания в моей жизни, после того как я описала менее суровые из них. Но я нашла необходимым поведать о некоторых испытаниях своей юности, чтобы показать каким образом Бог умерщвлял меня. Я ощущала своим долгом упомянуть о некоторых фактах, дабы показать их лживость. Я понимала также, что должна описать поведение тех, через чьи руки они приходили, равно как и инициаторов гонений, случайным объектом которых я была все это время. Ибо меня преследовали лишь с тем, чтобы уловить людей более достойных, которые, будучи сами по себе вне досягаемости, могли быть атакованы лишь за связь со мной. Я думаю, что обязана всем этим религии, набожности, моим друзьям, моей семье и себе самой.

Пока я пребывала в заключении в Венсенне, и господин де ля Рен проверял меня, я проводила свое время в состоянии великого мира, довольная возможностью провести здесь остаток своей жизни, если такова будет воля Божия. Я пела песни радости, которые прислуживающая мне служанка заучивала наизусть, как только я их сочиняла. Мы вместе воспевали Тебе хвалу, о мой Бог! Камни моей тюрьмы казались мне рубинами, и я ценила их больше, чем кричащие бриллианты тщеславного мира. Мое сердце было исполнено радости, которую Ты даруешь любящим Тебя посреди величайших испытаний. Когда во время моего пребывания в Бастилии положение было наиболее невыносимым, я сказала: «О мой Бог, если Тебе угодно сделать меня новым позорищем для людей и ангелов, то да исполнится Твоя святая воля!»

ДЕКАБРЬ, 1709 ГОДА.

На этом она закончила свое повествование, хотя впоследствии и прожила в уединении еще более семи лет. Все написанное ее рукой, сделано согласно требованиям ее наставника. Мадам Гийон умерла 9 июня 1717 года в Блуа, на семидесятом году своей жизни.